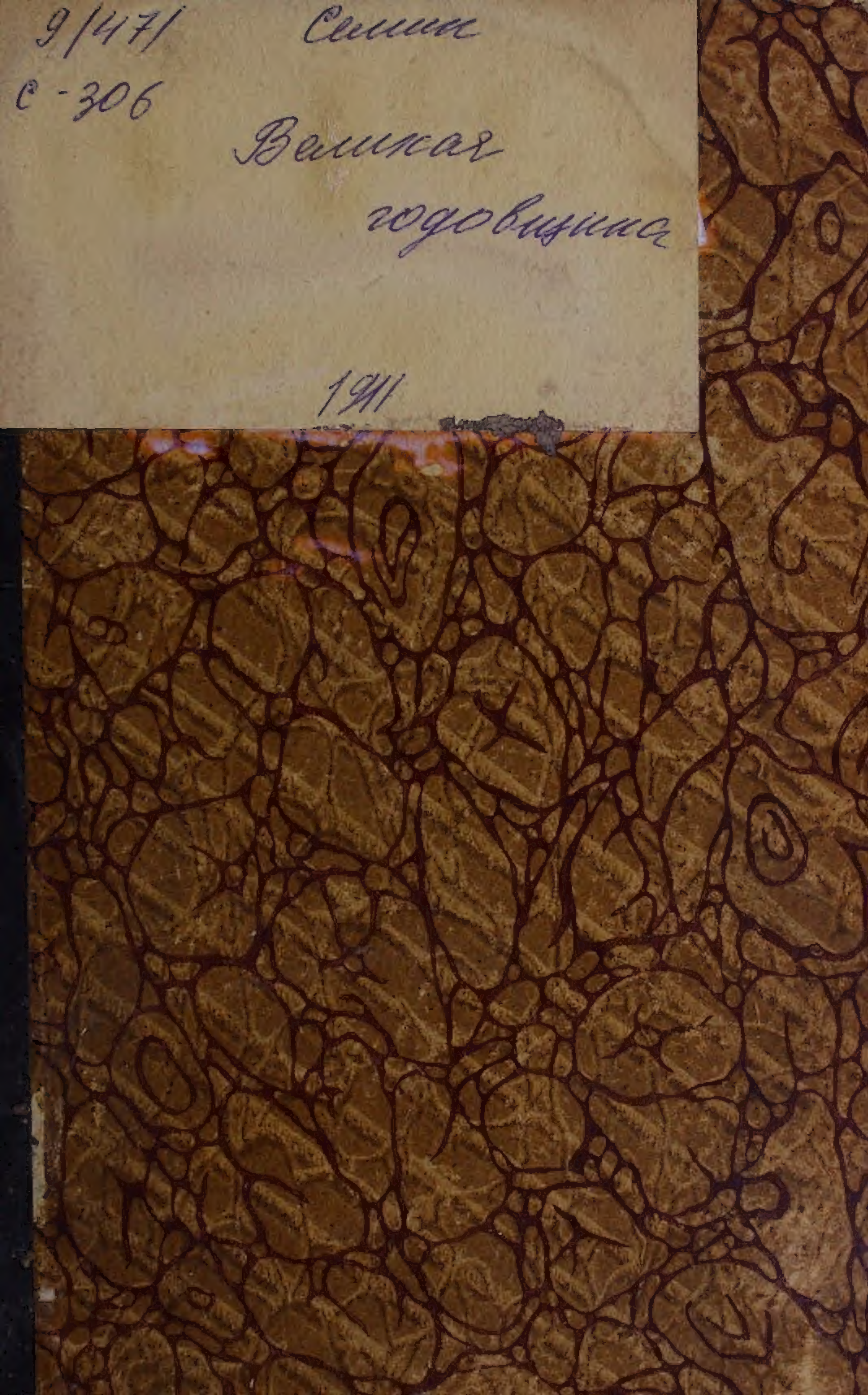
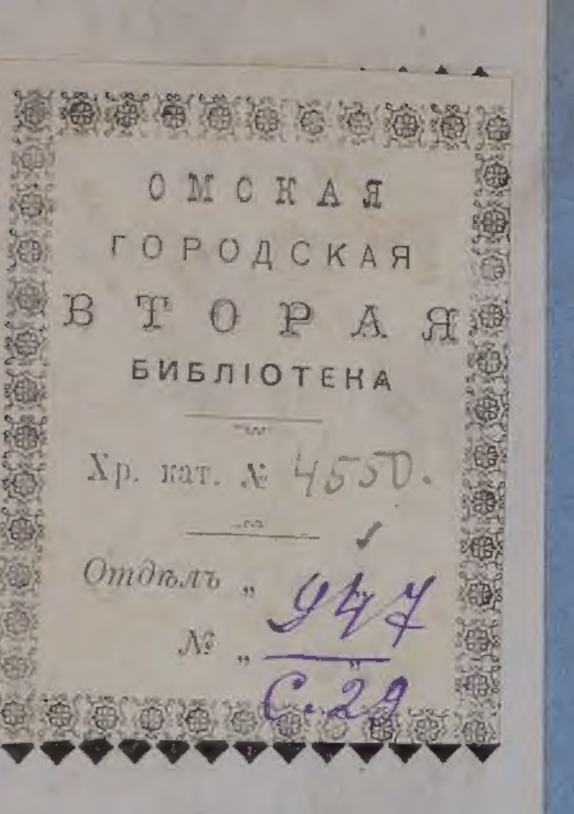
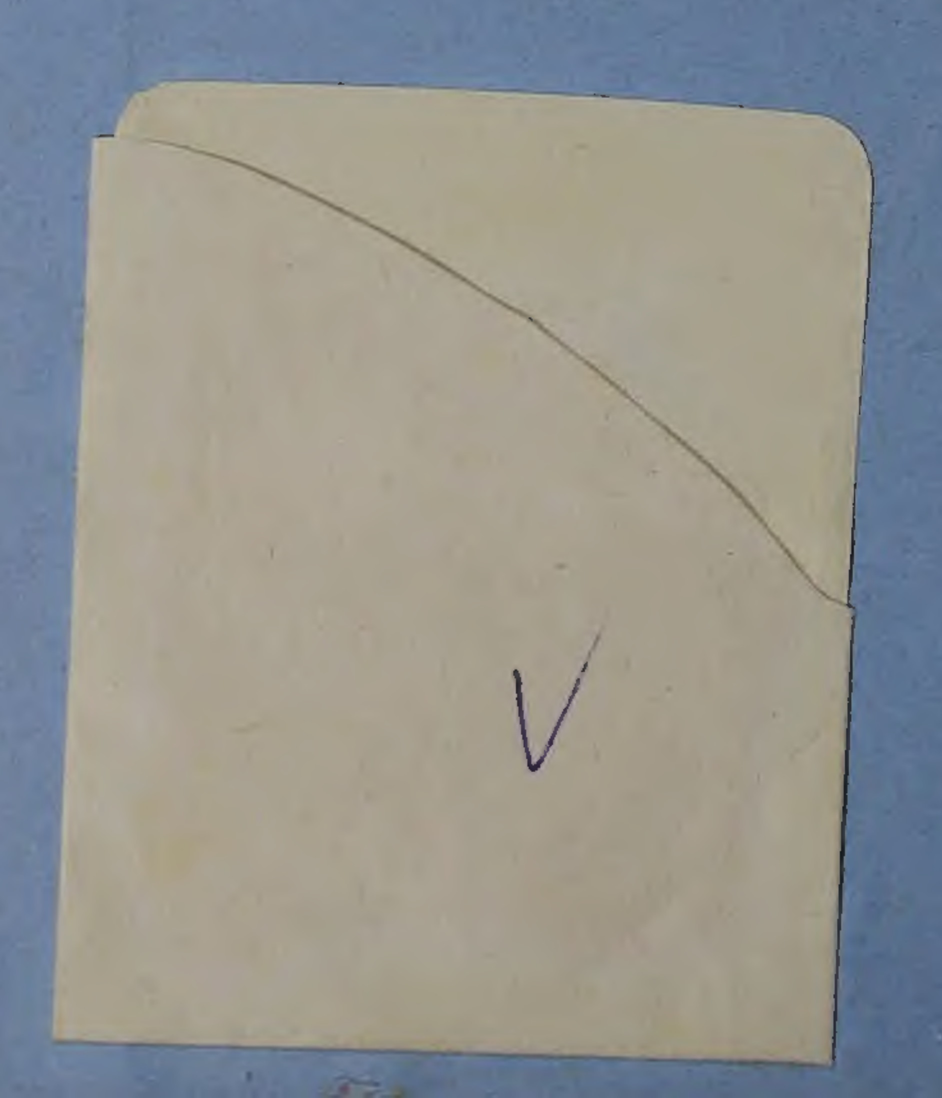
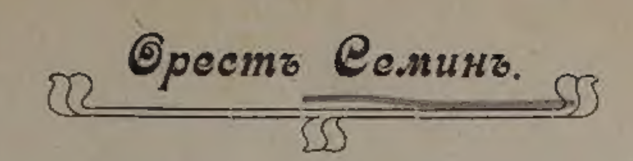

9(47)
С-306
Великая
годовщина
1911

ОМСКАЯ
ГОРОДСКАЯ
ВТОРАЯ
БИБЛІОТЕКА
Хр. кат. № 4550.
Отдѣлъ „ 947
№ „ С.29

Орестъ Семинъ.

ВЕЛИКАЯ ГОДОВЩИНА.

Аграрный вопросъ и крестьянская (крѣпостная) реформа на Кавказѣ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Цѣна 70 коп.

Изд. Издат. Т-ва „ВСЯ РОССІЯ“ Л. М. Фишъ.

101979.
595
9(47)
С-306.
отд. Г

КІЕВЪ,
Тип. К. Ш. Кутлянскаго Спасская улица, № 10.
1911.

ОМСКАЯ ГОРОДСКАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

ВВЕДЕНІЕ.

19 Февраля 1911 года минуетъ ровно 50 лѣтъ со времени изданія освободительнаго манифеста, положившаго начало новой эрѣ въ соціальной исторіи Россіи. Ярмо крѣпостного права было сброшено съ плечъ многомилліонной крестьянской массы, открывъ ей путь къ свободному труду, какъ основѣ благосостоянія народнаго въ современномъ государствѣ.

Но на Кавказѣ попытка осуществленія манифеста 19 Февраля 1861 г. встрѣтила рѣзкій протестъ со стороны мѣстнаго владѣльческаго класса, въ угоду которому — правительство „по политическимъ соображеніямъ" до настоящаго времени не довело дѣло крестьянской реформы до конца, такъ что окончательная ликвидація пережитковъ крѣпостного права въ этомъ краѣ и теперь, въ 50-тилѣтнюю годовщину освободительной реформы, все еще вопросъ неизвѣстнаго будущаго.

Такое замедленіе крестьянской реформы на Кавказѣ—не представляетъ изъ себя ничего удивительнаго.

Съ одной стороны, бюрократія, дворянская по своему составу, въ руки которой была передана судьба крестьянской реформы, всегда оказывалась „безсильной" въ осуществленіи мѣропріятій, полезныхъ для народной массы, а съ другой—помѣстное дворянство никогда не стояло на высотѣ широкаго пониманія великихъ государственныхъ задачъ и свое „благородство" видѣло исключительно въ упорномъ и слѣпомъ отстаиваніи своихъ узкихъ классовыхъ интересовъ, не смотря на то, что эти интересы были діаметрально противоположны интересамъ народа и государства. Но что мы не можемъ безъ особаго возмущенія не отмѣтить, такъ это крайне двусмысленное отношеніе къ крестьянской реформѣ въ Закавказьѣ со стороны господствующаго большинства Государственной Думы III созыва. Съ какой бы точки зрѣнія мы ни взглянули на существующіе на Кавказѣ пережитки крѣпостного права,—патріотической, государственно—утилитарной, христіанско-гуманитарной и всякой другой,— эти пережитки являются позорнымъ и вреднымъ институтомъ, за который намъ приходится краснѣть предъ всѣмъ цивилизованнымъ человѣчествомъ, такъ какъ онъ вноситъ смуту, разладъ и деморализацію и въ среду господъ, и въ среду рабовъ, служитъ

причиной пауперизаціи сотенъ тысячъ зависимыхъ крестьянъ и составляетъ въ государственномъ организмѣ, если можно такъ выразиться, особый гангренозный ядъ, разлагающе дѣйствующій на этотъ организмъ. Даже „Нов. Время" какъ то обмолвилось, что существованіе крѣпостного права на Кавказѣ—есть фактъ, „позорящій честь и достоинство русскаго государственнаго флага"... И вотъ, не смотря на это, представители Государственной Думы, всегда нарочито подчеркивающіе свой особый патріотизмъ, государственность и гуманность, до сихъ поръ относятся совершенно безучастно къ вопросу о ликвидаціи крѣпостного права на Кавказѣ. 15 Декабря минувшаго года исполнилось уже два года съ того момента, какъ 34 члена Гос. Думы (фракцій с.-д., трудовиковъ и примыкающихъ къ нимъ) внесли въ Гос. Думу законопроэктъ о ликвидаціи обязательныхъ отношеній на Кавказѣ, но этотъ проэктъ, вѣроятно, еще долго будетъ лежать безъ движенія въ Комиссіяхъ, доказывая тѣмъ самымъ, что для господствующаго большинства Гос. Думы интересы крестьянской массы такъ же чужды, какъ и для бюрократіи и мѣстнаго дворянства, вотъ уже въ теченіи 45-ти лѣтъ безуспѣшно „ликвидирующихъ" зависимыя отношенія въ краѣ...

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы коснемся подробно роли дворянства и бюрократіи какъ въ исторіи ликвидаціи пережитковъ крѣпостного права, такъ и въ осуществленіи самой крестьянской реформы на Кавказѣ.

Но прежде чѣмъ приступить къ этому изложенію считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ источникахъ, на основаніи которыхъ составлялся настоящій очеркъ.

Въ 1907 г. по инициативѣ члена Госуд. Думы Махарадзе при И. К. Обществѣ Сельскаго Хозяйства въ Тифлисѣ была организована особая аграрная Комиссія, на обязанность которой было, между прочимъ, возложено составленіе доклада, который затѣмъ будетъ использованъ для выработки законопроекта о ликвидаціи обязательныхъ отношеній крестьянъ Закавказья къ помѣщикамъ. Основные вопросы, которые должны быть подвергнуты въ комиссіи обстоятельной разработкѣ, слѣдующіе: I. а) Краткая исторія возникновенія крѣпостного права въ различныхъ частяхъ Грузіи (Зап. Закавказье); б) тоже въ армянско-татарск. провинціяхъ (Вост. Закавказье). II. Отношеніе правительства къ институту крѣпостного права въ Закавказьѣ со времени присоединенія его и до „освободительной

крестьянской реформы" (1861—64—65—70 гг.). III. а) Освободительная крестьянская реформа въ различныхъ частяхъ Грузіи, и б) въ армянско-татарскихъ провинціяхъ. IV. Исторія выкупной операціи и современное ея состояніе. V. Современное положеніе временнообязанныхъ крестьянъ (запад. Закавказья) и госуд. поселянъ (вост. Закавказья). VI. Недопустимость дальнѣйшаго существованія института временнообязанныхъ крестьянъ и зависимыхъ поселянъ съ формально-юридич. стороны. VII. Необходимость немедленной ликвидаціи обязательныхъ отношеній въ Закавказьѣ съ точки зрѣнія государ. экономической. VIII. Законность, полезность и справедливость безвозмезднаго оставленія въ пользованіи освобождаемыхъ крестьянъ ихъ надѣльныхъ земель. IX. Техническія трудности, могущія встрѣтиться при ликвидаціи обязательныхъ отношеній, и способы обойти ихъ. X. Критика оффиціальнаго проекта о выкупѣ надѣловъ временнообязанныхъ крестьянъ и зависимыхъ поселянъ за счетъ государства.

О принятіи участія въ работахъ комиссіи были разосланы приглашенія гг. В. А. Старосельскому, Ф. Г. Гогичайшвили, А. Н. Пурцеладзе, А. С. Пиралову, С. Н. Тимофееву, Ф. І. Махарадзе, Г. М. Туманову, А. И. Саакову, С. Заварову, А. А. Калантару, И. О. Іосселіани и др.

Секретаремъ Комиссіи былъ избранъ пишущій эти строки, составившій вскорѣ приводимую ниже библіографическую справку по крестьянскому вопросу въ Закавказскомъ краѣ. Большая часть указанныхъ въ этой справкѣ сочиненій относятся къ вопросу о крестьянской реформѣ и ликвидаціи обязательныхъ отношеній, а остальныя—къ вопросу о землеустройствѣ, ожидающемъ еще разработки.

1. *М. Ковалевскій*. Древній законъ и обычай на Кавказѣ.

2. *Пурцеладзе*. О крѣпостномъ состояніи въ Грузіи. „Кавк." 1864 г. № 84—86.

3. *Калантаровъ*. Крѣпостное право въ Грузіи въ началѣ настоящаго столѣтія. Сборн. стат. свѣд. о Кавказѣ. Изд. 1869 г. ч. I.

4. *Бороздинъ*. Крѣпостное состояніе въ Мингреліи. Зап. К. О. И. Р. георг. о-ва. 1866 г. кн. VII.

5. *Эристовъ*. О крестьянскомъ и привеллегирован. сословіяхъ въ Мингреліи „Кавк. Стар." 1873 г.

6. *Эсадзе*. Записка объ управленіи Кавказскимъ краемъ, т. I и II. Изд. 1907 г. (Здѣсь же библіографія о крестьянской реформѣ на Кавказѣ).

7. *Иваненко.* Тоже. Изд. 1901 г. (До намѣстничества В. К. Михаила).

8. *В. К. Михаилъ Николаевичъ*, намѣстникъ кавказскій. Докладная записка отъ I/VII—1865 г. объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ кутаиской губ.

9. *Кучаевъ.* Поземельное устройство государст. крестьянъ, водворенныхъ на владѣльческихъ земляхъ. Сводъ матеріаловъ по изуч. экономич. быта гос. крестьянъ, т. с. Тихеева. 1887 г. т. I. (См. также томы II, III, IV и V Свода.).

10. Объяснительная записка къ проекту положенія о поземельномъ устройствѣ госуд. крестьянъ, водворенныхъ на земляхъ высшаго мусульман. сословія. См. также записки бар. Николаи и кн. Багратіонъ-Мухранскаго.

11. *М. Тумановъ.* Записка о поземельныхъ отношеніяхъ землевладѣльцевъ и поселянъ, живущихъ въ различныхъ частяхъ Закавк. края. 1861 г.

12. *„Кавк. Календарь“* 1866 г. Статистическія данныя о крѣпостномъ владѣніи тифл. и кут. г.

13. *Вороновъ.* Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Кавказѣ 1869 г. ч. I. Изд. к. о. геогр. о-ва.

14. *Зиссерманъ.* Сборникъ матеріаловъ для описанія тифл. губ. 1870—71 г.г. ч. I и II.

15. *Журналъ* закав. центральн. к-та по устройству помѣщичьихъ крестьянъ 1863—64 г.г.

16. *Кучаевъ.* Крестьянская реформа въ елизавет. губ. (Матеріалы по изученію экономич. быта госуд. крестьян. Зак. кр. Т. С. Тихеева, т. I).

17. *Горемыкинъ.* Сводъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянскомъ положеніи, т. I и II.

18. *Кучаевъ.* Мѣстныя положенія о крестьянахъ (Закавк.). Ч. I, II и III.

19. *Гоцеридзе.* Тоже.

20. *Добровольскій.* Поземельная регистрація врем. обязанныхъ крестьянъ тифл. губ. по уставнымъ грамотамъ.

21. *Кн. М. Тумановъ.* Записка по тіульному дѣлу, 1873.

22. *И. Бахтадзе.* Податное обложеніе государств. крестьянъ Закавк. края. Т. 1 Свода матеріаловъ по изученію эконом. быта Госуд. кр., т. с. Тихеева. 1887 г.

23. *Кучаевъ*. О порядкѣ исполненія ст. 97 поселянскаго положенія 1870 г. объ обращеніи багры въ денежную повинность.

24. Журналъ совѣта главноначальств. отъ 25 и 27 сент. 1884 г. объ опредѣленіи нормы оброковъ за надѣльныя поселянскія земли взамѣнъ натуральн. повинности.

25. Проектъ правилъ о переложеніи багры на деньги, 1885 г., кн. Дондукова съ приложеніями.

26. Отзывы министерства и главноначальств. по этому поводу.

27. Извлеченія изъ представленій губернаторовъ и крестьянскихъ присутствій по тому же вопросу, 1898 г.

28. *А. Хахановъ*. Крѣпостное право въ Грузіи (на груз. яз.).

29. *А. Кипшидзе*. Очеркъ по исторіи крестьянской реформы въ Грузіи.

30. *Джавахловъ*. Соціальное движеніе въ Грузіи въ началѣ XIX стол.

31. *Стефановичъ*. Записка по дѣлу о переложеніи натуральныхъ повинностей на денежныя врем.—обязан. крестьянъ и поселянъ тиф., кутаис., бакин., елисаветп. и эрив. губ. 1904 г.

32. Свѣдѣнія о случаяхъ таковой замѣны, съ цифровой таблицей.

33. *В. С.* По поводу выкупного дѣла въ мусульманскихъ частяхъ Закавказья. „Кавк." 1882 г. № 60.

34. Сводъ журнальныхъ опредѣленій губ. по крестьян. дѣламъ присутствій объ установленіи основаній для выкупной операціи въ губ. Закавк. края, 1900 г.

35. *Извлеченія* изъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ особаго совѣщанія о нуждахъ с.-х. промышленности 1903 г. о выкупѣ крестьянами и поселянами ихъ надѣловъ.

36. *Протоколы засѣданій* совѣта главноначальств. по дѣлу о выкупѣ въ собственность надѣльныхъ земель временнообязанными и поселянами тифл., кутаис., бакин., эриван. и елиз. губ., 1904 г., съ приложеніями.

37. *Журналъ* совѣта главноначальств. о томъ же, 1904 г.

38. Проектъ положенія о выкупѣ надѣловъ вр. обяз. и поселянъ 1904 г.

39. Выкупная операція на Кавказѣ. „Кавк." 1905 г., январь.

40. Совѣщаніе податныхъ инспекторовъ о выкупной операціи въ Закавк. 1905 г. Тифл. Лист. № 189, 1905 г. и „Кавк. Вѣсти." № 2, т. г.

41. *Матеріалы по вопросу* о распространеніи дѣйствій крестьян. поземельн. банка на Закавк. край; изд. крестьян. позем. банка 1904 г. (Здѣсь же библіографія о выкупной операціи).

42. *Гоцеридзе.* Докладъ о выкупѣ временно-обязан. крестьянами кутаис. губ. своихъ надѣльныхъ земель.

43. *Представленіе* намѣстника Кавказа *гр. Воронцова-Дашкова* о прекращеніи обязательныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками Закавказья путемъ выкупа ихъ надѣльныхъ земель за счетъ государства 1905—6 г.

44. *Кучаевъ.* Матеріалы по изученію хизанскаго положенія въ Грузіи. Т. I Матеріаловъ по изученію экономич. быта государ. крестьянъ Закавк. края, Т. С. Тихеева, 1885 г.

45. *Вермишевъ.* Хизаны и хизанство. Тамъ же.

46. *Г. Тумановъ.* Земельный вопросъ и преступность на Кавказѣ.

47. *Савапели.* О хизанскомъ вопросѣ. „Юрид. Обозр.", 81 г. № 103 и 105.

48. Журналъ совѣта главноначальств. 1902 г. о хизанахъ тифл. и кут. г.

49. *Пираловъ.* Аграрный вопросъ о крестьянскіе безпорядки въ Закавказьѣ.

50. *Орестъ Семинъ.* „Въ странѣ спокойствія". Правда, 1905 г. № 3.

51. *М. Шахъ-Назаровъ.* Крестьянское движеніе въ Грузіи. 1906 г.

52. *Гогичайшвили.* Малоземелье среди крестьянъ Закавказья.

53. *С. Заварзинъ.* Опытъ изслѣдованія с.-х. въ эриванск. губ. и карсской обл. 1899 г.

54. *I. Сегаль.* Обзоръ производительн. силъ населенія елисаветп. губ. 1897 г.

55. *Гогичайшвили.* Дворянское землевладѣніе въ тифл. губ.

56. Сводъ статист. данныхъ о землевладѣніи въ тифл. и кут. губ. Изд. 1893 г.

57. *Сборникъ статистич.* свѣдѣній о землевладѣніи и земледѣліи въ 5 губ. Закавк. Изд. 1899 г. К. Стат. К-та.

58. *Сборникъ статистич.* свѣдѣній по Закав. Краю. Изд. 1902 г.

59. *„Кавказскій край“*. Т. 52 Трудовъ мѣстныхъ комит. особаго совѣщанія о нуждахъ с.-х. промышленности 1903 г

60. „Сводъ“ къ названнымъ трудамъ, составл. Кауфманомъ 1904 г.

61. *Отчетъ чиновн. особ.* поруч. при м-рѣ вн. д. *А. А. Половцева* о положеніи пересел. дѣла въ Закавказьѣ. 1898 г.

62. Кавк. календари, за 1906 и 1907 г. Изд. Зак. стат. к-та.

63. *Я. С. Медвѣдевъ.* Записка объ основаніяхъ поземельн. устройства госуд. крестьянъ въ пяти губ. Закавк. края. Приложеніе къ запискѣ канцеляріи главноначальствующ. 1896 г. того же названія.

64. Справочная записка по вопросу объ основаніяхъ поземельн. устройства госуд. крестьянъ Закавк. губ. по матеріаламъ объ изученіи эконом. быта госуд. крестьянъ, т. с. Тихеева.

65. Свѣдѣнія объ урожайности земли въ губ. Закавк. по матеріаламъ т. с. Тихеева.

66. Журналъ засѣданія коммиссіи по составленію проекта законоположеній о поземельн. устройствѣ госуд. поселянъ Зак. края. 1896 г.

67. Журналъ совѣта главноначальств. 1897 г. о поземельн. устройствѣ госуд. поселянъ.

68. Журналъ комиссіи о томъ же, 1899 г.

69. *Я. С. Медвѣдевъ.* Проектъ распредѣленія губ. Закавк. края съ росписаніемъ предѣльныхъ нормъ надѣла для каждой мѣстности 1899 г.

70. Меморія госуд. совѣта, о томъ же, 1900 г.

71. Проектъ правилъ о порядкѣ опредѣленія земельныхъ надѣловъ и производства землеустроит. работъ канцеляріи главноначальств. 1901 г.

72. Справка по этому проекту.

73. Представленіе м-ва земл. и госуд. им. въ госуд. совѣтъ по тому же вопросу. 1902 г.

74. Сводъ замѣчаній по проекту правилъ объ опредѣленіи земельныхъ надѣловъ и производства землеустроительныхъ работъ.

75. Журналы и проэкты совѣта намѣстника 1907—1909 г.г. и записки дворянства.

Составленный, затѣмъ, секретаремъ Комиссіи на основаніи этихъ источниковъ докладъ о крестьянской крѣпостной реформѣ подвергся обсужденію въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ Комиссіи и въ переработанномъ видѣ послужилъ матеріаломъ для внесеннаго 15 Декабря 1908 г. 34-мя членами III Государственной Думы законопроэкта о ликвидаціи обязательныхъ отношеній на Кавказѣ.

Въ Февралѣ 1909 г. Намѣстникъ Кавказскій далъ свои заключенія къ этому законопроекту, въ которыхъ излагается оффиціальная точка зрѣнія на сущность крѣпостной реформы въ Закавказьѣ. Въ нашемъ очеркѣ мы приводимъ главнѣйшія возраженія гр. Воронцова-Дашкова полностью или дѣлая соотвѣтствующія поправки и исключенія въ запискѣ къ законопроэкту 34-хъ членовъ Гос. Думы. „Заключенія" намѣстника, въ свою очередь, не остались безъ возраженія со стороны авторовъ неоффиціальнаго проэкта. Эти возраженія — также приводятся нами въ очеркѣ почти полностью. Кромѣ того — для болѣе всесторонняго освѣщенія сущности крѣпостной реформы на Кавказѣ - мы отводимъ въ очеркѣ не мало мѣста мнѣніямъ дворянства, стоящаго на особой „дворянской" точкѣ зрѣнія на эту реформу.

Послѣднія варіаціи оффиціальныхъ проэктовъ ликвидаціи мы заимствуемъ изъ не упоминаемыхъ въ приведенной выше библіографической справкѣ:

1. Записки канцеляріи намѣстника отъ 25 Февр. 1909 г. объ обязательномъ выкупѣ помѣщичьихъ, владѣльческихъ и церковныхъ крестьянъ въ Закавк. Краѣ.

2. Журнала Совѣта намѣстника отъ 30 Апрѣля и 2 — 22 Мая 1909 г. и

3. Проэкта намѣстника отъ 13 Іюня 1910 г. о прекращеніи крестьянъ и поселянъ Закавказья посредствомъ выкупа при содѣйствіи правительства.

ГЛАВА I.

Составить ясное представленіе объ истинномъ характерѣ кавказской крестьянской реформы — въ настоящее время довольно трудно. Объясняется это прежде всего скудостью литературныхъ матеріаловъ по данному вопросу, а затѣмъ крайне тенденціознымъ освѣщеніемъ сущности крѣпостной реформы, даваемымъ въ оффиціальныхъ источникахъ и въ немногочисленныхъ замѣткахъ и воспоминаніяхъ современниковъ, большинство коихъ, по свидѣтельству знатока грузинской исторіи профессора *Хаханова*, „принадлежали къ либеральнымъ идеологамъ дворянской аристократіи" (Ист. груз. словесности, т. 4). Въ унисонъ съ этими, господствовавшими въ 60-хъ годахъ въ Кавказской литературѣ, поклонниками освободительной реформы, всѣ послѣдующіе, даже народническіе писатели, какъ напр. *И. Хонели* (Бахтадзе), до самаго послѣдняго времени считали ее „актомъ величайшаго изъ благодѣяній царствованія Александра II", полагая, что сущность реформы вполнѣ точно опредѣляется содержаніемъ манифеста 19 февраля 1861 г., въ которомъ призывалось Божіе благословеніе на отнынѣ „свободный" крестьянскій трудъ, а также слѣдующими словами воззванія Намѣстника Кавказскаго отъ 8 Ноября 1864 г.:

„Сельскіе обыватели, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости! Оцѣните важность правъ, вамъ съ этого дня *даруемыхъ*. Они дѣлаютъ васъ „полными" хозяевами вашего имущества, „полными" распорядителями вашего труда"... (*I. Киппіани*: Объявленіе воли въ Тифл. губ., Кавк. Вѣстн. кн. 1).

Между тѣмъ, при ближайшемъ ознакомленіи даже только съ оффиціальными источниками по исторіи крѣпостной реформы на Кавказѣ мы убѣждаемся, что подобное пониманіе ея совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительной ея сущности.

Оффиціальное призываніе „Божьяго благословенія" на „даруемый" якобы „свободный" отнынѣ трудъ будто бы раскрѣпощенныхъ реформой крестьянъ, сильно грѣшитъ противъ третьей заповѣди

лесniословія. а утвержденіе воззванія Намѣстника. что реформа сдѣлала крестьянъ *полными* хозяевами ихъ имущества и произведеній ихъ труда—также искренно, какъ заявленіе въ 2-й Государственной Думѣ г. Столыпина о его искреннемъ желаніи создать „классъ свободныхъ и обезпеченныхъ матеріально земледѣльцевъ,“ въ то время, когда тотъ же г. Столыпинъ признаетъ принудительное отчужденіе въ пользу этихъ земледѣльцевъ воздѣлываемыхъ *ими самими* помѣщичьихъ земель—„гибелью очаговъ культуры“...

На самомъ дѣлѣ, такъ называемая крѣпостная реформа на Кавказѣ преслѣдовала цѣли, ничего почти общаго съ крестьянской свободой или благосостояніемъ не имѣющія. Этими цѣлями, не всегда, впрочемъ, сознаваемыми самими реформаторами, было: укрѣпленіе политическаго господства въ краѣ бюрократіи посредствомъ закабаленія владѣльцамъ крестьянскаго трудового населенія, (чѣмъ имѣлось въ виду, выражаясь языкомъ подлинныхъ оффиціал. бумагъ „облегчить управленіе краемъ“).

На мѣсто *фиктивнаго* юридическаго раскрѣпощенія крестьянъ крѣпостная реформа на Кавказѣ создавала сложную систему всесторонняго политическаго и соціальнаго закрѣпощенія трудовой массы командующимъ сословіямъ и владѣющимъ классамъ.

„Отмѣну крѣпостного права въ Лечхумѣ, — писали мы для № 3 журнала „Правда“ 1905 г. въ оттискѣ, не побывавшемъ еще въ рукахъ цензуры, —можно считать чистѣйшей фикціей, ловкимъ обманомъ помѣщиками общественнаго мнѣнія. Бумажно-формальная отмѣна личной зависимости не уничтожала фактической (имущественной и личной) зависимости крестьянъ отъ владѣльцевъ. Наоборотъ, эта зависимость теперь стала только болѣе опредѣленной, строго регулируемой закономъ. Скажу даже болѣе. Зависимость „временнообязанныхъ“, созданная реформой, ложится въ настоящее время большимъ бременемъ на крестьянъ, чѣмъ то было при господствѣ стараго крѣпостного права. Настоящая зависимость крестьянина отъ помѣщика стала болѣе сословной, чѣмъ индивидуальной, какъ было раньше. Теперь дворянство въ лицѣ мировыхъ посредниковъ, выбираемыхъ губернаторомъ изъ среды помѣщиковъ, и въ органахъ сельской власти обладаетъ оружіемъ для обезпеченія себѣ самаго разносторонняго подчиненія крестьянства. Тогда какъ до такъ называемаго „освобожденія“ крестьяне имѣли дѣло съ однимъ

помѣщикомъ, которому не всегда могли пройти даромъ произвольныя притязанія... Затѣмъ при старомъ крѣпостномъ правѣ— крестьянинъ могъ оставить одного помѣщика и бѣжать къ другому, теперь это бѣгство стало фактически невозможно. Органы полицейской власти „всемѣрно обязаны пещись о поимкѣ бѣглыхъ и безпаспортныхъ". Наконецъ — современная зависимость крестьянъ уже не возмѣщается обратнымъ обязательствомъ помѣщиковъ заботиться о благосостояніи временнообязанныхъ: землевладѣлецъ освобожденъ отъ обязанности въ годины бѣдствія помогать крестьянамъ... Крестьяне теперь „вольны" гибнуть безъ поддержки въ голодные годы...

Съ другой стороны—положеніе временнообязанныхъ ухудшилось вслѣдствіе перехода къ государству многихъ принадлежавшихъ помѣщикамъ правъ надъ личностью и имуществомъ крестьянъ, какъ-то воинская повинность, дорожная повинность, *обязательныя* мірскія повинности (содержаніе сельскихъ управленій, духовенства плата за паспорта, безъ которыхъ невозможно передвиженіе, подати и налоги и т. д.)".

Что крѣпостная реформа преслѣдовала именно упроченіе, организацію и приведеніе въ систему соціальнаго господства представителей крупнаго барщиннаго хозяйства надъ непосредственными производителями и укрѣпленіе власти бюрократіи въ краѣ усматривается прежде всего изъ *прямыхъ* заявленій самихъ руководителей реформы и изъ характера принятыхъ или практиковавшихся ими раньше, до реформы, *мѣропріятій* по крестьянскому вопросу.

Характеръ этихъ заявленій и мѣропріятій не оставляетъ сомнѣнія, будто бюрократія и помѣщики *желали*, какъ они рекламируютъ въ оффиціальныхъ бумагахъ, уничтожить юридическую или фактическую зависимость крестьянъ отъ феодаловъ.

Разсказывая объ аграрномъ движеніи въ Грузіи въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія прив. доц. Джаваховъ отмѣчаетъ, что хотя это движеніе было вызвано притѣсненіями крѣпостниковъ и тяжестью лежавшихъ на крестьянахъ повинностей, но *власти* совершенно не считались съ интересами крестьянъ, и въ цѣляхъ подавленія всякаго съ нихъ стороны протеста предоставили грузинскимъ помѣщикамъ право „сдавать своихъ (неспокойныхъ) крѣпостныхъ въ рекруты и отправлять въ ссылку", а въ 1842 г. въ циркулярѣ кн.

Чернышева мѣстной администраціи предписывалось „держать грузинскихъ крестьянъ въ *безусловномъ* повиновеніи помѣщикамъ“, и всѣмъ, которые попробовали нарушить это распоряженіе правительства, военными экзекуціями было дано понять“... какъ искренно бюрократія и помѣщики желали крестьянскаго освобожденія! (*Джавахаховъ*: Политич. и соц. движ. въ Грузіи XIX в.).

Но и экзекуціи, конечно, не могли остановить стремленій грузинскаго крестьянства къ свободѣ, — почему, разсказываетъ въ своемъ капитальномъ трудѣ — полуофиціальной „Исторической запискѣ объ Управленіи Кавказомъ“ — *г. Эсадзе*, Намѣстникъ кн. Воронцовъ „приказалъ произвести точное разслѣдованіе о причинахъ малаго успѣха правительственныхъ мѣръ (о которыхъ просили дворяне) „*противъ стремленія крестьянъ къ свободѣ*“. Начальникъ главнаго управленія, г.-л. Ладинскій въ отвѣтъ на это предложилъ осуществить просьбу дворянъ о томъ, „чтобы съ начала 1846 г. рѣшительно воспретить производство дѣлъ по отысканію свободы“ тѣми крестьянами, которые по камеральному описанію 1842 г. значатся безспорно принадлежащими владѣльцамъ“. Кн. Воронцовъ одобрилъ это предложеніе (*Истор. Записка* ст. 303).

Наконецъ, въ цѣляхъ того же укрѣпленія власти бюрократіи, а никакъ не во имя крестьянской свободы, въ 1838 г. главноуправляющимъ Кавказскимъ краемъ Головинымъ были попраны даже существующіе основные государственные законы, воспрещавшіе закрѣпощеніе христіанъ язычникамъ и магометанамъ, а также государственнымъ измѣнникамъ. Именно, по приказу Головина въ 1838 г. были предоставлены въ распоряженіе лезгинъ Закатальскаго края доходы съ бывшихъ подвластныхъ имъ ингелойцевъ и мугалъ, (часть которыхъ исповѣдывала христіанство). Эти подвластные были освобождены отъ зависимости лезгинъ въ 1831 г. за мятежъ послѣднихъ, а теперь, спустя 7 лѣтъ, вновь подчинены имъ...

Въ полномъ согласіи съ характеромъ описанныхъ мѣропріятій (а иныхъ какихъ-либо исторіи не извѣстно) — стоятъ и прямыя заявленія высшей Кавказской власти объ ея отношеніи къ крестьянской волѣ.

Тотъ же кн. Воронцовъ, домогаясь еще тогда неосуществленнаго имъ закрѣпленія за мусульманскими беками и армянскими меликами правъ на земли (и, фактически, на души) до того времени

болѣе или менѣе свободныхъ поселянъ восточнаго закавказья, такъ мотивировалъ въ донесеніи 1846 г. необходимость этого закрѣпленія: „Вездѣ, гдѣ народъ находится на низкой ступени гражданственности, правительству несравненно *труднѣе* дѣйствовать на цѣлыя массы, нежели на одно сословіе, болѣе просвѣщенное и, слѣдовательно, имѣющее больше вліянія. Здѣсь же (на Кавказѣ) по *политическому положенію* края затрудненіе еще ощутительнѣе и поэтому надлежитъ не только не „посягать" на права высшаго сословія, но и всѣми мѣрами стараться объ огражденіи и *укрѣпленіи* оныхъ, *ибо* только одно аристократическое начало можетъ побороть то направленіе демократическое, которое развилось и такъ глубоко пустило корни своя (въ краѣ) и противъ котораго, къ сожалѣнію до сихъ поръ, *кромѣ оружія* (!) *никакого* оплота противупоставлено не было". (*Кучаевъ*. Позем. устройство государствен. крестьянъ, водворенныхъ на владѣльческихъ земляхъ въ Закавказ. губ. Сводъ матеріаловъ по изуч. экон. быта гос. крестьянъ Закавк. т. е. Тихеева, т. 1, ст. 14).

Домогательство кн. Воронцева, какъ извѣстно, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ, и рескриптомъ 6 Декабря 1846 г. высшему сословію мусульманъ и армянъ были предоставлены полицейскія и вотчинныя, а также права личной собственности на земли и помѣстья въ восточномъ Закавказьѣ, населенныя до того времени свободными крестьянами и считавшіяся государственными.

Затѣмъ, *Въ Журналѣ* Закавказ. Центральнаго Комитета по устройству помѣщичьихъ крестьянъ, (1863—64) г., на обязанность котораго была возложена подготовка крестьянской реформы въ краѣ, необходимость „освобожденія" крестьянъ съ землей — мотивируется желаніемъ „дать имъ средства не только къ существованію, но и къ выполненію лежащей на нихъ обязанности предъ Правительствомъ: *отбыванія государственныхъ податей и повинностей — казенныхъ и земскихъ.*" (Курс. подл. стр. 34).

„Такимъ образомъ, читаемъ мы далѣе въ Журналѣ Ц. К., обязательность надѣленія крестьянъ землею со стороны владѣльца основывается *не на правѣ* крестьянъ, *а на соображеніяхъ нуждъ государственныхъ*: на произволъ владѣльцевъ не могла быть оставлена участь массы населенія въ пріисканіи прочной осѣдлости и добыванія средствъ не только къ существованію, но и къ

выполненію *предъ Правительствомъ* многоразличныхъ и обширныхъ *обязанностей*, отъ которыхъ оно *не освобождается. Самое управленіе* не только можетъ быть крайне затруднено, но и не возможно, когда масса населенія, лишенная прочной осѣдлости, не только не можетъ доставить способы къ ея собственному благоустройству, но внесетъ въ государственный организмъ постоянный элементъ безпорядка". (Журналъ стр. 36).

Далѣе. Въ „Исторической запискѣ" *г. Эсадзе* имѣется еще не мало другихъ оффиціальныхъ заявленій, что въ Грузіи крѣпостная реформа направлена была прежде всего къ укрѣпленію власти бюрократіи и мѣстныхъ помѣщиковъ надъ крестьянами и никакого отношенія къ защитѣ стремленій крестьянъ сбросить иго землевладѣльцевъ не имѣла. Такъ въ 1864 г. послѣ торжественнаго объявленія Тифлисскому дворянству манифеста 13 октября 1864 г. — Предводитель *дворянства* Кипіани обратился къ Намѣстнику съ слѣдующими словами: „Возвѣщенная намъ и *исключительно намъ даруемая императорская милость* устраняетъ опасеніе дворянства понести при реформѣ *какія нибудь* матеріальныя лишенія". (*Эсадзе*, ст. 344). Затѣмъ, въ запискѣ мингрельскаго (Кут. губ.) дворянства, отъ 19 февр. 1866 г., доказывавшей необходимость сохраненія и урегулированія зависимыхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, говорится: „Въ 1861 г. главноначальствующій кн. Барятинскій посѣтилъ Мингрелію и объявилъ дворянству, что приближается время для крестьянской реформы и *что дворянству нечего* стѣсняться этимъ: самъ же Государь, посѣтивъ Имеретію и Мингрелію, успокоилъ дворянство, что „освобожденіе" крестьянъ будетъ окончено съ *наименьшими* потерями для помѣщиковъ". (*Эсадзе* 403).

Наконецъ, во Всеподданнѣйшемъ отчетѣ В. К. Михаила Николаевича за 1865 г. мы находимъ слѣдующія строки: „Благодаря щедротамъ Вашего Величества, облегчившимъ помѣщичьему сословію лишеніе крестьянскихъ повинностей... и спокойному благоразумію населенія, крестьянское сословіе вступило въ пользованіе своими „новыми правами" безъ борьбы съ прошедшимъ, *не оставивъ въ сердцахъ помѣщиковъ ни явнаго, ни скрытаго неудовольствія*". (*Эсадзе* 347).

Любопытно историческое свидѣтельство А. Ѳ. Кяшидзе о той обстановкѣ, при которой Кавказская администрація объявляла волю

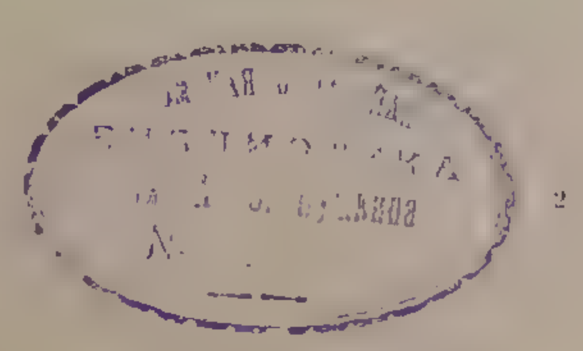
мѣстнымъ крестьянамъ. Обыкновенно это дѣлалось такъ. Въ селеніе являлась рота солдатъ, выстраивалась въ боевомъ порядкѣ; затѣмъ раздавался барабанный бой, подъ звуки котораго народъ безмолвно выслушивалъ слова манифеста. (Кавк. Вѣстн.)

Но лучше всякихъ оффиціальныхъ заявленій, многія изъ которыхъ и до сего времени, вѣроятно, хранятся въ секретѣ, объ истинной сущности „акта величайшаго изъ благодѣяній“ царствованія Александра II даетъ представленіе *то, что* и *какъ* этимъ актомъ было создано.

Выше мы уже сказали, что крѣпостная реформа на Кавказѣ имѣла цѣлью привести въ систему неорганизованное до той поры господство крупнаго барщиннаго хозяйства надъ мелкими производителями, т. е. трудовымъ крестьянствомъ. Достигнуто это было путемъ закабаленія крестьянъ владѣльцамъ,—для чего былъ произведенъ дѣйствительно величайшій въ соціальной исторіи Кавказа актъ *экспропріаціи* народнаго земельнаго фонда въ пользу владѣющаго сословія. Экспропріація эта сопровождалась возмутительнымъ по своей жестокости и пренебреженію къ дѣйствовавшимъ въ краѣ нормамъ обычнаго и даже *формальнаго* права *обезземеленіемъ* тысячъ крестьянскихъ семей, и созданіемъ сословно-административной организаціи владѣльцевъ, имѣвшей цѣлью обезпечить, какъ мы сказали уже, всестороннее соціальное господство помѣщиковъ надъ подчиненными имъ реформой „временно-обязанными“ крестьянами и „зависимыми поселянами“.

101912

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы постараемся показать, въ какомъ широкомъ масштабѣ была произведена на Кавказѣ по требованію мѣстныхъ помѣщиковъ эта экспропріація и какимъ ничтожнымъ палліативомъ является въ сравненіи съ этимъ истинно революціоннымъ актомъ предлагаемая теперь напр. к.-д.-тами полумѣра - отчужденіе частно-владѣльческихъ земель въ пользу земледѣльцевъ за справедливое вознагражденіе, полумѣра, -приводящая, однако, въ ужасъ и считаемая преступной за положенный въ ея основу принципъ принудительности...

ГЛАВА II.

Экспропріація народнаго земельнаго фонда въ пользу землевладѣльцевъ въ Закавказьѣ, или иначе—крѣпостная реформа начата была съ мусульманскихъ провинцій. Объ этомъ актѣ названный выше г. *Кучаевъ*, лучшій знатокъ юридическаго быта Закавказскаго крестьянства и членъ совѣта Главноначальствующаго отъ М. В. Д., разсказываетъ слѣдующее въ поименованномъ выше своемъ трудѣ.

По ученію Магомета земля признается даромъ Аллаха, обезпечивающимъ существованіе населяющихъ ее обитателей, и не составляетъ ни чьей собственности. Тоже ученіе исключаетъ всякій видъ личной несвободы правовѣрныхъ. Поэтому, (а также въ виду того, что крѣпостничество непремѣнно предполагаетъ осѣдлый образъ жизни, тогда какъ мусульмане восточнаго Закавказья только недавно стали переходить отъ кочевого быта къ осѣдлой культурѣ, О. С.), поселяне въ мусульманскихъ провинціяхъ свободно пользовались, въ чертѣ своей осѣдлости, землею и всѣми угодьями, а при неудобности своего мѣсторасположенія безпрепятственно селились въ другихъ мѣстахъ, если представлялись тамъ большія удобства для жизни. И если между представителями привилегированнаго сословія мусульманскаго міра и крестьянами возникали зависимыя отношенія, выражавшіяся въ томъ, что беки и агалары пользовались потомственнымъ, что было рѣдко, пожизненнымъ или временнымъ правомъ полученія съ крестьянъ повинностей, то это происходило, какъ общее правило, въ силу сепаратныхъ распоряженій хановъ или владѣтелей той или другой области, поставлявшихъ бековъ и агаларовъ управлять подвластными хану селеніями *на полицейскомъ* правѣ. За несеніе всѣхъ этихъ *полицейскихъ* обязанностей беки и агалары получали право присваивать въ свою пользу часть вносимыхъ крестьянами въ казну властителя повинностей". Въ частности, въ Карабахѣ, напр. въ нагорной юго-восточн. уѣзда Елисаветп. губ., какъ и въ Персіи, не было и тѣни крѣпостного права до времени послѣдняго Карабахскаго хана Мехти-Кули. Сей, предаваясь лѣности, нѣгѣ и роскоши, пренебрегалъ дѣлами своего владѣнія, предоставивъ нѣкоторыя селенія въ *управленіе* разнымъ любимцамъ, давъ имъ титулъ бековъ. Беки сіи, управляя селеніями на правахъ [illegible], обязаны были давать хану хлѣбную и денежную

подати... Впрочемъ ханъ, какъ изъ всѣхъ его грамотъ видно, давалъ селенія не въ потомственное владѣніе, а только одному лицу вмѣсто жалованья, и то до тѣхъ поръ, пока получившій селеніе находился на службѣ, но и въ этомъ случаѣ давались не люди, а только доходы съ земли, ими обрабатываемой". (Записка *К. О. Зубарева* о карабахской провинціи 1830 г. См. Матеріалы т. е. Тихеева, т. VI, стр. 383).

Занявъ губерніи восточнаго Закавказья, населенныя мусульманами, русское правительство оставило въ силѣ дѣйствовавшія тамъ нормы обычнаго права въ полной неприкосновенности, и, потому, послѣ административной реформы 1840 г., по Высочайшему повелѣнію 28 мая 1841 г., агалары были устранены, за ненадобностью, отъ управленія деревнями, а взамѣнъ получавшихся ими повинностей, имъ было назначено соотвѣтствующее *пожизненное* денежное содержаніе. Въ 11-ти же армянскихъ деревняхъ мелики и агалары были устранены отъ занимаемыхъ ими должностей безъ всякаго вознагражденія...

Это, однако, вызвало недовольство мусульманскихъ господъ. „Беки, эти бывшіе конюхи и придворные слуги хановъ, пишетъ въ своей книгѣ „Сельская община въ Елисав. и Бакин. губ." профес. С. А. *Егіазаровъ*, стр. 6, проникнувъ въ среду Россійскаго дворянства, обнаружили стремленіе сдѣлаться также лендъ лордами".

Выше мы видѣли, что тогдашній Намѣстникъ кн. Воронцовъ всецѣло сочувствовалъ этимъ крѣпостническимъ вожделѣніямъ мусульманскихъ беговъ и хановъ, и въ донесеніи своемъ въ 1846 г. на Высочайшее имя доказывалъ, что *для борьбы* съ демократическимъ движеніемъ въ краѣ, нужно укрѣпить среди мусульманъ аристократическое начало путемъ предоставленія въ *собственность* мѣстнаго привиллегированнаго класса земель тѣхъ селеній, гдѣ беки, агалары или мелики были управителями, а также путемъ подчиненія бекамъ крестьянъ этихъ селеній.

Въ Петербургѣ проектъ кн. Воронцова встрѣтилъ рѣзкую критику. Такъ, министръ Вн. Д. гр. Блудовъ находилъ, „что если и согласиться условно съ мыслью о необходимости возвысить въ Закавказьѣ магометанскую аристократію, то несправедливо и вредно *приносить въ жертву одному сословію другое*, т. е. собственно десятки тысячъ народа сотнѣ владѣльцевъ."

Министръ Гос. Имуществъ гр. Киселевъ также объяснилъ, что проектируемое Воронцовымъ „подданство или подвластіе поселянъ бекамъ, меликамъ и агаларамъ, *ничѣмъ* не различествующее отъ крѣпостного состоянія, противно, *во 1-хъ*, обычаямъ края, *во 2-хъ*, правиламъ *нашего* правительства, постановившаго закономъ, что и самое крѣпостное состояніе, единожды прекратившееся, никогда уже возстановлено быть не можетъ" и „получившій свободу не можетъ быть вновь обращенъ въ крѣпость". (Св. Зак т. IX, ст. 1071, изд. 1842 г.), *въ 3-хъ*, противно разуму законовъ Имперіи, по силѣ которыхъ даже и крѣпостные люди (христіане), принадлежащіе владѣльцу нехристіанскаго закона, по воспріятіи православной вѣры, выходятъ изъ крѣпостного состоянія (Св. Зак. т. IX, ст. 1087, изд. 1842 г.). Тогда какъ въ проэктѣ кн. Воронцова христіане—поселяне (армяне) обязывались къ *личной* службѣ владѣльцамъ мусульманамъ.

Но ничто не могло разубѣдить крѣпостниковъ, и въ нарушеніе основныхъ законовъ Имперіи, правилъ христіанскаго ученія и въ явный ущербъ прямымъ интересамъ народа — былъ подписанъ (6 Декабря 1846 г.) рескриптъ объ экспропріаціи населенныхъ крестьянами и не заселенныхъ еще ими земель восточнаго Закавказья, которыя *утверждались* въ *потомственное* владѣніе хановъ, бековъ и меликовъ изъ армянъ и алагаровъ. Утверждались эти земли даже и за тѣми лицами высшаго мусульманскаго сословія, которыя были уличены въ государственной измѣнѣ (перешли на сторону Персіи). Затѣмъ Намѣстнику поручалось заняться опредѣленіемъ личныхъ правъ высшаго мусульманскаго сословія, „*примѣняясь* къ правамъ, *благородному дворянству Россійскому присвоеннымъ*".

До того же времени, пока Намѣстникъ составитъ подробный крѣпостной регламентъ, поселяне обязывались отправлять въ пользу вновь созданныхъ „*владѣльцевъ земли*" разнаго рода повинности, *въ вознагражденіе за пользованіе „ихъ землей"*. (*Кучаевъ*, ibid, 22).

„Сверхъ того—*владѣльцу* земли былъ предоставленъ надзоръ за порядкомъ и благочиніемъ между поселянами и полицейское между ими управленіе". Короче говоря: рескриптомъ 1846 г. мусульманское и армянское свободное крестьянство, въ количествѣ до [illegible] милліона душъ обоего пола, вмѣстѣ со всѣми землями было

отдано въ фактическое неограниченное почти распоряженіе владѣльцевъ...

Впослѣдствіи, въ 1866 г., нѣкоторыя изъ полицейскихъ и вотчинныхъ правъ были формально отняты у мусульманскихъ владѣльцевъ по ходатайству Великаго князя Михаила Николаевича, который между прочимъ писалъ, что „20-ти лѣтній опытъ *не убѣдилъ* въ полезности участія высшаго мусульманскаго сословія въ охраненіи порядка и спокойствія, почему и польза въ дальнѣйшемъ предоставленіи ему правъ полицейскихъ и вотчинныхъ сама собою исчезаетъ“... (*Эсадзе*, 545). Но право на экспропріированныя ими земли было все же оставлено за ними, хотя, какъ мы выше сказали, кн. Воронцовъ произвелъ экспропріацію народнаго земельнаго фонда въ пользу высшаго мусульманскаго сословія во имя того же „охраненія порядка и спокойствія“, для чего, однако, беки, по свидѣтельству Вел. кн. Михаила Николаевича, „оказались безполезными“...

ГЛАВА III.

Не такъ откровенно и смѣло крѣпостная реформа была осуществлена въ Грузіи (Кутаисской и Тифлисской губ.). Здѣсь крѣпостное право ко времени крестьянской реформы въ *нѣкоторыхъ* провинціяхъ и для *нѣкоторыхъ* разрядовъ крестьянъ представляло уже вполнѣ сложившійся институтъ и потому бюрократіи пришлось только огуломъ распространить на *всю* Грузію и *все* мѣстное зависимое крестьянство дѣйствовавшія по мѣстамъ наиболѣе обременительныя для крестьянъ нормы обычнаго крѣпостного права и такимъ образомъ уравнять владѣтельное сословіе Грузіи въ его правѣ на полученіе извѣстнаго болѣе или менѣе одинаковаго нетрудового дохода съ зависимыхъ крестьянъ.

При ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ актомъ уравненія грузинскихъ крѣпостниковъ въ правахъ, подъ фиговымъ листкомъ законности, которымъ онъ былъ прикрытъ, мы легко обнаруживаемъ тѣ же несомнѣнные признаки принесенія интересовъ сотенъ тысячъ крестьянъ кучкѣ владѣльцевъ, тѣ же революціонные пріемы, какими была осуществлена крѣпостная реформа въ восточномъ Закавказьѣ.

Вотъ факты.

Какъ власть надъ крѣпостными крестьянами, такъ и право собственности князей на населенныя ими земли въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Грузіи были *условными*, зависящими отъ усмотрѣнія грузинскихъ царей, на службѣ у которыхъ князья состояли.

Такъ смотритъ на этотъ вопросъ авторитетный знатокъ грузинскаго обычнаго права М. М. Ковалевскій, такъ смотрѣло одно время и само русское правительство.

Именно, изучая эволюцію крѣпостного права въ Грузіи проф. Ковалевскій (*М. Ковалевскій Законъ и обычаи на Кавказѣ* стр. 176;) пришелъ къ убѣжденію, что „сословныя отношенія въ Осетію были занесены изъ Грузіи путемъ пожалованій, дѣлаемыхъ разными царями въ пользу *Эриставовъ*,—своего рода губернаторовъ, выродившихся со временемъ въ феодальныхъ сеньоровъ. Причиной этого вырожденія было замѣщеніе должности Эриставовъ неизмѣнно членами одной и той же династіи. Эриставами въ Грузіи назначаемы было неизмѣнно члены однихъ и тѣхъ же семей и родовъ. Это обстоятельство содѣйствовало переходу ихъ изъ назначаемыхъ правительствомъ чиновниковъ въ феодальныхъ сеньоровъ... Осуществляя изъ поколѣнія въ поколѣніе права верховныхъ судей, полицейскихъ агентовъ и налоговыхъ сборщиковъ, Эриставы воспользовались широтою предоставленныхъ имъ функцій для установленія системы *чисто-личной* зависимости поселенныхъ въ ихъ округахъ крестьянъ отъ членовъ своего семейства“.

„Упроченію этой зависимости въ Грузіи содѣйствовалъ еще фактъ надѣленія Эриставовъ царями въ награду за ихъ *службу*, а чаще „за подарки и молитвы“ (*И. Л. Багалзе*: Податное обложеніе крестьянъ Закав. края, стр. 67 Свода матеріаловъ, т. е. Тихеева, т. I) значительными участками земли, въ предѣлахъ состоявшихъ въ ихъ управленіи округовъ. Эти „Terra comitalis“ сдѣлались тѣмъ ядромъ, изъ котораго развились обширныя помѣстья эриставовъ, заселенныя до того свободными крестьянами. Помѣстья эти пріобрѣли постепенно характеръ феодальныхъ леновъ и жители ихъ перешли въ ряды крѣпостныхъ людей, удерживая право владѣть землею не иначе, какъ подъ условіемъ несенія извѣстныхъ повинностей и платежей въ пользу своихъ сеньоровъ. Систему отношеній, впервые возникшую на жалованныхъ имъ земляхъ, эриставы старались обобщить, *распространяя ее* на участки, не

входившіе въ составъ пожалованія и занятые по прежнему свободными поселянами. Путемъ *захватовъ*, нерѣдко вызывавшихъ возстанія въ мѣстномъ населеніи, приводимомъ къ покорности каждый разъ силою оружія, эриставы сдѣлались со временемъ верховными собственниками большей части земель. Но попытки эриставовъ закабалить свободное населеніе, жившее на этихъ земляхъ, вызывали время отъ времени возстанія среди угнетенныхъ. Такими возстаніями грузинскіе цари пользовались для того, что бы *отнять* у вызвавшей недовольство династіи эриставовъ дальнѣйшее несеніе правительственныхъ функцій и *конфискаціи* имущества".

О той же условности правъ грузинскаго дворянства на землю свидѣтельствуютъ и гг. *Бахтадзе* и *Пурцеладзе*, изучавшіе крѣпостное право въ Грузіи.

Обреченное вѣчно защищаться отъ вѣчнаго врага, населеніе Грузіи въ концѣ XVIII в. раздѣлилось на двѣ партіи, изъ коихъ одна смотрѣла на себя какъ на защитниковъ страны, и другая кормила этихъ послѣднихъ. Вслѣдствіе гибели людей въ непрестанныхъ войнахъ, расходы, *вызывавшіеся чрезвычайными* обстоятельствами времени, прогрессивно возрастали, число же людей, обязанныхъ нести эти расходы, уменьшалось въ той же прогрессіи... Поэтому, „феодализмъ развился въ Грузіи весьма пышно", что, конечно, въ высшей степени невыгодно вліяло на положеніе податного класса. Крѣпостной гнетъ, не умѣряемый никакими внѣшними или внутренними условіями страны, проявился здѣсь во всемъ своемъ безобразіи... (*Бахтадзе*, ibid, стр. 65).

Но это все вызвано было *чрезвычайными* обстоятельствами, съ исчезновеніемъ которыхъ, послѣ присоединенія Грузіи къ Россіи, кажется, долженъ бы былъ исчезнуть и феодализмъ. Такъ слѣдуетъ по теоріи — но жизнь сильнѣе теоріи..." (*Сравн. Пурцеладзе* — „О крѣпостн. состояніи въ Грузіи", стр. 32).

Наконецъ, на той же точкѣ зрѣнія *условности* дворянскихъ правъ на землю стояла одно время и высшая власть на Кавказѣ. Г. *Бахтадзе* на стр. 67 названнаго выше труда приводитъ изъ всеподданнѣйшаго доклада Главноначальствующаго Ермолова — пунктъ, гдѣ ген. Ермоловъ проситъ, что бы всѣ грамоты, данныя Имеретинскими царями на тарханства людямъ разныхъ званій и уже представленныя во Временное Имеретинское Правленіе — уничтожить; исключеніе было сдѣлано для грамотъ Месхи, въ уваженіе

того, что, „грамоты эти даны за личные подвиги военные, а не за подарки и молитвы“.

Докладъ Ермолова былъ утвержденъ Комитетомъ Министровъ.

Какъ назвать, послѣ сказаннаго, признаніе при т. наз. „освободительной“ реформѣ *условныхъ* правъ грузинскаго дворянства на земли *нѣкоторыхъ* разрядовъ зависимыхъ крестьянъ — безусловными для *всѣхъ* разрядовъ крестьянъ, пусть рѣшитъ читатель. Но напр., прив. доцентъ *Джаваховъ* находитъ, что „единообразная съ Россіей крѣпостная система, примѣненная *вообще* въ Грузіи была величайшей несправедливостью и нарушеніемъ правъ грузинскаго крестьянства, особенно въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ и провинціяхъ, гдѣ (какъ напр. въ Мингреліи) крѣпостные (до 200,000 душъ обоего пола) считались вѣчными *владѣльцами земли*“. (Политич. и соц. движеніе въ Грузіи въ XIX в., 36; ср. *Эсадзе* 394 и 438). Тутъ крѣпостная реформа превращалась въ открытую экспропріацію крестьянской земли, тѣмъ болѣе противозаконную, что у многихъ крестьянъ имѣлись договоры и условія на *владѣніе* земель. „Въ одной Кутаисской губ. такихъ документовъ было представлено крестьянами мировымъ посредникамъ — 63.668. Мировые посредники обязаны были по закону разбирать заявленія крестьянъ, что въ ихъ надѣлахъ имѣются земли, купленныя на собственныя деньги. За такія земли крестьяне должны были быть свободны отъ взноса повинностей. Но... Такое требованіе закона не было выполнено. (*Эсадзе*, стр. 439). Рядомъ съ этой, все же частичной, экспропріаціей всѣхъ земель нѣкоторыхъ крестьянъ крѣпостная реформа объявила экспропріированными, т. е. принадлежащими на правѣ частной собственности владѣльцамъ, всѣ бывшіе въ пользованіи крестьянъ лѣса, которыми крѣпостные въ Грузіи имѣли право пользоваться безвозмездно, согласно § 172 Законовъ Вахтанга VI, а также часть пастбищъ. (*Джаваховъ*, 37. Сравн. *Кипшидзе* — „Очеркъ крѣпостного права и крестьянской реформы въ Грузіи, стр. 9).

Установивъ, такимъ образомъ, что и въ нѣкоторыхъ частяхъ Грузіи для нѣкоторыхъ разрядовъ крестьянъ съ формально юридической точки зрѣнія „актъ величайшаго изъ благодѣяній“ былъ ничѣмъ инымъ, какъ экспропріаціей, (правда, по мѣстамъ, частичной) народнаго земельнаго фонда и правъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ, т. е. полной противоположностью того, что у насъ принято оффиціально называть освободительной реформой, перейдемъ теперь

къ количественному опредѣленію понесенныхъ при этой реформѣ крестьянами Закавказья потерь, такъ и пріобрѣтенныхъ владѣльцами крѣпостниками правъ и преимуществъ. Это количественное опредѣленіе коснется трехъ сторонъ крѣпостной реформы: числа созданныхъ ею свободныхъ и „обязанныхъ" крестьянъ, размѣровъ ихъ земельнаго обеспеченія до и послѣ реформы, и возложенныхъ реформою на нихъ повинностей въ пользу владѣльцевъ. Установивъ, сколько крѣпостныхъ крестьянъ или зависимыхъ поселянъ было *обезземелено* или освобождено отъ земли во время „реформы" и сколько имѣется ихъ теперь, сравнивъ, затѣмъ, *земельное обезпеченіе* и крестьянскія *повинности*, бывшія до реформы, требуемыя по „Положенію" и существующія на самомъ дѣлѣ, — мы окончательно убѣждаемся, что истинными, часто не всѣми сознаваемыми цѣлями авторовъ крѣпостной реформы, была не какая бы то ни была „свобода" и „свободный трудъ" крестьянъ или предоставленіе права крестьянамъ быть *полными* хозяевами своего имущества и продуктовъ труда, а именно указанное выше обеспеченіе крупнаго и мѣщичьяго хозяйства дешевыми подневольными рабочими руками —въ видахъ полученія съ нихъ въ удвоенномъ размѣрѣ нетрудового дохода, а также укрѣпленіе соціальнаго и политическаго господства земельной знати и бюрократіи надъ экспропріируемой и закабаляемой имъ крестьянской трудовой массой.

ГЛАВА IV

Какъ извѣстно, выработку новаго крѣпостного положенія на Кавказѣ и проведеніе его въ жизнь бюрократія всецѣло отдала въ руки мѣстной земельной аристократіи. Въ образованные изъ представителей послѣдней передъ реформой—дворянскіе комитеты не было приглашено ни одного представителя отъ крестьянъ.. Само собою разумѣется, что при такомъ составѣ комитеты не приминули такъ „обработать" въ своихъ узко-классовыхъ интересахъ положеніе 19-го февраля 1861 года, что вмѣсто возвѣщаемой этимъ положеніемъ свободы и довольства, кавказскіе крестьяне получили нѣчто совершенно противоположное.

Прежде всего дворяне широко воспользовались ст. 6-й общаго „Положенія" объ устройствѣ дворовыхъ людей, освобождавшей по-

мѣщика отъ обязанности отводить земельный надѣлъ тѣмъ *дворовымъ* людямъ, которые не пользовались до реформы *полевымъ* надѣломъ.

На основаніи этой 6-й ст. „Положенія“, 13 окт. 1864 г. помѣщики Грузіи лишили цѣлыя тысячи крестьянъ земельныхъ надѣловъ, вызывая этимъ острую борьбу среди крестьянъ за землю и создавая на нее спросъ и высокія арендныя цѣны. Такъ: „Изъ поземельной регистраціи, составленной г. Добровольскимъ на основаніи уставныхъ грамотъ, видно, что въ Тифлисской губ. вовсе не получили надѣла 1444 дыма, въ томъ числѣ 386 дым. не получили усадебныхъ мѣстъ. Это составляетъ 9% общаго числа помѣщичьихъ крестьянъ Тифлисс. губ. (безъ Ахалцыхскаго и Ахалкалакскаго уѣздовъ). Обезземеливались не только т. наз. дворовые,- юридическое положеніе которыхъ въ Закавказьѣ далеко не давало права мѣстнымъ помѣщикамъ также безцеремонно распоряжаться ихъ судьбой, какъ распоряжались русскіе помѣщики судьбою своихъ дворовыхъ, а и хизане, и крестьяне, жившіе при помѣщикахъ въ городахъ. Именно. Въ 1444 обезземеленныхъ дымахъ Тифл. г. числилось около 8.200 душъ населенія. Въ томъ числѣ: прислуги -2.294 чел., „хизановъ“ 3.843 чел. и 2.080 чел., жившихъ въ городахъ (Эсадзе—340) Также неразборчиво ст. 6-я „Положенія“ объ обезземеливаніи дворовыхъ была примѣнена и въ Кутаисской губерніи. Число обезземеленныхъ крестьянъ при реформѣ здѣсь было гораздо больше, какъ потому, что въ Кутаисс. губ. и по своей численности крѣпостные втрое превышали число ихъ въ Тифлис. губ., такъ и потому, что ³/₄ (или 3,776 изъ 4,785) мѣстныхъ помѣщиковъ принадлежали—къ мелко-помѣстнымъ, которые по реформированному крѣпостному „Положенію“ имѣли преимущество освобождать своихъ крестьянъ безъ земли.

„Ко времени введенія уставныхъ грамотъ въ Кутаисской губ. были *уволены безъ земли*:—домашняя прислуга, (шинакма), надоба (полевые работники), моджалабы (рабы), хизане и крестьяне, жившіе въ городахъ“. (Эсадзе—374).

Если даже принять пропорцію обезземеленныхъ въ Кутаис. губ., какъ и въ Тифлисской, въ 9%, то и тогда число ихъ выразится тамъ въ 4000 съ лишкомъ дымовъ, или до 20.000 человѣкъ.

Сколько было обезземелено крестьянъ при реформѣ въ восточномъ Закавказьѣ у насъ не имѣется точныхъ данныхъ, но

косвенно мы можемъ составить представленіе объ этомъ по слѣдующимъ цифрамъ. Спустя 20—25 лѣтъ послѣ реформы, въ 1895 году, числилось безземельныхъ: въ Елизаветпольской губ. 538 дымовъ или 3857 душъ об. пола, въ Бакинской губ. 1993 дымовъ или 11,709 душъ об. пола, и въ Эриванской—1209 дымовъ или 5,211 душъ об. пола. (Сосновскій: Матеріалы по вопросу о распространеніи дѣйствій Крестьянск. Позем. Банка на Зак. край).

Какъ это обезземеленіе производилось, извѣстный знатокъ земельныхъ порядковъ въ Вост. Закавказьѣ, г. *Кучаевъ*, разсказываетъ слѣдующее: (см. т. 1-й Матеріаловъ т. е. Тихеева).

Посельнское Положеніе 1870 года не коснулось почти половины поселянъ, жившихъ на владѣльческихъ земляхъ „по добровольному соглашенію“.

Такихъ поселянъ напр. въ Елизавет. губ. было около 200 сел., съ 65,320 душъ м. п. Многіе изъ этихъ добровольныхъ поселянъ были обезземелены во время реформы, подобно грузинскимъ „хизанамъ“, потому что помѣщики отрѣзали у нихъ надѣлы тѣмъ поселянамъ, которымъ они обязаны были дать надѣлы изъ своихъ имѣній по „Положенію“...

Не коснулось Положеніе и многихъ *острожныхъ* дымовъ, т. к. надѣленіе производилось по 5 дес. на душу мужск. пола сверхъ 15-ти лѣтняго возраста, и тѣхъ изъ *наличныхъ* въ 1870 году дымовъ, которые не числились по старымъ неправильнымъ камеральнымъ описаніямъ (напр. 1863 г.). Эти дымы, какъ и дворовые люди, остались безъ надѣловъ...

Другой статьей Положенія 13 окт. 1864 г., которой помѣщики воспользовались для обездоленія крестьянъ, была ст. 8-я.

Статья эта дала возможность владѣльцамъ перевести многихъ освобождаемыхъ крестьянъ на въ высшей степени неустойчивое положеніе „хизанъ“ въ Грузіи и т. наз. условныхъ „поселянъ“ въ Восточномъ Закавказьѣ.

Еще въ Закавк. Центральномъ Комитетѣ по устройству помѣщичьихъ крестьянъ помѣщики Грузіи домогались вмѣсто освобожденія крестьянъ съ землею и правомъ выкупа (по Положенію 61 г.) сдѣлать ихъ хизанами, т. е. безсрочными (и безправными) арендаторами—испольщиками, которыхъ помѣщикъ воленъ былъ, когда ему заблагоразсудится, прогнать на всѣ четыре стороны, присвоивъ себѣ, по обычаю, почти все ихъ недвижимое имущество.

Но домогательство это успѣха не имѣло, хотя Комитетъ и призналъ, въ унисонъ съ дворянствомъ, что „хизанское“ положеніе есть одна изъ „*счастливыхъ*“ особенностей „свободныхъ“ поземельныхъ отношеній владѣльцевъ и поселянъ“, но въ то же время, оно „не представляетъ правильнаго обеспеченія *для казны* (!) въ исправномъ отбываніи крестьянами повинностей“... (*Кучаевъ*, Матеріалы для изученія хизан. полож. въ Грузіи, стр. 5).

Такимъ образомъ свое домогательство владѣльцамъ пришлось осуществлять нелегальнымъ путемъ. Сколько крестьянъ и поселянъ сдѣлалось жертвой этихъ нелегальныхъ пріемовъ помѣщиковъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ.

Въ пяти уѣздахъ Тифлисской губ. въ 1876 г. было 5977 дым. хизанъ, что составляетъ 36% общаго числа временнообязанныхъ. Изъ нихъ 3.196 дымовъ принадлежали къ бывшимъ крѣпостнымъ, освобожденнымъ (очевидно безъ земли!) изъ крѣпостной зависимости, а 1.468 дым. сдѣлались хизанами уже *послѣ* крестьянской „реформы“.

Въ Кутаисской губ. въ 1876 г. было 2532 дыма хизанъ, или 6% всѣхъ временнообязанныхъ. Въ томъ числѣ къ освобожденнымъ отъ крѣпостной зависимости принадлежало — 2.184 дыма, а 1.025 дымовъ изъ этого послѣдняго числа превратились въ хизанъ уже послѣ „реформы“ (Кучаевъ. Ibid).

Цифры эти едва-ли страдаютъ неточностью въ сторону преувеличенія.

Наоборотъ, по крайней мѣрѣ для Тифлисской губ.

Въ 1884 г. здѣсь числилось хизанъ уже не 5.977, а 6.774 дыма; въ 1890-мъ же году только въ одномъ Горійскомъ уѣздѣ было 7.148 дым. хизанъ. (Сосновскій — 34). Нѣчто подобное, но только въ гораздо болѣе широкомъ масштабѣ, произошло въ Елизаветпольской губ. Изъ 47.555 дым. мѣстныхъ поселянъ уставныя грамоты выданы до сихъ поръ только 24.816 дым. и такимъ образомъ 22.739 дым. съ 58.994 душ. м.-п. пребываютъ въ „счастливомъ“ положеніи безсрочныхъ арендаторовъ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ, подобно хизанамъ, „по добровольному соглашенію“...

Наконецъ, помѣщики Грузіи въ цѣляхъ обезземеленія крѣпостныхъ воспользовались ст. 6-й и 130-й мѣстнаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

Еще въ Центральномъ Комитетѣ дворяне доказывали, что крѣпостные крестьяне принадлежали имъ будто бы всецѣло: все кромѣ „души", по мнѣнію дворянства, составляло собственность помѣщика. Отрицая, вслѣдствіе этого, права крестьянъ на какое-бы то ни было имущество, помѣщики находили возможнымъ уступить крестьянамъ только ихъ *движимость*, требуя, однако, за всѣ постройки выкупа, въ размѣрѣ 1/4 стоимости ихъ по особой оцѣнкѣ...

Что касается *надѣловъ*, то дворянство требовало, чтобы мелкопомѣстные помѣщики—были вовсе освобождены отъ обязанности отвода своимъ крестьянамъ земли, такъ что даже и *усадебная осѣдлость* этихъ крестьянъ должна быть *изъята* у нихъ. Въ отношеніи же помѣщиковъ крупныхъ притязанія дворянства ограничивались оставленіемъ за ними *половины* имѣнія, безотносительно къ тому, какъ бы малъ ни оказался вслѣдствіи этого надѣлъ ихъ бывшихъ крѣпостныхъ...

Комитетъ согласился съ дворянами, обязавъ только мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ оставить у крестьянъ ихъ усадьбы. (Ст. 6 и 130 Мѣстнаго Положенія). „Послѣдствіемъ этого,—говорится въ соображеніяхъ Государственнаго Совѣта при изданіи Положенія о хизанахъ 3 іюня 1891 года,—было обезземеленіе и пролетаризація значительнаго числа помѣщичьихъ крестьянъ"...

„И та часть сельскаго населенія, которая осталась такимъ образомъ безъ земли, выдѣлила изъ своей среды значительное число новыхъ соискателей найма помѣщичьихъ земель. Естественно, что при такихъ условіяхъ арендныя цѣны на земли увеличились, а это повело къ увеличенію хизанскихъ повинностей. Землевладѣльцы стали требовать отъ хизанъ возвышенія повинностей. Хизане стали сопротивляться...

„По возникшимъ съ обѣихъ сторонъ спорамъ судебныя установленія вынуждены были (конечно!) удовлетворять въ нѣкоторыхъ случаяхъ домогательства землевладѣльцевъ о выселеніи хизанъ и тѣмъ способствовать увеличенію сельскаго *пролетаріата*". (Сосновскій—35). Какое количество крестьянъ лишилось при этомъ своихъ земельныхъ надѣловъ, можно только догадываться по слѣдующимъ даннымъ о числѣ мелкопомѣстныхъ и крупныхъ помѣщиковъ въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ во время реформы. По камеральному описанію въ 1861 году въ первой губерніи всѣхъ

помѣщиковъ числилось 1.757 семействъ, и въ нихъ болѣе половины — 869 принадлежало къ мелкопомѣстнымъ, т. е. владѣвшимъ менѣе недели 21 душами на каждаго или 6.932 душами на всѣхъ. Затѣмъ, въ четырехъ уѣздахъ Кутаисской губ. (Кут., Рачин., Шароп. и Озургет.), всѣхъ помѣщиковъ числилось 4.785 семействъ, владѣвшихъ 24.136 дым. съ 96.732 душ. м. п.

Число помѣщиковъ, имѣвшихъ менѣе 21 души, достигало 3.776, т. е. 80%. Всѣ эти помѣщики получили право при реформѣ освобождать крѣпостныхъ отъ земли... Въ остальныхъ уѣздахъ Кутаисской губ. (Мингреліи) числилось 2.760 помѣщичьихъ семействъ, владѣвшихъ 19.638 дым. и 93.263 души м. п. крѣпостныхъ. При этомъ *болѣе* половины мингрельскихъ помѣщиковъ принадлежали къ мелкопомѣстнымъ, т. е. владѣли меньше чѣмъ 21 д. крѣпостныхъ на каждаго. (См. Эсадзе и Кипшидзе).

Въ результатѣ всѣхъ описанныхъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгали помѣщики въ цѣляхъ освободить своихъ крестьянъ отъ земли, число пролетаризованныхъ крѣпостныхъ послѣ реформы должно было быть безусловно очень солиднымъ.

Но наиболѣе характерной особенностью крѣпостной реформы въ Закавказьѣ является не количество *обезземеленныхъ* ею крестьянъ, а созданіе многочисленнѣйшаго класса зависимыхъ малоземельныхъ полусвободныхъ батраковъ, прикованныхъ желѣзной цѣпью экономической необезпеченности къ своимъ крошечнымъ надѣламъ, составляющимъ часть имѣнія помѣщика, и вынужденныхъ за непосильныя повинности и арендную плату воздѣлывать какъ „свою" надѣльную землю, такъ и оставленную при реформѣ помѣщиками за собой. Участь этихъ, получившихъ надѣлы, подневольныхъ батраковъ неизмѣримо безотраднѣе участи тѣхъ свободныхъ пролетаріевъ, которые при реформѣ не получили никакого земельнаго „обеспеченія"...

Какъ это обеспеченіе... землевладѣльцевъ дешевыми подневольными рабочими руками произошло, исторія разсказываетъ слѣдующее.

ГЛАВА V.

Какъ экономическая категорія крѣпостное помѣщичье хозяйство было извѣстной правильной системой, распорядителемъ

которой былъ помѣщикъ, надѣлявшій крестьянъ землей, и, или самъ, или съ помощью „моурави" назначавшій ихъ на ту или иную работу въ своемъ имѣніи. Крѣпостной крестьянинъ составлялъ часть этого хозяйства, создающую своимъ трудомъ прибавочную стоимость землевладѣльцу въ видѣ натуральной отработочной ренты. Ко времени „освободительной" реформы такая система хозяйства, по общему признанію, стала экономически невыгодной и для государства и для самихъ помѣщиковъ.

Подневольная работа на помѣщика неизбѣжно связана съ низкой производительностью труда, на присвоеніе львиной доли продуктовъ котораго помѣщиками государство не могло смотрѣть, по фискальнымъ соображеніямъ, равнодушно. Вотъ почему оно и ратовало при реформѣ на Кавказѣ, какъ мы видѣли выше, за „правильное обезпеченіе для казны исправнаго отбыванія крестьянами повинностей" и не допустило освободить ихъ всѣхъ безъ земли. Съ другой стороны и помѣщики были заинтересованы въ повышеніи производительности труда и степени эксплуатаціи своихъ крестьянъ. Этого они и достигли, „уволивъ" всѣхъ тѣхъ десятки тысячъ крѣпостныхъ, большинство которыхъ уже не имѣло своего сельско-хозяйственнаго инвентаря, чтобы на землѣ помѣщика создавать ему прибавочный продуктъ.

Но „уволить" всѣхъ своихъ крѣпостныхъ помѣщикъ не могъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ его хозяйству грозила бы гибель отъ недостатка рабочихъ. И вотъ для обезпеченія своего барщиннаго хозяйства дешевыми рабочими руками, при томъ такими, которыя бы работали не только за страхъ, но и за совѣсть, помѣщики Кавказа прибѣгли къ тѣмъ же способамъ, къ какимъ прибѣгаютъ теперь напр. остзейскіе бароны для обезпеченія себя дешевыми рабочими.

Помѣщики „освободили" львиную часть бывшей въ надѣлѣ у крестьянъ земли, предоставивъ послѣднимъ въ распоряженіе такіе мелкіе участки, которые въ большинствѣ случаевъ совершенно не обезпечивали ихъ хозяйственной состоятельности. Этимъ самымъ юридически освобожденные бывшіе крѣпостные батраки помѣщика - были превращены въ вольныхъ его батраковъ, совершенно, однако, закабаленныхъ помѣщику экономически. Существовать на своихъ крошечныхъ парцеллахъ „освобожденные" крестьяне не могли, не обрабатывая все тѣмъ же своимъ инвентаремъ „свободныхъ" земель

помѣщика, при томъ на условіяхъ, какія продиктуетъ этотъ послѣдній. Работа на помѣщика для „свободныхъ" крестьянъ являлась тѣмъ болѣе необходимой и неизбѣжной, что во 1-хъ, за „дарованную" имъ свободу помѣщикъ сталъ взыскивать съ крестьянъ удвоенную ренту-повинности, а во 2-хъ потому, что онъ экспропріировалъ у нихъ, какъ мы видѣли выше, часть пастбищъ и лѣса, безъ которыхъ ни одинъ крестьянинъ существовать не можетъ. Къ удвоеннымъ повинностямъ за крошечные надѣлы, къ чрезмѣрно высокой арендной платѣ за обработку „свободныхъ" земель помѣщика, —„реформа" прибавила еще повинности за лѣсъ, которымъ крестяне раньше пользовались безвозмездно. Такимъ образомъ экономическая сущность освободительной реформы на Кавказѣ свелась не къ измѣненію системы стараго барщиннаго хозяйства къ лучшему, а къ усиленію экономической кабалы бывшихъ крѣпостныхъ. Если считать обработку крестьянами помѣщичьей земли своимъ инвентаремъ на началахъ подневольной и вольной аренды своеобразной формой продажи своего труда, при чемъ мелкій арендаторъ вмѣсто заработной платы получаетъ натурой часть продуктовъ съ обрабатываемаго имъ участка, то должно сказать, что Кавказская освободительная реформа имѣла своимъ результатомъ крайнее пониженіе оплаты труда непосредственныхъ производителей —т. е. крестьянъ и огромное повышеніе доли владѣльца въ продуктѣ ихъ труда.

Однако, усиливъ экономическую кабалу освобождаемыхъ крѣпостныхъ, дворянство Закавказья, ради обезпеченія себя дешевой рабочей силой, не въ примѣръ своимъ остзейскимъ собратьямъ, не преминуло внести въ „Положеніе" о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, рядъ статей, которыя даютъ право владѣльцу прибѣгать ко всевозможнымъ формамъ „внѣ экономическаго" принужденія и понуканія „свободныхъ" крестьянъ, вплоть до отдачи неисправныхъ плательщиковъ „на сторону для отработковъ". Внесеніе этихъ статей въ „Положеніе" снимаетъ послѣдніе фиговые листочки свободы, которыми помѣщики и бюрократія стараются прикрыть крѣпостническую сущность мѣстной крестьянской реформы...

Сказанное иллюстрируемъ слѣдующими фактическими данными. Мы уже знаемъ, что дворянство воспользовалось реформой, чтобы „изъять" изъ пользованія крестьянъ часть пастбищъ и лѣса.. (ст. 26 и 30 Полож. 13 окт. 1864-65 г.г., регулирующаго отношенія временно обязанныхъ крестьянъ Грузіи къ помѣщикамъ, и ст.

24 и 15 Положенія 14 мая 1870 г., которымъ регулируются отношенія зависимыхъ поселянъ къ владѣльцамъ въ восточномъ Закавказьѣ).

Затѣмъ, многоземельнымъ помѣщикамъ было предоставлено „изъять" изъ пользованія крестьянъ *половину* ихъ бывшихъ *пахатныхъ* и *сѣнокосныхъ* угодій, а малоземельнымъ—обратить въ свою собственность *всю* надѣльную крестьянскую землю (ст. 6 и 129). Въ восточномъ же Закавказьѣ владѣльцы имѣли право требовать отрѣзки изъ крестьянскихъ надѣловъ излишка, для оставленія за собой до *одной трети* общей совокупности земель при имѣніи (ст. 9).

Однако владѣльцы не удовлетворились предоставленнымъ имъ по закону широкимъ правомъ присвоивать извѣстную часть крестьянскихъ надѣльныхъ земель и, перетолковывая по своему статьи Положенія, увеличивали слѣдуемую имъ львиную долю возделанныхъ крестьянскимъ потомъ и кровью угодій. Г. Кучаевъ, напримѣръ, сообщаетъ, что въ Елизаветпольской губ. владѣльцы отрѣзали у крестьянъ не излишки „для оставленія за собой до $^1/_3$ *имѣнія*," а одну треть *надѣловъ* (стр. 494). Само собою разумѣется, что послѣ всѣхъ перечисленныхъ „изъятій", у „освобожденныхъ" крестьянъ должно было остаться послѣ реформы въ Грузіи ни въ коемъ случаѣ *не больше половины* ихъ бывшихъ надѣловъ, а въ восточномъ Закавказьѣ не болѣе двухъ третей. Но, какъ мы видѣли выше, кромѣ разрѣшеннаго Положеніемъ захвата крестьянскихъ надѣловъ, ст. 7-ой Положенія высшій размѣръ полевого участка опредѣлялся въ Тифлисской губ. въ 10 дес. *на дымъ* неполивной земли или 5 дес. поливной, въ Кутаисской же губ.—5 дес. Въ восточномъ Закавказьѣ высшій размѣръ надѣла устанавливался въ 5 дес. *на душу* м. п., свыше 15 *лѣтняго* возраста въ имѣніяхъ привиллегированныхъ владѣльцевъ, и 5 дес. на каждую душу м. п. въ имѣніяхъ непривиллегированныхъ (ст. 9 и 10 полож. 14 мая 1870 г. и 1877 г.). Изъ приводимой ниже таблицы читатель убѣдится, какъ далеки отъ этихъ установленныхъ Положеніемъ нормъ дѣйствительные размѣры оставшихся у крестьянъ послѣ реформы надѣловъ.

Въ Тифлисской губ. напр. вмѣсто 10 и 5 дес. надѣла крестьянамъ оставлено было только по 3, 9 дес. (Кипиани, стр. 24). Достигнуто это было помѣщиками широкимъ примѣненіемъ ст. 35 Положенія, по которой, въ видѣ исключенія, разрѣшалось оставлять

у крестьянъ только такъ называемый *коренной* полевой участокъ, опредѣленный для Тифлисской губ. въ 5 дес. неполивной земли и $2^1/_2$ дес. поливной, а для Кутаисской —въ $1^1/_2$ дес. на дымъ... Такъ обр. въ результатѣ всѣхъ этихъ „изъятій", „исключеній", „отрѣзокъ" и „обдѣленій" крестьянъ послѣ реформы у нихъ и у помѣщиковъ (владѣльцевъ) пяти губерній Закавказскаго края осталось слѣдующее количество земли:

Разряды крестьянъ.	Число дым.	Число душ. м. п.	Имѣютъ десятинъ земли: Всего.	На 1 дымъ	На 1 душу м. п.	Десят.
1. Временно обязанные (Тифлис. и Кутаис. губ.) (невыкупившіе надѣлы)	35.780	146.453	102.329	3,7 Тифл. г. / 2,? Кут. г.	0,9. / 0,6.	У привилегированныхъ сословій въ частномъ владѣніи въ 5-ти губ. Закавказскаго края:
2. Временно обязанные (выкупившіе надѣлы)	51.691	211.457	160.457	4,3 Тифл. г. / 3,0 Кут. г.	1,07 / 0,7.	
Итого: .	87.571	358.308	262.786	3,0	0,73	
3. Казенные (Тифл. и Кут. г.) .	7.698	30.085	30.901	4,01	1,02	
4. Государств. поселяне, водворенные на владѣльческ. земляхъ Тифл., Елиз., Бак. и Эрив. г.	77.657	247.736	577.690	[illegible]	2,3	
Всего: .	172.926	636.129	871.377			3.524.650

) *Примѣчаніе.* Данныя этой таблицы взяты изъ „Матеріаловъ" 1904 г. Сосновскаго, составленныхъ на основаніи всесторонне провѣренныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній: Губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствій за 1904 г., Казенныхъ Палатъ и податной инспекціи за 1900 г., Закавк. Статистическаго Комитета 1899 г. и Межевого Отдѣленія Тифлисск. Судебной Палаты 1901 г., и могутъ быть признаны для нашей цѣли вполнѣ удовлетворительными.

Данныя этой таблицы показываютъ, что послѣ реформы у всѣхъ трехъ группъ зависимыхъ крестьянъ пяти губерній Закавказья помѣщики оставили только 871.377 дес., сохранивъ за собою огромную площадь въ 2.524.650 дес., т.-е. въ три раза большую. По отдѣльнымъ губерніямъ соотношеніе площадей земли, находя-

щейся въ пользованіи всѣхъ группъ зависимыхъ крестьянъ, съ одной стороны, и помѣщиковъ, съ другой, таково:

		у бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ:	у помѣщиковъ:	
Кутаисская . .	74,673 дым.	210,770 дес.	815,321 дес.	> въ 4 раза.
Тифлисская . .	27,635 „	134,796 „	961,502 „	> „ 7 разъ.
Елизаветпольск	47,555 „	317,234 „	440,798 „	> „ $1^1/_2$ „
Бакинская . .	11,364 „	110,315 „	246,904 „	> „ 2 раза.
Эриванская . .	11,699 „	98,264 „	60,126 „	< на $^1/_3$.

Такимъ образомъ, въ различныхъ губерніяхъ помѣщики по своему перетолковали „Положеніе“, оставляя по своему усмотрѣнію въ пользованіи крестьянъ не половину или двѣ трети имѣній, а 1/[illegible] въ Тифлисской губ., $^1/_5$—въ Кутаисской, $^2/_5$—въ Елисаветпольской и $^1/_2$—въ Бакинской (вмѣсто $^2/_3$).

Только въ Эриванской губ. у крестьянъ была оставлена законная норма, т.-е. $^2/_3$ площади помѣщичьихъ имѣній.

Вслѣдствіе такого широкаго толкованія помѣщиками предоставленнаго имъ „Положеніемъ“ права захвата крестьянскихъ надѣловъ,—„отнынѣ свободные“ крестьяне Тифлисской губерніи послѣ реформы остались съ 3,7 дес. надѣла, вмѣсто 10 десятиннаго на дымъ, т.-е. двѣ трети крестьянскихъ надѣловъ были отрѣзаны тифлисскими помѣщиками.

Въ Кутаисской губ. у крестьянъ была оставлена *половина* надѣльной земли - т.-е. 2,5 дес. на дымъ, вмѣсто $4^1/_2$ дес., другая половина была изъята дворянствомъ. Въ трехъ губерніяхъ восточнаго Закавказья у поселянъ были оставлены надѣлы также только въ половинномъ размѣрѣ — т.-е. 2,3 дес. на душу мужскаго пола, вмѣсто 5 дес...

„Вообще, — заключаетъ Намѣстникъ Кавказскій свой докладъ Совѣту Министровъ 1905 года о ликвидаціи обязательныхъ отношеній въ Закавказьѣ,—крѣпостная реформа дала въ крупныхъ имѣніяхъ малоземельныхъ крестьянъ, а въ мелкихъ имѣніяхъ—„безземельныхъ...“

Какъ показываетъ вышеприведенная таблица; гр. Воронцовъ-Дашковъ подъ малоземельными разумѣетъ, очевидно, тѣхъ крестьянъ, которые получили въ Тифлисской и Кутаисской губ. „нулевые надѣлы“: 0,9—0,6 дес. на душу муж. пола, или 0,5—0,3 дес. на душу обоего пола!..

„Обезпечить“ крестьянъ или „служить залогомъ ихъ благосостоянія“ такіе нулевые надѣлы, конечно, не могли. Если кого они и обезпечивали, то только дальновидныхъ помѣщиковъ дешевыми рабочими руками и высокой испольной арендной платой за оставленныя въ распоряженіи помѣщиковъ земли...

Дѣйствително, сейчасъ же послѣ реформы помѣщики по прежнему стали обрабатывать свои свободныя земли тѣмъ же инвентаремъ бывшихъ своихъ крѣпостныхъ, получая съ нихъ натурой отъ $1/4$ до $1/2$ урожая съ десятины, т.-е. или столько же, или въ два раза больше, чѣмъ тѣже крестьяне должны были платить владѣльцамъ съ своихъ надѣльныхъ земель обязательныхъ повинностей по новому положенію. Какъ ни разорительна подобная испольная аренда, обойтись безъ нея не могли большинство крестьянъ.

„По провѣреннымъ даннымъ Кутаискаго Комитета о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, почерпнутыхъ изъ различныхъ оффиціальныхъ изслѣдованій, количество хозяйствъ, испытывающихъ острую нужду въ землѣ въ Кутаиской губ. составляется изъ 60—70% всѣхъ дымовъ крестьянъ... Чтобы сохранить свою хозяйственную состоятельность, по даннымъ Комитета, не менѣе 60% крестьянъ вынуждены прибѣгать къ арендѣ помѣщичьихъ земель“. (Докладъ Кутаискому Комитету о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности).

Характерно, что по даннымъ подворной переписи населенія Шорапанскаго уѣзда, Кутаиской губ., произведенной В. А. Старосельскимъ (бывшимъ кутаискимъ губернаторомъ), размѣры площади земли, арендуемой у помѣщиковъ мѣстными временно-обязанными, равны площади пахатныхъ надѣльныхъ земель этихъ крестьянъ. Именно, по свидѣтельству Кутаискаго Комитета, „изъ числа 5,766 временно-обязанныхъ дымовъ въ Шорапанскомъ уѣздѣ, по переписи В. А. Старосельскаго, 64% арендуютъ въ среднемъ выводѣ по 1,5 дес. на дымъ, т. е. постольку же, сколько имѣютъ надѣльной пахатной земли. По другимъ уѣздамъ Кутаиской губ. „размѣры аренды и спросъ на землю вездѣ одинаково велики“. (Докладъ, стр. 29).

Забѣгая нѣсколько впередъ, не можемъ удержаться отъ слѣдующей любопытной выписки изъ того же доклада Комитета о значеніи въ мѣстномъ сельскомъ хозяйствѣ описанной системы испольной обработки бывшими крѣпостными помѣщичьихъ земель.

„Большой спросъ на эти земли, говорится здѣсь, не могъ не повліять на стоимость аренды, которая достигаетъ 60% *валового* дохода, а иногда, при уплатѣ опредѣленнымъ количествомъ земель, въ неурожайные годы, превышаетъ валовой доходъ..."

Такая высокая арендная плата, въ связи съ краткосрочностью арендныхъ договоровъ, „ведетъ къ тому, что арендаторъ, не заинтересованный въ сохраненіи и лишенный средствъ поднять плодородіе арендуемой земли, — обрабатываетъ ее кое-какъ, никогда не удобряетъ и ведетъ хищническое хозяйство"...

Конечно, отъ этого страдаетъ не только землевладѣлецъ, но и сами крестьяне-арендаторы. Но, удостовѣряетъ Комитетъ, — „не имѣя возможности прокормить семью и уплатить подати и повинности на доходы отъ собственной или надѣльной земли, малоземельный крестьянинъ усматриваетъ въ арендѣ возможность *продать свой трудъ* многоземельному собственнику хотя бы *по цѣнѣ ниже рыночной*, съ единственной цѣлью добыть необходимое количество зерна для удовлетворенія насущныхъ потребностей семьи. Земельный же собственникъ видитъ въ сдачѣ земель въ арендное пользованіе наилучшій способъ полученія доходовъ съ имѣнія"... (стр. 29).

Итакъ, „продажа крестьянами труда (помѣщику) *ниже* рыночной цѣны", дающая владѣльцу „наилучшій способъ полученія доходовъ съ имѣнія", — вотъ какую идиллію создала освободительная реформа въ Закавказьѣ, сулившая сдѣлать крестьянъ „полными хозяевами ихъ имущества и полными распорядителями ихъ труда!.."

Тоже самое наблюдается въ Тифлисской, Елизаветпольской и другихъ губерніяхъ. До сихъ поръ еще всюду помѣщики ведутъ свое хозяйство на исконныхъ барщинныхъ началахъ путемъ сдачи земель крестьянамъ въ испольную аренду. „По даннымъ 1884—1886 гг. изъ 911 селенія тифлисской губ. — 393 селенія или 42%, арендовали на сторонѣ одной только пахати и садовой земли 55,600 дес."

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ форма аренды земли испольная. (Сосновскій—258).

По свѣдѣніямъ, приведеннымъ завѣдывающимъ Елизаветпольскимъ Статистическимъ Комитетомъ І. Сегалемъ, въ „Производительныхъ силахъ населенія Елизаветпольской губ." 1901 г., — на 1.242.000 дес. надѣльной земли у поселянъ Елизаветпольской

губ. приходится 600,391 дес., т.-е. 32% арендуемыхъ у владѣльцевъ и казны земель. Это несмотря на то, что надѣлы поселянъ въ Елизаветпольской губ. по крайней мѣрѣ вдвое больше надѣловъ грузинскихъ крестьянъ...

И здѣсь преобладаетъ форма аренды испольная, причемъ размѣры платежей поселянъ обыкновенно рѣдко равны размѣрамъ, платимымъ ими владѣльцамъ повинностей за надѣльную землю — т.-е. $1/_{10}$ урожая, въ большинствѣ же случаевъ превышаютъ ихъ въ двое и трое, доходя до $1/_5 - 1/_3$ доли урожая или 20—35% валового дохода крестьянъ съ арендуемой земли.

ГЛАВА VI.

Эти огромныя арендныя цѣны, конечно, стали возможными только благодаря „изъятію" помѣщиками у крестьянъ большей части ихъ бывшихъ надѣловъ и установленію при реформѣ непомѣрно высокихъ повинностей за оставленныя у бывшихъ крѣпостныхъ надѣльныя земли. Непомѣрно же высокія повинности являются однимъ изъ органическихъ звеньевъ „освободительной" цѣпи, которою помѣщики приковали „свободныхъ" крестьянъ къ своему „реформированному" барщинному хозяйству. Вынужденные всѣмъ ходомъ государственно-экономической жизни уничтожить рабство своихъ крѣпостныхъ, помѣщики, однако, вовсе не думали уничтожать экономическую основу этого рабства — барщинное хозяйство. Въ этихъ цѣляхъ „освобождая" крестьянъ, они только видоизмѣнили форму отбыванія ими барщины на поляхъ помѣщика, ни на іоту не измѣняя самой системы своего хозяйства.

До реформы эту барщину крестьяне отбывали *личнымъ трудомъ*, обрабатывая поля помѣщика въ теченіи извѣстнаго числа *дней* въ году. Послѣ же реформы—крестьяне стали отбывать барщину *продуктами* труда, по прежнему обрабатывая своимъ инвентаремъ помѣщичью землю... Въ первомъ случаѣ учетъ создаваемаго крестьянами прибавочнаго продукта опредѣлялся по числу дней, а во второмъ—количествомъ продуктовъ.

Первая форма остававшагося въ пользу крестьянъ вознагражденія за трудъ—можетъ быть названа поденной, а вторая — сдѣльной платой.

Спрашивается: какая плата была больше, — та-ли, которую крестьяне получали съ помѣщика до реформы — т.-е. поденная, или та, которую они стали получать послѣ реформы, — т.-е. сдѣльная? Изъ теоріи политической экономіи мы знаемъ, что предприниматели въ большинствѣ случаевъ замѣняютъ поденную плату сдѣльной въ цѣляхъ повышенія степени эксплуатаціи рабочихъ. Какъ ни плохо дворянство Закавказья знало политическую экономію, однако, упомянутое правило ея ему было хорошо извѣстно...

Въ самомъ дѣлѣ. Большинство дворянъ въ губернскихъ Комитетахъ передъ реформой потребовало, чтобы повинности съ надѣльныхъ земель, оставляемыхъ у крестьянъ, были установлены въ размѣрѣ отъ одной трети до *половины* урожая, съ доставкой послѣдняго помѣщику. За усадьбы помѣщики требовали отъ 3-хъ до 6-ти рублей ежегодной платы съ дыма, а за пользованіе пастбищами и лѣсомъ — „по особому соглашенію".

Мало того. Указывая, что при крѣпостномъ правѣ матеріальное обезпеченіе помѣщиковъ основано было не на земельныхъ, а на *личныхъ* повинностяхъ крестьянъ, дворянство требовало компенсаціи потерь его отъ уничтоженія *личныхъ* повинностей крѣпостныхъ (имѣлась въ виду даровая прислуга, барщина, подарки и приношенія крестьянъ и т. п.).

Комитетъ по устройству крестьянъ при Главномъ Управленіи Намѣстника, всецѣло довѣряя дворянству, пошелъ навстрѣчу почти всѣмъ его притязаніямъ и установилъ:

За *усадьбу*, которая *не должна* превышать $^1/_2$ дес. въ Тифлисской губ. и $^1/_3$ дес. (900 кв. саж.) — въ Кутаисской, отъ 3-хъ до 6-ти руб. въ годъ (ст. 143 Мѣстн. Полож.).

За *сады* — $^1/_4$, а по мѣстамъ $^1/_3$ урожая (ст. 146).

За *покосы* — $^1/_3$ урожая.

За *полевыя земли* — $^1/_4$, а по мѣстамъ $^1/_3$ урожая (ст. 148).

За *лѣсъ* — по добровольному соглашенію.

За *пастьбу скота* — по обычаю.

Кромѣ того, проектировано было выдать помѣщикамъ „за лишеніе ихъ тѣхъ выгодъ, которыя приносила имъ *личная* зависимость отъ нихъ крестьянъ, денежное вознагражденіе отъ 25-ти до 50-ти руб. за каждую душу мужского пола освобождаемыхъ крѣпостныхъ"...

Сравнивая, теперь, размѣры дореформенныхъ повинностей съ пореформенными, мы убѣждаемся, что дворянство Грузіи не дешево продало „свободу“ своихъ крестьянъ.

Гг. Калантаровъ и Кипшидзе, изучавшіе крѣпостное право въ Грузіи, (по дворянскимъ, къ сожалѣнію, только источникамъ), единогласно утверждаютъ, что „новый пореформенный размѣръ повинности съ полевыхъ угодій *удвоилъ* прежнюю (галу), а размѣръ повинностей съ садовъ—утроилъ“.

„Хотя барщина, говоритъ А. Кипшидзе, въ томъ видѣ, какъ она отбывалась при крѣпостномъ правѣ, — была уничтожена, но взамѣнъ барщины были значительно увеличены размѣры земельной повинности (за пахать и сады), въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Грузіи почти вдвое“ (съ $1/_7$—$1/_5$ до $1/_4$—$1/_3$ урожая) (стр. 16).

Однако, г. Кипшидзе черезчуръ скромничаетъ въ своихъ выводахъ...

Въ этомъ отношеніи во Всеподданнѣйшей запискѣ Великаго Кн. Михаила Николаевича отъ 1-го іюля 1865 года, по вопросу объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Кутаиской губ., имѣется многозначительное указаніе: говоря о земельной повинности, существовавшей въ краѣ до момента упраздненія крѣпостного права въ этой губерніи, Михаилъ Николаевичъ высказалъ, что эта повинность для крестьянъ, имѣвшихъ въ крѣпостную эпоху значительный надѣлъ, не была обременительна, она не составляла вообще болѣе, чѣмъ отъ $1/_7$ до $1/_{10}$ и даже $1/_{20}$ части урожая, какъ съ вина, такъ и съ другихъ земныхъ произведеній.

Нужно сказать, что эти данныя совершенно подтверждаются свѣдѣніями, имѣющимися въ дѣлахъ бывшаго Главнаго Управленія на Кавказѣ. Такъ, въ началѣ второй половины прошлаго столѣтія (приблизительно въ 1856—1858 г.г.), т. е. наканунѣ крѣпостной реформы, шелъ вопросъ объ устройствѣ двухъ татарскихъ селеній Карадж[а]ли и Канапахи въ имѣніи дворянъ Мгалобеловыхъ въ Телавскомъ уѣздѣ и когда эти послѣдніе заявили требованіе объ установленіи повинности въ $1/_5$ часть урожая, то хотя оно и было поддержано уѣзднымъ предводителемъ дворянства, но вся коммисія, состоящая изъ мѣстныхъ чиновъ, и въ томъ числѣ уѣздный начальникъ, заявила, что $1/_5$ часть урожая въ качествѣ арендной поземельной платы составляетъ безпримѣрное явленіе въ краѣ и что эта плата никогда не достигаетъ выше $1/_4$ части. Въ этомъ размѣрѣ

она и была установлена по тому имѣнію, при чемъ землевладѣльцы приняли эту норму аренды безъ всякихъ отговорокъ.—Удвоивъ и утроивъ, такимъ образомъ, получаемую съ крестьянъ прибавочную стоимость путемъ перевода оплаты ихъ труда съ поденной на сдѣльную, реформаторы, однако, настояли на томъ, чтобы каждая освобождаемая ими отъ крѣпостной зависимости крестьянская душа м. п. была оплачена 25—50 рублями, т. е. по той приблизительно цѣнѣ, по которой въ то время продавались крѣпостные на рынкѣ. На этой сдѣлкѣ дворянство кутаисской губ. заработало 5.227.000 р., а Тифлисское дворянство 2.000.000 руб.—

Въ восточномъ Закавказьѣ реформа 19 февраля вовсе не внесла никакихъ важныхъ измѣненій въ систему барщиннаго хозяйства и въ расцѣнку повинностей поселянъ въ пользу помѣщиковъ. Здѣсь система сдѣльной оплаты труда крестьянъ и самые размѣры платы были оставлены въ томъ же почти видѣ и размѣрѣ, какъ они установлены со временъ крѣпостного рескрипта 6 Декабря 1846 года. Именно:

За усадьбы новыя Положенія (1870 и 1877 г.г.) устанавливали въ имѣніяхъ привиллегированныхъ владѣльцевъ плату отъ 15 до 30 к. за дес., а у непривиллегированныхъ—ничего. (Ст. 77 Пол. 70 г. и ст. 1 Пол. 77 г.).

За сады отъ $^1/_{10}$ до $^1/_3$ урожая или 1 р. 20 к. съ 360 кв. с. (Ст. 76.),

За лѣсъ и пастбища — „по добровольному соглашенію". (Ст. 24 и 15).—

Но оставляя систему барщиннаго хозяйства и размѣры повинностей поселянъ почти неприкосновенными, крестьянская реформа въ восточномъ Закавказьѣ, однако, значительно затруднила для крестьянъ отбываніе ими этихъ повинностей, т. к. почти вдвое уменьшила ихъ земельное довольствіе. Поэтому и послѣдствія этой „реформы" для экономическаго положенія поселянъ здѣсь оказались такъ же пагубны, какъ и въ запад. Закавказьѣ.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія составленное на основаніи постановленій мѣстныхъ комитетовъ Особаго Совѣщанія мнѣніе Гр. Воронцова-Дашкова въ упомянутомъ его Всеподданнѣйшемъ отчетѣ 1907 г.

„Послѣ реформы, пишетъ онъ, всѣ такъ называемыя „западѣльныя земли (т. е. оставшіяся у помѣщиковъ „отрѣзки"), конечно,

фактически остались большею частью въ пользованіи тѣхъ же крестьянъ, но уже по повышеннымъ арендным платежамъ, исчисляемымъ такъ же, какъ и повинности за надѣлъ, въ видѣ $^1/_3$ или $^1/_2$ доли урожая въ натурѣ... Всѣ эти платежи натурою были необременительны (?) для крестьянъ лишь въ первое время по освобожденіи, т. к. урожайность земель тогда была высока. Такъ, десятина въ Кутаисской губ. давала въ 70-хъ годахъ 180 — 200 пуд. кукурузы, и крестьянинъ легко выплачивалъ $^1/_4$ помѣщику, оставляя себѣ 135—140 пуд. Нынѣ же, при полученіи съ десятины всего 60—80 пуд. кукурузы, ему трудно выдѣлять помѣщику $^1/_4$ часть, такъ какъ самому себѣ не хватаетъ для пропитанія остающихся 45—60 п... Это пониженіе урожайности земель отмѣчено всѣми мѣстными земельными банками, которые въ свое время выдавали за заложенныя имѣнія такія суммы, коихъ теперь эти имѣнія не стоютъ"...

„Пониженіе урожайности земель всецѣло объясняется тѣмъ, что арендуемыя и надѣльныя земли обрабатываются кое-какъ, самыми примитивными орудіями, никогда неудобряются и вообще эксплоатируются хищнически: Съ одной стороны высокая арендная цѣна въ виду (созданнаго реформой) остраго малоземелья соблазняетъ землевладѣльцевъ предпочитать сдавать имѣнія въ аренду, а не вести свое раціональное хозяйство, а съ другой, крестьянинъ ни на своемъ ничтожномъ и обремененномъ повинностями надѣлѣ, ни тѣмъ менѣе на арендованной землѣ не въ силахъ (да и не заинтересованъ) вводить въ хозяйство какія-либо улучшенія (лишенъ возможности скоплять средства для улучшенія техники земледѣлія), въ виду полной зависимости отъ помѣщика, безъ согласія котораго нельзя даже собрать урожая" (стр. 35).

Все сказанное относится къ грузинскимъ провинціямъ. „Однако, говоритъ дальше гр. Воронцовъ-Дашковъ, и въ восточномъ Закавказьѣ всѣ неудобства взиманія помѣщиками повинностей натурою, (т. е. веденіе барщиннаго хозяйства на „реформированныхъ" началахъ)—тѣ же, что и въ Грузіи и также они тормозятъ всякое улучшеніе хозяйства, какъ на надѣльныхъ земляхъ, такъ и на помѣщичьихъ".

„Мѣстные помѣщики, не смотря на всѣ полученныя при и послѣ реформы льготы, не внесли улучшеній въ пріемы обработки земель, въ смыслѣ подъема производительности ихъ, не создали об-

разцовыхъ хозяйствъ, и продолжая вести дѣло по (прежней) испольной системѣ, конечно, не могли влiять въ культурномъ отношенiи и на хозяйство крестьянъ"... (стр. 88).

Между тѣмъ, казалось бы, средствъ на развитiе производительности своихъ хозяйствъ помѣщики имѣли больше, чѣмъ достаточно.

На продажѣ „душъ" своихъ крѣпостныхъ въ самый моментъ „освобожденiя" помѣщики Тифлисской и Кутаисской губ. нажили $7^1/_4$ мил. рублей.

Затѣмъ, по ходатайству Вел. Кн. Михаила Николаевича съ нихъ были сложены и разсрочены платежи до 2 мил. р. по долгамъ въ приказѣ общественнаго призрѣнiя.

Далѣе. По разсчетамъ Канцелярiи Намѣстника, оброкъ въ $^1/_4$ урожая съ десятины опредѣлялся въ 60-хъ годахъ, по тогдашнимъ цѣнамъ хлѣба, въ 9 руб. (см. Отчетъ Намѣстника, стр. 34).

Слѣдовательно, съ 263.786 дес. надѣльныхъ земель своихъ временнообязанныхъ помѣщики Грузiи должны были получать 2.385.074 р. въ годъ. Плюсъ столько же за сданные крестьянамъ въ аренду „отрѣзки". Плюсъ по 3 р. съ 87.571 дыма за усадьбы—262.713 р. Плюсъ повинности за пользованiе пастбищами и лѣсомъ, скажемъ, по 5 р. съ дыма 437.855 р. Плюсъ стоимость всевозможныхъ подарковъ, приношенiй и услугъ, сохранившихся во многихъ мѣстахъ Грузiи, вопреки прямому запрещенiю „Положенiя"... (ст. 139).

Итого по меньшей мѣрѣ 5 миллiоновъ рублей въ годъ! Этого, намъ кажется, вполнѣ достаточно для того, чтобы, при желанiи, помѣщики могли перейти отъ своего первобытнаго барщиннаго хозяйства къ рацiональному. Но дѣло въ томъ, что желанiя то такого перехода у нашихъ реформаторовъ совершенно не было, или если оно и было, то только въ оффицiальныхъ бумагахъ и заявленiяхъ, которыя, какъ мы уже видѣли, очень искусно драпировали истинныя цѣли крѣпостной реформы.. Вотъ почему для того, что бы осуществить эти цѣли, т. е. сохранить старое барщинное хозяйство, реформаторы при реформѣ постарались сохранить за собой почти всѣ права внѣ экономическаго принужденiя, пользуясь которыми они могли держать своихъ крѣпостныхъ въ полной покорности и послушанiи. На одинъ бичъ только экономической необезпеченности и кабалы крестьянъ, очевидно, помѣщики мало разсчитывали. Поэтому,

отнявъ у „освобожденныхъ" крѣпостныхъ половину ихъ земельныхъ угодій, взвинтивъ повинности до предѣловъ, за которыми крестьянскій трудъ оцѣнивался ниже его рыночной стоимости, и, наконецъ, продавъ государству свое право торговать „душами" зависимыхъ крестьянъ въ розницу, помѣщики оставили *за собой* право разрѣшать или не разрѣшать выкупъ „свободнымъ" крестьянамъ ихъ надѣловъ (ст. 9 Пол.), право торговать душами временнообязанныхъ, не отрывая ихъ отъ земли, и рядъ другихъ вотчинныхъ правъ надъ *личностью* крестьянина, которыми помѣщики пользовались и до реформы, какъ мѣрами внѣ экономическаго понуканія крѣпостныхъ тянуть безропотно свою кабальную лямку. Лишивъ права обязанныхъ крестьянъ выкупить свой надѣлъ безъ согласія помѣщика, „Положеніе" въ тоже время лишаетъ его и права отказаться отъ надѣла: временнообязанный долженъ предварительно выкупить (вторично!) свою *личную* свободу у владѣльца. Именно, онъ долженъ обязательно пріобрѣсти въ собственность усадьбу и не менѣе двухъ десятинъ полевой земли, или внести помѣщику сумму, равную среднему десятилѣтнему оброку (ст. 98 и 121 Пол.). Не можетъ крестьянинъ сбросить съ себя иго зависимости и путемъ передачи своего надѣла другому лицу. Для этого требуется разрѣшеніе помѣщика и согласіе мирового посредника, назначаемаго губернаторомъ изъ среды мѣстныхъ дворянъ (ст. 82).

Такимъ образомъ ст. 82, 98 и 121 приковываютъ крестьянина къ отведенному ему владѣльцемъ крошечному надѣлу, усугубляя экономическую кабалу „свободныхъ" крестьянъ ихъ полнымъ юридическимъ безправіемъ, и уравнивая положеніе пореформенныхъ крестьянъ съ положеніемъ крѣпостныхъ. Какъ тогда, такъ и теперь крестьянинъ *обязанъ* отбывать извѣстный, строго опредѣленный урокъ въ пользу помѣщика. Ст. 86 Пол. обязываетъ временнообязанныхъ „засѣвать надѣльную землю въ опредѣленномъ по обычаю размѣрѣ, *но не менѣе половины*. За „оставленіе же земли безъ надлежащей обработки помѣщикъ вправѣ требовать вознагражденіе"... И въ случаѣ, если это вознагражденіе трудно получить, въ случаѣ, если крестьянинъ окажется неисправнымъ плательщикомъ, помѣщику предоставляется вступать съ такими крестьянами въ „добровольное соглашеніе объ опредѣленіи *задѣльной платы*, по которой недоимщики *должны подъ строгимъ наблюденіемъ сельскаго начальства* (!) „отбывать" на *господской*

работѣ, по указанію помѣщика накопленныя ими недоимки (ст. 161 Мѣстнаго Пол. и ст. 93 Пол. 70 г.). Мало того. Власть помѣщика надъ личностью „свободныхъ" крестьянъ простирается до того, что по его требованію „сельское начальство можетъ отдать самого недоимщика или кого-либо изъ членовъ его семейства въ *заработки* односельскому крестьянину и даже на сторону". (ст. 163 Мѣст. Пол: и 95—70 г.).

При чемъ, если бы „главныя сельскія должностныя лица" оказались плохими бурмистрами, „мировой посредникъ можетъ „*присудить*" ихъ къ денежнымъ штрафамъ до 5 р. и аресту до 7 дней и удаленію или отрѣшенію отъ должности" (ст. 16 Прав. о мир. посредн.).

Какую, спрашивается, послѣ сказаннаго, нужно имѣть смѣлость, что бы „призывать" Божіе благословеніе на „свобо́дный" трудъ крестьянъ, поставленныхъ реформою въ такую полную экономическую и юридическую зависимость отъ владѣльцевъ!

Тѣмъ болѣе, что не освободивъ крестьянъ отъ стараго помѣщичьяго гнета, произвола и кабалы реформа взвалила на временнообязанныхъ безчисленное множество часто совершенно непосильныхъ обязанностей предъ государствомъ, отказаться отъ которыхъ „свободные" крестьянинъ также лишенъ права, какъ отказаться отъ обязательной обработки клочка помѣщичьей земли.

Государственный и земскій поземельные сборы, натуральныя и денежныя, временныя и постоянныя, обязательныя и необязательныя, мірскія и личныя *повинности*, къ которымъ относятся: воинская повинность, содержаніе сельскихъ канцелярій, церкви, духовенства, старшины съ судьями, помощниками и писаремъ, дорожная повинность, расходы на сборщиковъ податей, охрану, хлѣбныхъ магазиновъ, пастуховъ, пожарныхъ сторожей, милиціонеровъ и т. д. и т. п. — вотъ безконечная цѣпь обязательствъ, возложенныхъ „реформой" на „свободныхъ" крестьянъ предъ государствомъ, въ дополненіе къ непосильному бремени экономической кабалы и безправія предъ всевластнымъ помѣщикомъ...

———

ГЛАВА VII.

Конечно, реформа на такихъ крѣпостническихъ началахъ не могла ни „возродить“ парализованную при старомъ крѣпостномъ правѣ производительность земледѣльческаго труда, по прежнему далеко не „свободнаго“, ни уничтожить тѣхъ деморализующихъ началъ во взаимныхъ отношеніяхъ всевластныхъ помѣщиковъ и безправныхъ крестьянъ, которыя создаются на почвѣ угнетенія и порабощенія однимъ сословіемъ или классомъ другого, ни создать, наконецъ, прочнаго фундамента для поступательнаго развитія гражданственности и культуры въ краѣ.

Дѣйствительно. Выше мы уже говорили, как пагубно отразились созданныя крѣпостной реформой на Кавказѣ экономическія условія на техникѣ земледѣлія и производительности труда земледѣльцевъ. Цитатами изъ доклада Намѣстника и трудовъ Кутаисскаго Комитета о нуждахъ с.-х. промышленности мы доказывали, что „реформа“ только усилила степень эксплуатаціи зависимыхъ крестьянъ, отнявъ и у нихъ, и у ихъ владѣльцевъ всякіе импульсы къ переходу отъ первобытнаго барщиннаго хозяйства къ болѣе раціональному. Усиленіе степени эксплуатаціи труда крестьянъ вынудило ихъ на первыхъ порахъ напрячь всѣ свои силы для извлеченія съ своихъ нулевыхъ надѣловъ возможно большаго количества продуктовъ. Съ теченіемъ времени это, однако, повело къ постепенному переутомленію или „истощенію“ почвы, затѣмъ къ паденію урожайности крестьянскихъ полей, и, наконецъ, къ общему обѣдненію. На этотъ неизбѣжный финалъ крѣпостной Кавказской реформы указываютъ всѣ мѣстные комитеты о нуждахъ с.-х. „Ничтожные размѣры надѣловъ, говорится въ докладѣ Кутаисскаго Комитета, полная зависимость отъ помѣщика, и весьма большія повинности временно обязанныхъ въ пользу землевладѣльца, ставятъ хозяйственную дѣятельность этой группы крестьянъ въ такія неблагопріятныя условія, при которыхъ не только невозможно, но и не выгодно вводить въ хозяйство какія-бы то ни было капитальныя улучшенія“.

Хищническая эксплуатація земли временнообязанными „ведетъ къ истощенію почвы“, это еще больше ухудшаетъ положеніе ихъ, — такъ что, въ концѣ концовъ, „безъ содѣйствія правительства они

долго *не могутъ* выкупить своихъ надѣловъ, и надолго еще останутся въ положеніи полукрѣпостныхъ съ парализованной хозяйственной дѣеспособностью".

Тоже подтверждаетъ и Бакинскій Комитетъ: „Землепользованіе на правахъ (зависимыхъ) арендаторовъ ведетъ не къ улучшенію производительности земли, а къ истощенію и къ уничтоженію даже культурныхъ („очаговъ"?!.) насажденій. „Поэтому, для поднятія и развитія мѣстной с.-х. промышленности прежде всего настоятельно необходимо установленіе въ законодательномъ порядкѣ обязательнаго выкупа крестьянами своихъ надѣловъ въ кратчайшій срокъ". (Бак. к-тъ).

Члены Эриванскаго комитета (земледѣльцы) „въ одинъ голосъ показали, что жизнь съ каждымъ годомъ становится труднѣе, всѣ предметы дорожаютъ, налоги и подати увеличиваются, населеніе растетъ, а добывать продукты изъ земли становится все затруднительнѣе. Такое положеніе объясняется тѣмъ, что, по фигуральному выраженію крестьянъ, „земля стала старая, плохо родитъ". Раньше урожаи хлѣбовъ давали самъ 12—15, теперь-самъ 4—5, а есть мѣстности, гдѣ-самъ 3—2. Прежде давали землѣ отдыха 3—4 года, теперь объ этомъ и думать нельзя: распаханы даже пастбища". „Одной изъ главныхъ причинъ" такого печальнаго положенія мѣстнаго земледѣлія комитетъ призналъ „существующія зависимыя отношенія, которыя мѣшаютъ всякимъ улучшеніямъ хозяйства"...

Насколько грозными становятся экономическія послѣдствія созданныхъ крѣпостной реформой на Кавказѣ малоземелья, а затѣмъ истощенія почвъ, свидѣтельствуетъ появленіе хроническихъ голодовокъ въ краѣ, съ каждымъ годомъ охватывающихъ все болѣе и болѣе обширные районы, при чемъ такіе, населеніе которыхъ не „страдало" (въ 1905—1907 г.г.) ни отъ армянскотатарскихъ столкновеній, ни отъ контреволюціонныхъ погромовъ... Основной контингентъ голодающихъ на Кавказѣ состоялъ изъ временнообязанныхъ крестьянъ и зависимыхъ поселянъ, хозяйственная состоятельность которыхъ была подорвана въ корнѣ уже въ моментъ реформы...

Но избавить этихъ крестьянъ отъ ужасовъ хроническихъ голодовокъ и нищеты, оплачиваемыхъ теперь милліонными ассигновками изъ государственнаго казначейства въ видѣ ссудъ голодающимъ, а также поднять упавшую производительность, какъ ихъ надѣльной, такъ и обрабатываемой ими помѣщичьей земли, — можетъ только пре-

кращеніе крѣпостной зависимости этихъ крестьянъ отъ владѣльцевъ. Пока цѣпи рабства, сковывающія дѣеспособность третьей части крестьянскаго населенія края, не будутъ сбиты, всякій сельскохозяйственный прогрессъ здѣсь не возможенъ...

Но не менѣе пагубны были и общественно-моральныя послѣдствія крѣпостной реформы въ Закавказьѣ. Огромные нетрудовые доходы съ зависимыхъ крестьянъ пріучили мѣстное дворянство къ мотовству и расточительности, къ широкой жизни, требовавшей все больше и больше денегъ. Что бы достать ихъ дворянству вскорѣ же послѣ реформы пришлось прибѣгнуть къ залогу своихъ имѣній. Особенно большіе непроизводительные расходы приходилось дѣлать дворянству Тифлисской губ., живущему поблизости къ столицѣ Кавказа—Тифлису. Поэтому наибольшая задолженность (по долгосрочнымъ займамъ) частнаго землевладѣнія наблюдается именно въ этой губерніи, какъ показываетъ слѣдующая таблица, извлеченная изъ отчета съѣзда представителей русскаго земельнаго кредита о заложенныхъ имѣніяхъ въ Тифлисскомъ, Кутаисскомихайловскомъ и Государственномъ дворянскихъ банкахъ къ 1-му января 1898 г. — 1908 г.

Губерніи:	Общее количество десятинъ въ частныхъ владѣніяхъ.	Принято десятинъ въ залогъ.	0/0 %.	Сумма долга къ 1 января 1898 г.
Тифлисская . . .	1.413,535	710,099	50	6.807 т. р.
Кутаисская . . .	1.077,891	41,996	4	2.531 „ „
Эриванская . . .	55,843	8,344	15	213 „ „
Бакинская . . .	182,351	8,469	5	114 „ „
Елизаветпольская .	573,778	6,964	1	182 „ „

Изъ этой таблицы видно, что на имѣніяхъ частныхъ владѣльцевъ Тифлисской и Кутаисской губ. лежало долгу къ 1 января 1898 г. около $9^1/_2$ милл. руб., а въ трехъ губерніяхъ восточнаго Закавказья $^1/_2$ милл. рублей. Но всѣ эти милліоны взятыхъ подъ залогъ имѣній денегъ — были растрачены дворянствомъ такъ же непроизводительно, какъ и полученная ими при реформѣ 7-ми милліонная „цѣна крови" за продажу „душъ". А такъ какъ на покрытіе платежей по займамъ единственнымъ источникомъ служили натуральные доходы съ тѣхъ же зависимыхъ поселянъ, то помѣщики съ конца девяностыхъ годовъ 19 в. дѣлаютъ попытки увеличить нѣко-

торыя повинности крестьянъ. Это вызываетъ вспышку недовольства у послѣднихъ.

Въ наиболѣе обездоленныхъ при реформѣ районахъ Грузіи возникаетъ могучее революціонное движеніе, которое, какъ извѣстно, оканчивается очень печально, какъ для владѣльцевъ, такъ и для народа...

Къ тому же недовольству и крестьянской революціи вели и рядъ другихъ противообщественныхъ дѣйствій феодаловъ, пріученныхъ исторіей всегда только брать и брать съ трудовой массы, ничего ей не возвращая въ качествѣ эквивалента.

„До 1901 года, читаемъ мы въ отчетѣ Намѣстника 1907 г., вся тяжесть прямыхъ налоговъ и земскихъ повинностей на Кавказѣ ложилась *исключительно* на сельское *крестьянское* населеніе, которое уплачивало податей и сборовъ разныхъ наименованій всего 5.570,000 рублей съ площади приблизительно въ 10 милл. десятинъ. Частные же владѣльцы, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи около 5.000,000 дес. земли, вовсе не платили казенныхъ сборовъ"...

„Отбывая всѣ казенныя подати и земскія денежныя повинности за землю, крестьяне несли на себѣ также и всю тяжесть натуральныхъ земскихъ повинностей и платили, кромѣ того, свои мірскіе сборы, а владѣльческіе крестьяне несли еще и повинности за надѣльныя земли въ пользу помѣщиковъ".

„При такихъ условіяхъ для кавказскаго крестьянства создалась полная невозможность внесенія какихъ-либо улучшеній въ культуру земли, требующихъ затратъ. Малочисленность рабочаго скота, примитивныя земледѣльческія орудія, отсутствіе удобренія и, какъ результатъ всего этого, — все прогрессирующее уменьшеніе урожайности земель, вотъ что явилось слѣдствіемъ (дворянской) экономической политики, которая возлагала всю тяжесть податного бремени на крестьянство"... (стр. 87).

Съ теченіемъ времени, однако, „упадокъ крестьянскаго хозяйства отразился и на доходности частновладѣльческихъ земель".

Но попытки владѣльцевъ повысить эту доходность новымъ повышеніемъ повинностей, какъ мы уже сказали, привели къ крестьянской революціи. Во многихъ мѣстахъ Закавказья въ отвѣтъ на притязанія помѣщиковъ, крестьяне потребовали равномѣрнаго распредѣленія налоговъ и натуральныхъ повинностей, а владѣльческіе крестьяне — пониженія своихъ повинностей по крайней мѣрѣ на

половину... Вспыхнувшая на этой почвѣ ожесточенная и разорительная война между помѣщиками и крестьянами продолжается и по сіе время, требуя массы ненужныхъ жертвъ...

Не менѣе рельефно проявились воспитанные у закавказскихъ владѣльцевъ антиобщественные инстинкты и въ вопросѣ о мѣстномъ самоуправленіи. Цѣлыхъ 35 лѣтъ потребовалось со времени „освободительной" реформы, чтобы мѣстное дворянство набралось, наконецъ, великодушія ходатайствовать о введеніи земскихъ учрежденій въ краѣ. До этого же времени дворяне считали „невыгоднымъ" для себя земское самоуправленіе, предпочитая полученіе вмѣсто него отъ правительства тѣхъ или иныхъ подачекъ.

„Въ 1871 году, писалъ покойный *Ивановичъ* въ № 5 „Русск. Богат." за 1900 годъ, по случаю пріѣзда на Кавказъ Александра II дворянство Тифлисской губ. избрало комиссію для составленія ходатайства по разнымъ вопросамъ. Предполагалось ходатайствовать и о введеніи земскихъ учрежденій въ краѣ. Но... комиссія, не оцѣнивъ исторической важности предположенной задачи и руководствуясь узкосословными своими интересами, предпочла ходатайствовать о сложеніи приказного долга съ дворянства и устранило вопросъ о земствѣ, такъ какъ онъ, будто, могъ помѣшать первому ходатайству"...

Такой же грубый классовый эгоизмъ проявило дворянство и въ 1889 году, когда, кажется, по случаю пріѣзда Александра III, опять была избрана по земскому вопросу новая комиссія. Но и эта комиссія, говоритъ Ивановичъ, отвергла предложеніе ходатайствовать о введеніи земства въ виду того, что дворяне, не платившіе тогда въ Закавказьѣ земскихъ сборовъ, признали *невыгоднымъ для себя* обложеніе своихъ земель этимъ налогомъ"... И только въ 1899 году, когда и безъ земства земскій налогъ уже рѣшено было наложить на дворянскія земли, помѣщики рѣшились, наконецъ, на необычайно великодушный шагъ — просить о введеніи въ Закавказьѣ земскаго узкосословнаго положенія 1890 г (см. объ этомъ подробнѣе нашу брошюру: „Земская реформа на Кавказѣ и въ нефтепромышленномъ районѣ г. Баку.").

И такъ всегда и во всемъ. Когда подымался вопросъ объ общекраевыхъ нуждахъ, владѣтельная знать Закавказья молчала, а когда нужно было хлопотать о новыхъ привилегіяхъ, синекурахъ и подачкахъ, дворянство Закавказья пускало въ ходъ все свое

вліяніе, чтобы добиться осуществленія своихъ узкокастовыхъ вожделѣній.

И, странное дѣло. По своеобразно понятымъ политическимъ соображеніямъ, правительство всегда шло навстрѣчу самымъ безцеремоннымъ притязаніямъ закавказскихъ феодаловъ. Оно искалѣчило до неузнаваемости въ угоду имъ манифестъ 19-го февраля 1861 г., оно свалило всю тяжесть налоговаго бремени и натуральныхъ повинностей на трудовые элементы народа, оно предупредительно предложило дворянству выдать при реформѣ по 50 руб. за душу „освобождаемыхъ" крестьянъ и т. д., и т. д. Этимъ оно такъ избаловало мѣстныхъ феодаловъ, что въ своихъ безцеремонныхъ притязаніяхъ они буквально потеряли мѣру...

Стоило только показаться на Кавказѣ кому-нибудь изъ царствующихъ особъ, чтобы мѣстное дворянство начало засыпать ихъ такими, напримѣръ, просьбами, какъ сложеніе долговъ и отсрочка платежей банкамъ по заложеннымъ имѣніямъ, о пенсіяхъ, стипендіяхъ и т. п. Объ этомъ просили и Александра II, и Александра III, и Николая II, по случаю 100-лѣтія присоединенія Грузіи къ Россіи и т. д. И, повторяемъ, правительство постоянно шло навстрѣчу домогательствамъ владѣтельной знати...

Но.. увы, привыкшая жить только для себя и за чужой счетъ, эта знать платила правительству за всѣ его милости самой черной неблагодарностью. Мы уже привели раньше цитату изъ доклада Кавказскаго Намѣстника, какъ мало сдѣлало мѣстное, жившее лучшими соками крестьянъ, дворянство, несмотря на всевозможныя льготы и подачки, для подъема производительныхъ силъ въ краѣ. Тоже нужно сказать и про внѣ экономическія сферы проявленія дѣятельности закавказскихъ феодаловъ.

Когда при пріѣздѣ графа Воронцова-Дашкова на Кавказъ анархія охватила весь край, столь излюбленныя нашимъ правительствомъ „дворянскія собранія Кутаисской и Тифлисской губерній, пишетъ Намѣстникъ на стр. 7 своего доклада, возбудили петиціи объ автономіи Грузіи и умы помѣстнаго дворянства были, казалось, исключительно заняты мыслью о совершенно обособленномъ отъ Имперіи управленіи"...

Мы не считаемъ преступной мысль дворянства „объ обособленномъ управленіи" Грузіи, хотя и признаемъ дворянскую автономію реакціоннымъ выпадомъ стародворянской Грузіи противъ

новой демократической, которая хочетъ не обособленія Грузіи отъ Россіи, а обновленія и Грузіи, и Россіи. Но съ точки зрѣнія правительства, растратившаго массу народныхъ денегъ на подкупъ дворянъ, намъ кажется, Намѣстникъ совершенно правъ, упрекая мѣстное дворянство въ черной неблагодарности и отсутствіи „патріотической лойяльности“. Съ его точки зрѣнія скорбный тонъ его приведенныхъ выше строкъ намъ вполнѣ понятенъ...

Мы могли бы привести еще цѣлый рядъ иллюстрацій своего мнѣнія, какъ развращающе дѣйствуютъ сохраняемые на Кавказѣ пережитки крѣпостного права на нравы мѣстнаго первенствующаго сословія. Разсказать, напр., извѣстную скандальную исторію съ поддѣлкой дворянскихъ документовъ въ кутаисскомъ депутатскомъ собраніи, или съ „недоплатой“ значительной суммы денегъ представителями дворянства въ Императорскомъ кавказскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, или съ ролью, которую играютъ отщепенцы мѣстнаго дворянства въ организаціи прославившихъ Кавказъ грабежей, разбойныхъ нападеній, экспропріацій и тому подобныхъ противообщественныхъ выступленій, но боимся, что всѣ эти исторіи отнимутъ слишкомъ много мѣста...

Точно также деморализующе дѣйствуетъ созданная „крѣпостной“ реформой въ Закавказьѣ обстановка и на крестьянство. Дикій помѣщичій гнетъ и произволъ убиваютъ у мѣстныхъ крестьянъ всякое понятіе о законности и элементарныхъ основахъ этики.

Разбои и грабежи, убійства изъ-за угла, самыя возмутительныя насилія и вообще полная анархія — вотъ обычная картина деревенской жизни въ Закавказьѣ. Тамъ же, гдѣ лучъ сознанія своихъ человѣческихъ правъ и достоинства проникаетъ въ крестьянскую массу, сейчасъ же возникаютъ „волненія“.

„Что крестьянскія волненія связаны съ экономическимъ и правовымъ положеніемъ крестьянъ, пишетъ въ своемъ отчетѣ 1907 г. гр. Воронцовъ-Дашковъ, доказывается ясно тѣмъ, что наибольшее развитіе они получили тамъ, гдѣ надѣлъ у крестьянъ былъ наименьшій, а повинности—наибольшія. Командированный мною въ Кахетію для успокоенія населенія ген.-ад. кн. Чавчавадзе, самъ кахетинскій помѣщикъ, въ своемъ отчетѣ отмѣчаетъ, что аграрное волненіе охватило здѣсь исключительно селенія временно-обязанныхъ крестьянъ, не коснувшись казенныхъ, и объясняетъ это „аграрнымъ неустройствомъ, бѣдственнымъ экономическимъ положеніемъ и нуждою быв-

ііяхъ помѣщичьихъ крестьянъ"... Дѣйствительно,—совершенно правильно мотивируетъ дальше Намѣстникъ выводъ генерала Чавчавадзе, — перенесеніе крестьянской вражды противъ помѣщиковъ на административныхъ властей и недовольство государственнымъ строемъ, *даже безъ содѣйствія революціонной пропаганды*, могло *само собой* возникнуть въ представленіи населенія, видѣвшаго только *полное отсутствіе заботливости о его нуждахъ со стороны правительства, не издавшаго за послѣдніе 35 лѣтъ ни одного законоположенія, которое измѣнило бы къ лучшему крестьянскій бытъ*" (стр. 41).

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, что и предшественникъ гр. Воронцова-Дашкова, кн. Голицынъ, котораго никто не заподозритъ въ слабости къ либеральнымъ фразамъ, одинаково отрицательно смотрѣлъ на созданныя крѣпостной реформой на Кавказѣ отношенія:

„Обязательныя отношенія крестьянъ и поселянъ къ землевладѣльцамъ, писалъ кн. Голицынъ въ своей всеподданнѣйшей запискѣ за 1897—1902 г.г., - представляютъ отрицательное явленіе и должны быть покончены, какъ пережитокъ крѣпостного права, вредный и для моральнаго развитія обоихъ классовъ населенія, и для свободнаго проявленія иниціативы тѣхъ и другихъ въ улучшеніи своего хозяйства, а черезъ это и для развитія, вообще, экономическаго положенія края":

ГЛАВА VIII.

Изложенная выше точка зрѣнія на сущность крѣпостной реформы на Кавказѣ была принята 34 авторами законопроекта о ликвидаціи обязательныхъ отношеній на Кавказѣ, но, какъ мы сказали въ введеніи, встрѣтила рѣзкую критику со стороны Намѣстника, который представилъ въ Государственную Думу по поводу этого законопроекта свои „Заключенія", сущность которыхъ сводится къ слѣдующему.

„Въ запискѣ къ проекту 34 членовъ Гос. Думы, читаемъ мы здѣсь, въ подтвержденіе того, будто освободительная крестьянская реформа на Кавказѣ имѣла цѣлью укрѣпленіе господства бюрократіи посредствомъ закабаленія владѣльцамъ крестьянскаго трудового населенія.

часть доказательствъ берется изъ времень 1820—1846 гг., т.-е. изъ той эпохи, которая отнюдь не относится ко времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и потому, разумѣется, никоимъ образомъ не можетъ характеризовать тѣхъ началъ, на которыхъ произведено *раскрѣпощеніе* крестьянъ и поселянъ въ Закавказскомъ краѣ. Факты, приводимые въ запискѣ изъ этой эпохи, имѣютъ совершенно неважное значеніе, если, разумѣется, смотрѣть на нихъ не съ точки зрѣнія современной, а съ точки зрѣнія той исторической перспективы, среди которой они совершались (какъ единственно и правильно ихъ разсматривать)".

„Съ особенной подробностью изъ *дореформенныхъ же* временъ записка 34 членовъ Гос. Думы останавливается на мѣрѣ установленія зависимыхъ отношеній поселянъ къ владѣльцамъ въ мусульманской части края; указавъ, что здѣсь, при персидскомъ и турецкомъ владычествѣ, не было права частной земельной собственности, и что если беки получали извѣстную долю земныхъ повинностей отъ поселянъ, то въ качествѣ какъ бы жалованья за управленіе, но не за право собственности на землю, и что тамъ не было и крѣпостной зависимости,—записка разсматриваетъ испрошенную бывшимъ Намѣстникомъ Кавказскимъ мѣру присвоенія бекамъ правъ собственности на эти земли, какъ мѣру экспропріаціи народнаго земельнаго фонда восточнаго Закавказья въ пользу бековъ и какъ актъ установленія тамъ крѣпостного права, вопреки основнымъ русскимъ законамъ и единственно (?) въ виду сочувствія князя Воронцова „крѣпостническимъ вожделѣніямъ мусульманскихъ бековъ и хановъ". Намѣстникъ считаетъ, однако, долгомъ, отмѣтить, что и въ цитированной запиской статьѣ Кучаева и въ выдержкахъ, приведенныхъ въ той же запискѣ изъ другихъ авторовъ, всюду указывается, что беки въ дѣйствительности получали извѣстную долю урожая при мусульманскомъ владычествѣ отъ поселянъ; нужно сказать, что, независимо источниковъ, цитированныхъ запиской, фактъ полученія ханами и беками отъ поселянъ отъ $^{3}/_{30}$ до $^{7}/_{30}$ частей урожая и сверхъ того иногда и денежной повинности установленъ безспорно и официальными актами; официальными же документами, сверхъ этихъ повинностей, установлено, что при мусульманскомъ владычествѣ существовали въ пользу бековъ многочисленныя натуральныя повинности: поставка дровъ, постройка домовъ для хановъ и бековъ, перевозка бековъ лѣтомъ въ горы, а зимой на низменности, едино-

временные подарки, поставка нукеровъ (прислуги), лошадей и т. п. Эти права бековъ были въ такой степени несомнѣнны, что, при завоеванiи русскими войсками мусульманскихъ провинцiй, командующiе, оставляя на первое время прежнiй порядокъ управленiя, подтверждали эти права своими прокламацiями, что дѣлалъ, между прочимъ, и извѣстный кавказскiй герой генералъ Ермоловъ. Если принять въ расчетъ всю эту массу *земельныхъ* повинностей, которыя несли поселяне въ пользу хановъ и бековъ во времена мусульманскаго владычества, то едва ли, при такихъ условiяхъ, можно было разсматривать эту землю, какъ находившуюся всецѣло въ распоряженiи крестьянъ. Также, *только въ извѣстной степени*, вѣрно и утвержденiе, что крѣпостного права въ мусульманскихъ частяхъ края, при мусульманскомъ владычествѣ, не существовало. Въ томъ смыслѣ, въ какомъ это право было въ феодальной Европѣ, а также и въ Россiи, его въ мусульманскихъ частяхъ края, *конечно, не было*, но зависимость отъ хановъ и бековъ лицъ непривилегированнаго состоянiя тамъ была болѣе тяжела, чѣмъ въ русскихъ крѣпостныхъ имѣнiяхъ: имѣются несомнѣнные факты, что даже по присоединенiи къ Россiи нѣкоторыхъ изъ этихъ частей края (*напр. Дагестанской области*), ханы и беки распоряжались не только имуществомъ подвластныхъ имъ поселянъ но и ихъ жизнью. Князь Воронцовъ вступилъ въ управленiе краемъ именно въ то время, когда совершался переходъ отъ управленiя краемъ чрезъ хановъ и бековъ къ управленiю его общей администрацiей, и когда въ связи съ этимъ уничтожались всѣ тѣ привиллегiи этихъ лицъ, которыя были присвоены имъ, какъ мѣстнымъ правителямъ, и которыя они считали своимъ достоянiемъ по всѣмъ прошлымъ традицiямъ. Такимъ образомъ, князю Воронцову, какъ Намѣстнику Кавказскому, предстояло рѣшить вопросъ не о томъ, отдать ли народный земельный фондъ бекамъ и ввести-ли никогда не имѣвшее мѣста крѣпостное право въ восточномъ Закавказьѣ, а вопросъ: *сохранить*-ли права бековъ, которыя въ историческомъ прошломъ у нихъ, несомнѣнно(?) были, и онъ, говоря словами записки 34 членовъ Гос. Думы, нашелъ, что „надлежитъ не только не посягать на права высшаго сословiя, но и всѣми мѣрами стараться объ огражденiи и упроченiи оныхъ". И къ этой мысли, какъ видно изъ матерiала, приведеннаго въ той же запискѣ 34 членовъ Гос. Думы, онъ пришелъ не по сочувствiю крѣпостническимъ вожделѣнiямъ мусульманскихъ

хановъ и бековъ, а по тому соображенію что „вездѣ, гдѣ народъ находится на низкой степени гражданственности, несравненно труднѣе дѣйствовать на цѣлыя массы, нежели на одно сословіе, болѣе просвѣщенное, и, слѣдовательно, имѣющее большее вліяніе". Соотвѣтственно съ этимъ и испрошенный Намѣстникомъ Кавказскимъ Высочайшій рескриптъ 6 Декабря 1846 г. говорилъ не о дарованіи какихъ либо имѣній ханамъ и бекамъ, а о *возвращеніи* имъ тѣхъ изъ имѣній, которыя были отобраны при нашемъ Правительствѣ безъ вины бековъ, и *объ оставленіи* въ ихъ владѣніи тѣхъ изъ имѣній, которыя состояли у нихъ въ день изданія рескрипта. Равнымъ образомъ и проектируя установить крѣпостную зависимость поселянъ отъ хановъ и бековъ, князь Воронцовъ не создавалъ чего либо болѣе тяжкаго, чѣмъ то, что уже существовало прежде, но онъ полагалъ установить зависимость *слабѣйшую* по сравненію съ той, какою она была при мусульманскомъ владычествѣ, такъ какъ русское крѣпостное право, конечно, ни въ какой мѣрѣ (?) не можетъ быть сравниваемо съ правомъ хановъ на жизнь и смерть подвластнаго ему поселянина. Независимо этого, князь Воронцовъ, проектируя эту мѣру и полагая ею привлечь на сторону Россіи высшій мусульманскій классъ и чрезъ него и остальныя сословія, руководился, какъ это видно изъ его представленія по этому дѣлу, идеею установленія прочной связи между мусульманскими провинціями и русской Имперіей. Въ результатѣ фактически все это выразилось въ томъ, что положеніе поселянъ ничуть не было отягчено по сравненію съ прежнимъ: доли урожая они платили и послѣ примѣненія рескрипта 6 Декабря 1846 г. тѣ же, что и прежде; что же касается натуральныхъ повинностей въ пользу бековъ, то всѣ онѣ до 1846 г. въ своемъ размѣрѣ зависѣли исключительно отъ воли хановъ и бековъ, положеніями же, изданными въ развитіе рескрипта 6 Декабря, размѣръ ихъ былъ опредѣленъ точно, что, безъ сомнѣнія, соотвѣтствовало интересамъ поселянъ. Несомнѣннымъ слѣдствіемъ этой мѣры въ отношеніи высшаго мусульманскаго сословія было то, что вмѣсто ненависти, которую вызвало бы лишеніе этого сословія прежнихъ доходовъ, русская власть создала дѣйствительное расположеніе этого класса къ себѣ, а насколько это было важно для объединенія въ то время мусульманскихъ провинцій съ Имперіей, можно заключить изъ того, что и въ настоящее время вліяніе бековъ на мусульманское населеніе еще весьма велико. Представляя объ этомъ, На-

мѣстникъ находитъ, что время оцѣнки мѣры, принятой Высочайшимъ рескриптомъ 6 Декабря 1846 г., не пришло; что во всякомъ случаѣ значеніе ея можетъ быть опредѣлено лишь по совокупности всѣхъ условій, вызвавшихъ ее, и всѣхъ послѣдствій, связанныхъ съ ней, которыя, при современномъ положеніи изученія Кавказскаго края, не ясны, но несомнѣнно вѣрно то, что эта мѣра нисколько не была вызвана ни желаніемъ закрѣпостить поселянъ, во имя самаго закрѣпощенія, ни желаніемъ въ какомъ бы то ни было отношеніи понизить благосостояніе ихъ быта, такъ какъ, если въ настоящее время даже въ означенную записку 34 членовъ Гос. Думы вкралось, между прочимъ, признаніе, что *„крѣпостное помѣщичье хозяйство, какъ экономическая категорія, было извѣстной правильной системой"*, то тѣмъ болѣе подобный взглядъ былъ естественнымъ въ 1846 г., когда въ Россіи иныхъ сельскихъ хозяйствъ почти не было.

Представляя эти разъясненія и не усматривая въ указанныхъ запиской правительственныхъ распоряженіяхъ тѣхъ мотивовъ, которые приписываются имъ 34 членами Гос. Думы, намѣстникъ считаетъ необходимымъ еще разъ отмѣтить, что какъ бы ни смотрѣть на эти распоряженія, но все же необходимо признать, вопреки мнѣнію 34 членовъ Гос. Думы, что эти распоряженія, совершившіяся за 20 лѣтъ *до начала* освободительной крестьянской реформы на Кавказѣ, *не имѣли никакого отношенія къ этой послѣдней*, и посему характеризовать эту послѣднюю указаніемъ на означенныя распоряженія значитъ завѣдомо освѣщать актъ освобожденія крестьянъ фактами, взятыми изъ другой эпохи, не имѣющими никакого отношенія къ этой реформѣ и, слѣдовательно, нисколько не характеризующими ее.—

Еще менѣе считаются съ историческими фактами авторы означенной записки, пишетъ далѣе намѣстникъ, въ отношеніи грузинскихъ частей края. Здѣсь въ доказательство основной идеи своей записки, что освободительная крестьянская реформа на Кавказѣ имѣла цѣлью укрѣпленіе господства бюрократіи посредствомъ закабаленія помѣщикамъ крестьянскаго трудового населенія, приведены факты изъ исторіи Грузіи XVIII вѣка, т. е. изъ того періода времени, когда та не была еще въ составѣ Россійской Имперіи.

Если, по запискѣ же 34 членовъ Гос. Думы, до присоединенія Грузіи къ Россіи, въ Грузіи крѣпостное право *представляло про-*

вполнѣ сложившійся институтъ (курсивъ записки), распространившійся и на Осетію, то невозможно сказать, при чемъ въ данномъ случаѣ русское Правительство и на чемъ зиждется обвиненіе записки въ томъ, что бюрократія только огуломъ распространила на всю Грузію этотъ вполнѣ сложившійся крѣпостной институтъ и распространенный, *по даннымъ же записки*, еще Грузинскими царями на Осетію. Распоряженія со стороны русскаго Правительства въ такомъ смыслѣ, т. е. о распространеніи крѣпостного права изъ одной части Грузіи въ другую, на самомъ дѣлѣ никогда не было.

Разумѣется, и при *раскрѣпощеніи* крестьянъ въ Грузіи во второй половинѣ прошлаго столѣтія пришлось считаться и русскому Правительству съ вполнѣ опредѣленнымъ характеромъ крѣпостного института, представлявшаго дѣйствительно почти неодолимыя препятствія къ освобожденію отъ крѣпостного гнета. Все это, очевидно, ставило здѣсь актъ раскрѣпощенія въ такое положеніе, что, при всемъ стремленіи облегчить положеніе крѣпостныхъ, совершенно безправныхъ крестьянъ, эта цѣль во всемъ объемѣ была недостижима; въ силу вещей, *необходимы были компромисы* съ сложившимся исторически строемъ жизни *и съ тѣми требованіями, какія предъявлялись дворянствомъ*; въ данномъ случаѣ Правительству приходилось, такъ сказать, отвоевывать каждый шагъ реформы, чего не приходилось дѣлать внутри Имперіи. Такъ, напримѣръ, въ самой же запискѣ членовъ Гос. Думы указывается, что *помѣщики* не признавали права крестьянъ даже на движимое ихъ имущество и требовали выкупа его; они, исходя изъ упомянутаго выше грузинскаго закона о крѣпостномъ институтѣ, отрицали права крестьянъ на землю, даже пріобрѣтенную на средства послѣднихъ; они требовали вознагражденія за отмѣну личной зависимости крестьянъ; при этомъ они допускали освобожденіе крестьянъ лишь безъ земли. Однако ни одно изъ этихъ требованій Правительствомъ не было удовлетворено(?!) и не только движимое имущество, но и постройки, возведенные на помѣщичьей землѣ и изъ помѣщичьяго лѣса, были признаны закономъ собственностью крестьянъ; требованіе вознагражденія за отмѣну личной зависимости въ законодательномъ порядкѣ также не было уважено и хотя впослѣдствіи въ административномъ порядкѣ(!) и уплочено было помѣщикамъ по 25 р. за каждую душу мужского пола освобожденныхъ крестьянъ, но это во

всякомъ случаѣ далеко не равносильно предъявленному требованію дворянства; при оцѣнкѣ годового труда одного крестьянина даже въ 12 р. (по 1 р. въ мѣсяцъ) пришлось бы за освобожденіе одной души заплатить не менѣе 200 р., т. е. въ восемь разъ больше, чѣмъ было выдано помѣщикамъ. Равнымъ образомъ, также отвергнуто было заявленіе помѣщиковъ и относительно правъ ихъ на землю, пріобрѣтенную крестьянами тѣмъ или другимъ способомъ въ періодъ крѣпостного права, при чемъ для разбора правъ крестьянъ по документамъ относительно такой земли установленъ былъ тотъ же порядокъ, какъ и внутри Имперіи, т. е., въ случаѣ недовольства какой либо стороны рѣшеніемъ мирового посредника по этому предмету, дѣло разсматривалось губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, съ участіемъ прокурора окружного суда, въ порядкѣ высшаго совѣстнаго суда. Было ли такихъ документовъ въ одной Кутаисской губерніи 63,668, какъ это указывается въ запискѣ членовъ Гос. Думы, Намѣстнику не извѣстно, но во всякомъ случаѣ разборъ этихъ документовъ потребовалъ въ губерніяхъ Тифлисской и Кутаисской періодъ времени свыше 40 лѣтъ. Само собою разумѣется, что, при разборѣ этихъ документовъ, по нѣкоторымъ изъ нихъ присуждались крестьянамъ земли на правѣ собственности; по нѣкоторымъ же въ такомъ искѣ отказывалось. На сколько извѣстно, рѣшенія мировыхъ крестьянскихъ учрежденій не вызвали вообще нареканій.(?) На чемъ же основано указаніе 34 членовъ Гос. Думы, что, будто бы, означенные документы вовсе не были разсмотрены, вопреки закона,—Намѣстнику неизвѣстно, и графъ Воронцовъ-Дашковъ не сомнѣвается, что составители означенной записки были введены въ этомъ случаѣ въ заблужденіе. Точно такъ же не было уважено и заявленіе дворянъ объ освобожденіи ихъ бывшихъ крестьянъ безъ земли. Это констатируетъ и записка 34 членовъ Гос. Думы, но она ставитъ въ упрекъ, что государство, „стоя при реформѣ на Кавказѣ за правильное обезпеченіе для казны исправнаго отбыванія крестьянами повинности", только поэтому и не допустило освободить всѣхъ крестьянъ безъ земли. Но какъ видно изъ приведеннаго въ той же запискѣ разсужденія мѣстныхъ властей по этому предмету, на самомъ дѣлѣ это было не такъ. Мѣстныя власти, согласившись съ заявленіемъ дворянъ о томъ, что на надѣленіе земли у крестьянъ нѣтъ права, нашли, что необходимость надѣла вызывается соображеніями о нуждахъ государства

ніяхъ. Правительство, исходя изъ унаслѣдованнаго Россіей грузинскаго крѣпостного права (законы царя Вахтанга), по которому „все, кромѣ души крестьянина, принадлежало помѣщику“ *), не могло, конечно, настаивать на томъ, что помѣщики обязаны надѣлять своей землей крестьянъ; это было бы явнымъ уклоненіемъ отъ исторической правды, и потому Правительство должно было согласиться въ этомъ случаѣ съ дворянами; оставалось при такихъ условіяхъ указать единственно на государственную необходимость этой мѣры: оно это и сдѣлало, указавъ отнюдь не только на фискальные интересы казны, но и на необходимость этой мѣры въ видахъ требованія ея всѣмъ строемъ правильной государственной жизни, при чемъ Правительство указывало въ этомъ случаѣ и на необходимость этой мѣры въ интересахъ благоустройства самихъ крестьянъ и обезпеченія ихъ благосостоянія.

Разумѣется, отказавъ помѣщикамъ въ основныхъ ихъ домогательствахъ на присвоеніе крестьянскихъ построекъ и движимаго имущества, на вознагражденіе за утрату дарового крѣпостного труда, на присвоеніе крестьянскихъ земель и на освобожденіе ихъ безъ отвода помѣщичьей земли, Правительство не могло не пойти въ менѣе важныхъ вопросахъ и на нѣкоторые компромиссы съ помѣщиками, не отказывая послѣднимъ совершенно въ ихъ требованіяхъ, а лишь въ возможной степени ограничивая ихъ.

Чтобы оцѣнить, сколько требовалось настойчивости для мѣстныхъ властей, при отклоненіи самыхъ существенныхъ требованій дворянства и ограниченіи на половину ихъ требованій, менѣе существенныхъ, нужно имѣть въ виду тѣ мѣстныя условія, въ которыхъ совершалась эта реформа на Кавказѣ, по сравненію съ тѣми условіями, въ какихъ она происходила внутри Россіи. Два года обсужденія дворянствомъ Кутаисской и Тифлисской губерній крѣпостной реформы (съ 1861 г. по 1863 г.) ясно показали, что среди него нѣтъ сторонниковъ этой мѣры: требованія ихъ въ это время были до такой степени непріемлемы, что въ 1863 г. потребовалось особое Высочайшее указаніе на то, что основныя начала реформы 19-го февраля 1861 г. обязательны и для Кавказскаго края. Только послѣ этого настала возможность въ Кавказскомъ краѣ обсуждать примѣ-

*) „Это выраженіе принадлежитъ Кн. И. К. Багратіону, а не уложенію царя Вахтанга“. (Зап. Тифл. дворянства о выкупѣ, стр. 6). О. С.

ненiе реформы. Нужно сказать, что никакого сочувствiя она не вызывала и въ остальныхъ классахъ населенiя; по крайней мѣрѣ, это сочувствiе не выразилось ни въ чемъ; во всей кавказской литературѣ за то время не найдется не только ни одной статьи по этому предмету, но и ни одной газетной замѣтки, въ которой привѣтствовалась бы эта реформа. Кавказъ какъ бы жилъ еще идеалами XVIII вѣка. При такихъ условiяхъ, при явномъ непрiязненномъ отношенiи *сильнаго въ то время дворянства* къ освобожденiю крестьянъ и при полномъ равнодушiи къ этому вопросу остальныхъ классовъ общества, всю тяжесть разрѣшенiя этого дѣла пришлось вынести на себѣ мѣстной центральной власти, и, конечно, этой власти нужно было имѣть много рѣшимости, чтобы отвергнуть, въ интересахъ крестьянъ, всѣ главныя притязанiя дворянства, а прочiя ограничить на половину. Въ этомъ отношенiи правительственная власть на Кавказѣ была совершенно одинока, и она дѣйствительно сдѣлала то, что могла сдѣлать, и, потому, несомнѣнно, не заслужила тѣхъ упрековъ, которыми переполнена записка 34 членовъ Гос. Думы *).

Конечно, далеко не все въ этомъ отношенiи удалось сдѣлать правительственнымъ властямъ и, вслѣдствiе этого, законъ для крестьянской массы оказался менѣе благопрiятенъ, чѣмъ это было бы желательно и что было бы, несомнѣнно, сдѣлано при другомъ отношенiи къ этой реформѣ со стороны мѣстнаго общества вообще и со стороны дворянъ въ частности. Но во всякомъ случаѣ этотъ законъ не былъ отрицательнаго характера для крестьянъ, какъ это представляется въ запискѣ 34 членовъ Гос. Думы. Въ этомъ отношенiи въ означенной запискѣ совершенно (?) игнорируется то значенiе, которое имѣло для крестьянской массы освобожденiе отъ *личной* зависимости отъ помѣщиковъ. Нужно сказать, что въ настоящее время, когда насъ отдѣляетъ перiодъ времени отъ крѣпостной эпохи почти въ 50 лѣтъ, даже трудно представить себѣ ясно то безправное положенiе, въ которомъ находился крестьянинъ въ крѣпостную

*) Здѣсь авторы оффицiальной точки зрѣнiя на крестьянскую реформу упускаютъ изъ виду, что въ теченiе пятидесятыхъ годовъ XIX вѣка крѣпостные Грузiи не разъ выражали свое явно опредѣленное отношенiе къ крѣпостному праву посредствомъ ряда вооруженныхъ возстанiй и бунтовъ. (См. Н. Жорданiя — „Исторiя Грузiи въ XIX вѣкѣ“).

эпоху, когда помѣщикъ распоряжался имъ всецѣло; когда помѣщику предоставлялся закономъ судъ надъ крестьяниномъ, право наказывать его *тѣлесно*, право отдачи его въ солдаты и т. д. Если прибавить къ этому, что *весь* (?) *трудъ* крестьянина находился въ распоряженіи же помѣщика и послѣдній всегда могъ приказать своему крѣпостному исполнять какія угодно работы для него, помѣщика, то отмѣна навсегда одной этой зависимости, помимо уже какого бы то ни было обезпеченія крестьянина, имѣло огромное, едва-ли оцѣнимое, значеніе для него, представляя въ то же время соотвѣтствующую потерю для помѣщика. При разсмотрѣніи значенія раскрѣпощенія крестьянъ въ Закавказскомъ краѣ, конечно, неправильно замалчивать эту сторону дѣла и совершенно невозможно этой мѣрѣ усваивать смыслъ закабаленія ихъ помѣщикамъ *).

*) Считаемъ не лишнимъ въ pendent къ этой оффиціальной точкѣ зрѣнія на сущность крѣпостного права и крестьянской реформы въ Грузіи—привести взглядъ на этотъ вопросъ Тифлисскаго дворянства, изложенный въ его запискѣ о выкупѣ временно обязанныхъ крестьянъ (стр. 8—12). Здѣсь мы читаемъ:

„Въ виду того, что авторы записки Канцеляріи и Совѣта Намѣстника придали особое значеніе крѣпостному праву въ Грузіи, необходимо остановиться на немъ болѣе подробно.

Исторія крѣпостного права Грузіи ждетъ еще разработки; нѣтъ у насъ капитальныхъ изслѣдованій по этому вопросу. До сихъ поръ ни русская, ни грузинская литература не касались грузинскаго крѣпостного права съ должнымъ вниманіемъ. Важный юридическій памятникъ грузинскаго царства—сводъ уложеній царя Вахтанга VI, атабековъ Бека и Агбуги — владѣтелей Самцхе-Сатабаго (нынѣ Ахалкалакскій и Ахалцихскій уѣзды, Ардаганскій округъ и Чорохскій бассейнъ) и царя Георгія, критически не изученъ, и на основаніи детальнаго изученія его не возстановлена картина крѣпостного права Грузіи.

Интересовались уложеніемъ царя Вахтанга еще проф. М. Ковалевскій, извѣстный славистъ г. Дарестъ, гр. Блудовъ, Статсъ-Секретарь кн. Г. Багратіонъ-Мухранскій, но они не дали ничего исчерпывающаго. Богатый матеріалъ по крѣпостному праву встрѣчается въ церковныхъ и дворянскихъ грамотахъ, собранныхъ Д. Пурцеладзе, въ историческихъ изданіяхъ академика Броссе, документахъ, напечатанныхъ Ѳ. Жорданіи и Е. Такайшвили, въ актахъ археографической коммиссіи и въ оффиціальныхъ запискахъ, составленныхъ кн. М. Б. Тумановымъ и Д. Ив. Кипіани.

„Далеко не отрицательною была крѣпостная реформа для крестьянъ и въ экономическомъ отношеніи, заявляетъ Намѣстникъ въ „Заключеніяхъ", и во всякомъ случаѣ утвержденіе въ этомъ отношеніи записки 34-хъ членовъ Гос. Думы, что крѣпостная реформа, будто бы, была въ Грузіи экспропріаціей народнаго земельнаго фонда и правъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ, является болѣе, чѣмъ ошибочнымъ. Могутъ быть лишь упреки въ лишеніи земли той части крестьянъ, которая должна была бы быть надѣлена, и въ недостаточности отведенныхъ крестьянамъ надѣловъ. Эти обвиненія и дѣйствительно предъявляются 34 членами Гос. Думы. По словамъ ихъ записки, помѣщики Грузіи, на основаніи ст. 6 правилъ 13 октября 1864 г., лишили цѣлыя тысячи крестьянъ земельныхъ надѣловъ. Въ силу этой статьи, помѣщики не обязаны были отводить особые полевые надѣлы только тѣмъ дворо-

---

Грузинское крѣпостное право, кромѣ общихъ чертъ съ западноевропейскимъ и русскимъ, *) имѣетъ и свои особенныя, только ему присущія, черты, порожденныя характеромъ своеобразной и кровавой исторіи грузинскаго народа. Военныя бури, безпрерывно разыгрывавшіяся на территоріи Грузіи въ теченіе продолжительной исторіи, державшія весь народъ постоянно подъ оружіемъ, *должны были смягчить суровую власть господина* и лишить ее той жестокости, которою она отличалась на западѣ и въ Россіи. Сочиненія В. И. Семевскаго—Крестьянскій вопросъ въ Россіи, Д. Кавелина, кн. Н. Волконскаго и др. полны фактами проявленія въ самой дикой формѣ власти помѣщиковъ. *Исторія Грузіи положительно не знаетъ подобныхъ случаевъ жестокости.* Это, собственно говоря, и понятно. Въ числѣ военной общины, какой представлялся грузинскій народъ, не могли создаться аттрибуты помѣщичьей власти въ родѣ западноевропейскаго jus primae noctis, впослѣдствіи замѣненнаго поцѣлуемъ. Простой народъ, крѣпостной, постоянно бывшій подъ оружіемъ, сражавшійся съ врагами вмѣстѣ со своимъ господиномъ, очевидно, сумѣлъ бы отстоять свои личныя и имущественныя права отъ покушеній суроваго господина. Бывшій предсѣдатель Центральнаго Комитета по устройству быта крестьянъ, баронъ А. П. Николаи, руководившій крестьянскимъ дѣломъ въ Закавказьѣ съ 1863 по 1874 годъ, говоритъ по поводу отношеній между грузинскими помѣщиками и ихъ крестьянами слѣдующее: „Для опредѣленія размѣра по-

*) Новѣйшими изслѣдованіями проф. Н. П. Павлова-Сильванскаго несомнѣнно установлено, что въ древней Руси существовалъ феодализмъ. См. его трудъ: Феодализмъ въ удѣльной Руси.

вымъ людямъ, кои, находясь въ домашнемъ услуженіи у помѣщиковъ, не имѣли никакого земельнаго надѣла, или имѣли одну усадьбу и при томъ составляли отдѣльный дымъ. Это не былъ законъ, специально изданный для Кавказа, а онъ былъ взятъ изъ общеимперскаго положенія и имѣлъ въ своемъ существѣ серьезныя основанія въ томъ отношеніи, что безземельные дворовые помѣщиковъ, по своей жизни, были чужды земледѣльческой жизни и даже въ огромномъ большинствѣ чуждались ея. Такихъ дворовыхъ, разумѣется, не могло быть особенно много и никоимъ образомъ они не могли составлять, какъ это говоритъ означенная записка, тысячъ дымовъ. Въ этомъ отношеніи, ссылаясь на труды Кипшидзе и Эсадзе, записка число такихъ безземельныхъ крестьянъ опредѣляетъ въ Тифлисской губерніи въ 1,444 дыма, причемъ 376 дымовъ, по этимъ даннымъ, не получили и усадебной осѣдлости.

земельныхъ и иныхъ повинностей не существовало никакихъ положительныхъ указаній: зависѣло оно, по писанному закону, отъ произвола помѣщика; но произволъ этотъ нашелъ себѣ ограниченіе въ обычаяхъ, которые установили, хотя и различные въ разныхъ мѣстностяхъ, но постоянные размѣры разныхъ видовъ такихъ повинностей. Это обычное право настолько пріобрѣло силу, что въ большей части случаевъ сдѣлалось для обѣихъ сторонъ обязательнымъ и помѣщики не пытались его нарушить, предвидя, что всякое нарушеніе встрѣтитъ сопротивленіе со стороны крестьянъ. Благодаря тому, отношенія между помѣщиками и ихъ крѣпостными, исключая развѣ немногихъ единичныхъ случаевъ, были мирныя и, въ большей части случаевъ, взаимно-доброжелательныя".

„Про злоупотребленія помѣщичьей власти въ тѣхъ видахъ и размѣрахъ, о какихъ упоминаетъ лѣтопись крѣпостного права Россіи, было неизвѣстно Грузіи и вообще въ тѣхъ частяхъ Закавказья, гдѣ существовало крѣпостное право. Памятенъ мнѣ одинъ случай, когда въ 1847 году почти цѣлое семейство помѣщичье было растерзано крестьянами по поводу, какъ гласила молва, жестокостей помѣщика. Въ чемъ заключались жестокости, осталось неизвѣстнымъ; но случай этотъ доказывалъ, что крестьяне, привыкшіе носить оружіе, могли прибѣгнуть къ нему, чтобы защитить себя противъ злоупотребленія помѣщичьей власти, и это обстоятельство, по всей вѣроятности, не дозволяло этой власти выходить изъ предѣла обычаемъ установленныхъ для него правъ. Должно, впрочемъ, въ честь грузинскихъ помѣщиковъ сказать, что отношенія ихъ съ ихъ крѣпостными въ большинствѣ случаевъ были добродушно-патріархальныя".

Конечно, эти 1.444 дымовъ были бы огромнымъ количествомъ безземельныхъ на одну губернію, но нужно сказать, что, какъ видно изъ содержанія записки 34 членовъ Гос. Думы, въ числѣ этихъ 1.444 дымовъ, не получившихъ надѣла, *три четверти* относились къ хизанамъ, предусмотрѣннымъ въ ст. 8 дополнительныхъ правилъ 1864 г., вмѣстѣ съ дворовыми людьми. При такихъ условіяхъ смыслъ означенной цифры совершенно мѣняется и въ дѣйствительности изъ всей суммы въ 1,444 дыма, не получившихъ надѣла отъ своихъ помѣщиковъ, должна быть отнесена къ безземельнымъ только $^1/_4$ часть ихъ, т.-е. до 350 дымовъ, или всего 2,2% по отношенію къ общей суммѣ 15,699 освобожденныхъ крестьянскихъ дымовъ, — по слѣдующимъ основаніямъ. Ст. 8 дополнительныхъ правилъ, по сопоставленіи съ ст. 7 тѣхъ же правилъ, предоставляла помѣщикамъ не устраивать въ поземельномъ отношеніи, т.-е. не

Непосредственный руководитель крестьянской реформы въ Грузіи бар. А. П. Николаи такъ характеризуетъ проведенную въ намѣстничество Великаго Князя Михаила Николаевича реформу и грузинское крѣпостное право, между тѣмъ Канцелярія Намѣстника почему-то нашла нужнымъ отмѣтить, что до присоединенія грузинскихъ царствъ къ Россіи крѣпостное право въ нихъ сложилось въ столь суровой формѣ, какой не было ни въ феодальной Европѣ, ни въ Россіи и въ подтвержденіе этого не приведено у нея рѣшительно ничего, кромѣ неправильно цитированной изъ законовъ царя Вахтанга фразы: „все, кромѣ души, принадлежитъ помѣщику".

Помимо обычая, охранявшаго крѣпостного отъ произвола помѣщика, и оружія, съ которымъ крѣпостной не разставался, личныя и имущественныя права крестьянина ограждались достаточно и законами царя Вахтанга. Жестокое обращеніе помѣщика съ крѣпостнымъ было поводомъ потери и лишенія крѣпостного права. По жалобѣ крестьянъ на жестокое обращеніе, цари, въ случаѣ подтвержденія ея, отбирали у помѣщиковъ крестьянъ и селили ихъ на казенной землѣ. Помѣщичій крестьянинъ могъ освободиться отъ жестокаго господина и удаленіемъ на шесть лѣтъ въ чужія владѣнія [§ 201].

При феодальномъ строѣ помѣщики сосредоточили въ своихъ рукахъ какъ политическую, такъ и экономическую власть. Положеніе собственника земли и правительственнаго чиновника, въ свою очередь, налагало на помѣщика весьма важныя обязанности. Онъ долженъ быть неподкупнымъ и справедливымъ покровителемъ и защитникомъ крестьянъ, не отнимать у нихъ того, что не принадлежитъ ему по закону. Когда крѣпостной селится въ новомъ мѣ-

отводить земельныхъ надѣловъ тѣмъ изъ крестьянъ, которые были водворены на правахъ *хизанъ* на земляхъ *другого владѣльца* или вѣдомства (казеннаго или церковнаго). Въ отношеніи этого рода крестьянъ, какъ и дворовыхъ, положеніе устанавливало, что, со дня его изданія, въ теченіе 2-хъ лѣтъ, они продолжаютъ платить помѣщику оброкъ, а затѣмъ *всякія отношенія между ними прекращаются*. Эти крестьяне, при регистраціи надѣленія землей помѣщиками своихъ крестьянъ и отнесены въ число 1.444 дымовъ, *не получившихъ* надѣловъ, но при регистраціи безземельныхъ они отнюдь *не должны* были войти *въ группу безземельныхъ*, такъ какъ они имѣли землю на правахъ хизанъ (!) въ помѣстьяхъ другихъ лицъ и, несомнѣнно, въ этомъ отношеніи были лучше

———

сть, помѣщикъ обязанъ освободить его отъ податей и повинностей въ теченіе шести лѣтъ. Въ случаѣ смерти въ домѣ господина старшаго члена семьи, царь освобождалъ его крестьянъ на годъ отъ повинностей въ поминовеніе души усопшаго. Помѣщикъ не могъ отказать крѣпостному въ пользованіи водой, дровами, пастбищами и лѣсомъ; во время голода онъ долженъ прокормить крѣпостного съ семействомъ, одѣть, обуть и похоронить его покойниковъ. Въ случаѣ опустошенія селенія врагомъ или уничтоженія посѣвовъ градомъ, крѣпостной освобождается отъ господскихъ повинностей на нѣсколько лѣтъ. Болѣзнь признавалась достаточнымъ поводомъ къ освобожденію больного отъ уплаты повинностей. Но самая важная и существенная обязанность, возложенная Вахтанговымъ законодательствомъ на помѣщиковъ, это требованіе не нарушать чистоты семейныхъ нравовъ подвластныхъ имъ крестьянъ. „Крестьянинъ", говорится въ л. 8 ст. 42, уставши господина своего, лежащаго съ женой своею, днемъ или ночью, и убившій его, не подвергается никакому взысканію за кровь, сколь бы знатенъ господинъ его не былъ". Случаевъ прекращенія крѣпостной зависимости было очень много, и, между прочимъ, освобождался отъ крѣпостной зависимости крестьянинъ, дочь котораго была обезчещена господиномъ. При наличности такихъ правъ крѣпостныхъ крестьянъ, можно ли утверждать категорически и безъ оговорокъ, что „крестьянинъ, какъ самъ, такъ и все, что есть у него, принадлежитъ его господину"? (задаетъ вопросъ дворянство Канцеляріи Намѣстника).

Лучшая характеристика крѣпостного права въ Грузіи, по нашему мнѣнію, есть та, которая дана ему покойнымъ барономъ А. П. Николаи. По мнѣнію его, „въ Грузіи сложился нѣкотораго рода феодализмъ, представители котораго, на подобіе шотландскихъ клановъ, группировались въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ. Таковы

устроены (!), чѣмъ временно-обязанные крестьяне. Точно также составители означенной записки впали въ ошибку и при подсчетѣ безземельныхъ крестьянъ, данныхъ реформой въ Кутаисской губерніи.

Что касается дальнѣйшаго упрека записки 34 членовъ Гос. Думы, что крѣпостная реформа дала въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ малоземельныхъ крестьянъ, то Намѣстникъ, не отрицая, что малоземелье въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ дѣйствительно имѣло мѣсто, считаетъ во всякомъ случаѣ долгомъ отмѣтить, что эти небольшіе надѣлы никоимъ образомъ не заслуживаютъ того ироническаго названія нулевыхъ, какое даетъ имъ означенная записка. Въ сущности, если въ настоящее время и ощущается недостатокъ

роды князей Эристовыхъ, Циціановыхъ, Багратіонъ-Мухранскихъ, Амилахвари, Бараговыхъ, Орбеліани, Меликовыхъ и др. Рядомъ съ ними возникло и умножилось мелкое дворянство подъ названіемъ азнауровъ, жалуемыхъ въ это званіе не только царями, но и князьями изъ числа подвластныхъ крѣпостныхъ крестьянъ, оказавшихъ имъ какія нибудь услуги. Это была своего рода шляхта, многочисленная, имѣвшая также право владѣть крѣпостными людьми. Также владѣли землями и крѣпостными церковь и монастыри; но явленіе, быть можетъ, единственное: въ число крѣпостныхъ людей—обычай ввелъ и лицъ духовнаго званія, возведенныхъ въ оное изъ крестьянъ".

Какова была сила обычая въ Грузіи, видно изъ дошедшаго до насъ письменнаго акта конца XVIII вѣка, извѣстнаго подъ именемъ Самтависскаго. Глава сильнаго феодальнаго рода Амилахори повысилъ размѣръ поземельныхъ повинностей. Все ущелье встрепенулось и, собравшись въ оградѣ храма Самтависи, подъ предсѣдательствомъ епископа Самтависели, вынесло осужденіе Амилахори „за нарушеніе обычаевъ и законовъ страны", съ угрозой, что если онъ не отмѣнитъ своего незаконнаго распоряженія, то онъ подвергается interdictio aquae et ignis. Угроза подѣйствовала, и незаконное распоряженіе было взято обратно.

Институтъ частной крестьянской собственности въ Грузіи есть установленіе весьма древнее. Новѣйшими изслѣдованіями проф. Ив. Джавахова [Экономическая исторія Грузіи и др.] раскрыто, что частная собственность крестьянъ встрѣчается еще въ VII вѣкѣ послѣ Р. Х. Крестьяне свободно покупали, продавали и закладывали земли, сады, дома и на это не требовалось ничьей санкціи и разрѣшенія. Формальное требованіе уложенія ц. Вахтанга о такой санкціи со стороны господина, видимо, никогда не исполнялось и обычаи аннули-

земли у временно-обязанныхъ крестьянъ, то это прежде всего зависитъ отъ прибыли населенія. Надѣлы же, установленные мѣстнымъ положеніемъ, сами по себѣ, отнюдь не должны считаться не только нулевыми, но и малыми. Такъ, въ Тифлисской губерніи установленъ былъ на семью коренной, т.-е. минимальный надѣлъ, въ $2^1/_2$ дес. *поливной* земли, а неполивной въ 5 дес., высшій же вдвое болѣе. Что же касается Кутаисской губерніи, гдѣ высшій размѣръ надѣла опредѣленъ въ $4^1/_2$ дес., а коренной въ $1^1/_2$ дес., то нужно сказать, что, при существовавшей въ краѣ во время крѣпостной реформы и удержавшейся въ значительной части Кутаисской губерніи донынѣ ручной обработкѣ земли (посредствомъ мотыги), большій надѣлъ не могъ бы быть и использованъ крестьянской семьей. Не могъ также

— —

ровалъ силу писаннаго закона. Обиліе крестьянскихъ актовъ о правѣ собственности доказываетъ справедливость этой мысли. Одно Тифлисское Губернское Присутствіе разобрало ихъ до 40.000 документовъ прежняго времени. А сколько еще хранится ихъ въ архивахъ Управ. Гос. Имуществами Тифлисской губерніи. При малѣйшихъ ограниченіяхъ въ куплѣ и продажѣ, въ родѣ санкціи господина, не могло возникнуть такого обилія старыхъ документовъ.

До насъ дошелъ любопытный актъ—раздѣлъ кн. Багратіонъ-Мухранскихъ. Фамилія эта составляла боковую линію династіи багратидовъ. [Вахтангъ VI и сынъ его Бакаръ принадлежали этой вѣтви]. По раздѣлу одному изъ Багратіоновъ достается земля, купленная у крестьянина. Если слѣдовать принципу, проводимому въ запискѣ Канцеляріи, что „все, кромѣ души, принадлежитъ господину", то становится совершенно непонятнымъ, чего ради Багратіонъ-Мухранскіе покупаютъ у своихъ крестьянъ земли, да еще съ упоминаніемъ объ этомъ въ такомъ важномъ актѣ, какъ раздѣлъ, а не дѣлятъ между собою крестьянскихъ земель, вѣдь имъ принадлежитъ все, кромѣ души!

Дореформенный строй Россіи, по весьма понятнымъ причинамъ, имѣлъ огромное вліяніе и на Грузію. Постепенно полицейская власть, бывшая въ рукахъ помѣщиковъ, стала сосредоточиваться въ рукахъ администраціи и судьба крѣпостныхъ крестьянъ зависѣла уже не отъ помѣщиковъ, а отъ нея. Протесты крестьянъ заканчивались не столь благополучно, какъ объ этомъ повѣствуется въ Самтависскомъ актѣ, они подавлялись военными экзекуціями. По представленіямъ ревизовавшихъ Закавказскій край сенаторовъ Кутайсова и Мечникова правительство предоставило помѣщикамъ право сдавать своихъ крѣпостныхъ въ рекруты и отправлять ихъ въ ссылку [Акты Арх. Ком., т. VII, № 8]. Подобными уравнительными тен-

надѣлъ считаться незначительнымъ и для обезпеченія крестьянъ, при высокой урожайности въ то время земли, дававшей на десятинѣ отъ 180 до 200 пуд. кукурузы.

Нужно, кромѣ того, имѣть въ виду, что, по климатическимъ условіямъ, здѣсь земли могутъ идти подъ виноградныя, садовыя и вообще высшія культуры (хлопокъ, рисъ и т. д.), и въ такихъ случаяхъ чистая доходность съ одной десятины можетъ простираться до 100—150 и 200 р. Поэтому здѣсь, говоря о нормѣ крестьянскихъ надѣловъ, отнюдь нельзя ставить эти нормы въ параллель съ надѣлами внутренней Россіи.

По симъ соображеніямъ нужно признать, что съ точки зрѣнія времени изданія мѣстнаго положенія о поземельномъ устройствѣ крестьянъ нормы отводовъ въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ установлены были такія, которыя обезпечивали въ общемъ среднее

леніями прокламаціи и другія распоряженія администраціи, такъ что къ эпохѣ 1864 г. грузинское крѣпостное право ничѣмъ уже не отличалось отъ такого же, существовавшаго во внутреннихъ губерніяхъ Россіи до 19 февраля 1861 года. Не говоря о сенаторѣ Ганѣ, сенаторы Мечниковъ и Кутаисовъ мечтали перекроить всю Грузію на одинъ ладъ, по общерусскому образцу. Ихъ поразило разнообразіе и число повинностей, отбывавшихся грузинскими крѣпостными и принявъ во вниманіе, что грузинскіе дворяне сравнены въ правахъ съ русскими дворянами, они рѣшили „уничтожая постепенно существующія нынѣ повинности, замѣнить ихъ въ теченіе не болѣе трехъ лѣтъ повинностями, существующими въ Россіи“. Главноначальствующій баронъ Розенъ рѣшительно возсталъ противъ намѣреній сенаторовъ и сообщилъ правительству, что невозможно не только въ три года, но и когда-либо замѣнить мѣстныя повинности крестьянъ россійскими обычаями, когда одинъ край вовсе различествуетъ и въ климатѣ, и въ произведеніяхъ земли, и въ образѣ жизни самихъ помѣщиковъ и крестьянъ, когда, наконецъ, и въ самой Россіи не установлено на этотъ предметъ твердыхъ правилъ“ (Акты т. VIII, № 11). Баронъ же Розенъ представилъ правительству, что повинности, отбываемыя крестьянами помѣщикамъ хотя и многочисленны, но положеніе грузинскихъ крѣпостныхъ было нисколько не хуже положенія таковыхъ въ Россіи, и что вообще доходы грузинскихъ помѣщиковъ были весьма незначительны. Доводы барона Розена убѣдили правительство, и оно не сочло возможнымъ измѣнить въ Грузіи порядокъ взысканія повинностей съ грузинскихъ крестьянъ“ О. С.

благосостояніе крестьянъ и отвѣчали работоспособности семьи. Болше этого Правительство, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ оно проводило реформу, рѣшительно не могло потребовать отъ помѣщиковъ.

Конечно, до нѣкоторой степени сила значенія этого закона ограничивалась правомъ помѣщиковъ оставить за собой половину удобныхъ земель имѣнія.*)

Но нужно сказать, вопреки мнѣнію 34 членовъ Думы, что далеко не въ широкой степени помѣщики воспользовались этимъ правомъ, и у крестьянъ осталось земли всюду не только свыше коренного надѣла, но и приблизительно около высшаго. Это видно изъ данныхъ по выкупной операціи. Въ Тифлисской губерніи выкуплено 3,768 дымами 16,416 дес. земли, что составляетъ $4^1/_3$ дес. на дымъ.

Затѣмъ, въ Кутаисской губерніи выкуплено 33,597 дымами 144,041 дес., болѣе, чѣмъ по 4.₆ дес. на дымъ. Изъ изложеннаго нельзя не придти къ заключенію, что право помѣщиковъ на означенную отрѣзку, какъ оказалось,—въ большинствѣ имѣній не имѣло вредныхъ послѣдствій для крестьянъ.

Въ связи съ этимъ, необходимо остановиться на обвиненіи записки 34 членовъ Государственной Думы въ томъ, что, вопреки закону, у помѣщиковъ осталось на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе земли, нежели только половина, и что, поэтому, очевидно, помѣщики широко „воспользовались правомъ захвата крестьянскихъ угодій". По этому поводу нужно сказать, что то обстоятельство, что у помѣщиковъ въ общемъ оказалось, по приведеніи въ исполненіе мѣстнаго положенія о поземельномъ устройствѣ, земли болѣе, чѣмъ у крестьянъ, и свидѣтельствуетъ о томъ, что помѣщикамъ не было надобности и не было у нихъ и права (?!) отрѣзывать отъ крестьянъ землю, по сравненію съ установленной нормой, и что, слѣдовательно, крестьяне по меньшей мѣрѣ получили въ надѣлъ то, что имъ слѣдовало по закону. Это, какъ было изложено выше, подтверждается и данными выкупа. Затѣмъ при оцѣнкѣ данныхъ о сравнительномъ количествѣ земли, числящейся за помѣщиками и крестьянами, нужно имѣть въ виду, что, по закону, крестьянамъ въ счетъ надѣла отводились только удобныя земли; земли же неудобныя, хотя бы онѣ и входили въ черту надѣла крестьянамъ, а равно и земли подъ

*) Пахатныхъ земель, а не имѣнія—О. С.

дорогами, улицами, проулками и прогонами,—выключались изъ счета надѣла поселянъ. Кромѣ того, въ число помѣщичьихъ угодій отнесены и тѣ обширныя мѣста для пастьбы скота и тѣ выгоны, которые, хотя и состоятъ въ *общемъ* безмездномъ пользованіи крестьянъ и помѣщиковъ, но числятся все же въ составѣ угодій помѣщиковъ. Всѣ эти данныя должны быть приняты въ разсчетъ, когда рѣчь идетъ о количественномъ соотношеніи статистическихъ данныхъ о землѣ крестьянъ и землѣ помѣщиковъ.

Наконецъ, по поводу приведенныхъ въ запискѣ 34 членовъ данныхъ о сравнительномъ количествѣ земель помѣщичьихъ и крестьянскихъ, необходимо сказать, что данныя объ этихъ послѣднихъ тамъ неточны. Эти данныя извлечены изъ *уставныхъ грамотъ* и выкупныхъ договоровъ.

По даннымъ всѣхъ уставныхъ грамотъ, въ Кутаисской губерніи всего было отведено 90,009 дес.; насколько же это количество въ этихъ документахъ уменьшено, видно изъ того, что послѣ составленія этихъ грамотъ до 1901 г. было выкуплено, по точному *инструментальному* измѣренію, 144,041 дес., т. е. на 2/3 больше, чѣмъ значилось по *глазомѣру* во всѣхъ уставныхъ грамотахъ. Если при выкупѣ 33,597 дымами въ Кутаисской губерніи среднимъ числомъ пришлось на каждый дымъ по 4,.. дес., то нѣтъ основанія полагать, чтобы и у невыкупившихъ 25,409 дымовъ землепользованіе выражалось въ меньшемъ количествѣ, т. е. что оно составляетъ не 63,482 дес., какъ это значится по уставнымъ грамотамъ, а приблизительно выражается въ 117,000 дес. (т. е. по 4,.. дес. на дымъ). Нужно сказать, что затѣмъ сомнительна цифра, опредѣляющая и землепользованіе хизанъ въ 3,247 дес., и, по крайней мѣрѣ, она должна быть установлена не менѣе 5,127 дес., какъ исчисляются эти земли при *обложеніи* поземельнымъ налогомъ, тѣмъ болѣе, что такое исчисленіе, по которому хизане и платятъ налогъ, не вызываетъ со стороны ихъ возраженій.

То же самое нужно сказать и о Тифлисской губерніи. Общее количество всей крестьянской земли здѣсь опредѣляется, по запискѣ 34 членовъ Гос. Думы, въ 134,796 дес., причемъ, эта сумма слагается изъ земель выкупленныхъ, въ количествѣ 16,416 дес. (точныя данныя), изъ земель поселянскихъ невыкупленныхъ, по *уставнымъ* грамотамъ, 51,877 дес.; изъ земель хизанскихъ, въ количествѣ 27,654 дес., и изъ земель крестьянскихъ невыкупленныхъ, по

уставнымъ грамотамъ, въ числѣ 38,847 дес.; между тѣмъ какъ по даннымъ объ обложеніи поземельнымъ налогомъ однѣхъ крестьянскихъ выкупленныхъ земель числится 115,306 дес.[1])

Резюмируя вышеизложенное о земельномъ обезпеченіи помѣщичьихъ крестьянъ Тифлисской и Кутаисской губерній, какъ о результатѣ реформы 1860-хъ годовъ, Намѣстникъ находитъ: 1) что процентъ безземельныхъ, созданныхъ этой реформой, долженъ быть опредѣленъ въ этихъ губерніяхъ не болѣе какъ $2,_2\%$—$2,_5\%$ противъ общаго количества бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, причемъ и эти безземельные, въ главной своей массѣ, должны быть отнесены къ числу дворовыхъ, т. е. той части крестьянъ, для которыхъ отводъ земли, по ихъ собственному отношенію къ ней, не могъ имѣть значенія; 2) что надѣлы остальныхъ $97\frac{1}{2}\%$ крестьянъ, получившихъ землю, во всякомъ случаѣ не могутъ быть признаны ничтожными, а напротивъ, въ общей своей массѣ, могутъ почитаться обезпечивающими, при правильной затратѣ на нихъ труда, *среднее экономическое благосостояніе крестьянъ*; что 3) нѣтъ никакихъ основаній утверждать, *чтобы помѣщики злоупотребили закономъ*, при выполненіи мѣстнаго положенія о земельномъ устройствѣ; 4) что во всякомъ случаѣ эта поземельная реформа выразилась фактически въ томъ, что около половины совершенно удобныхъ помѣщичьихъ земель поступило въ неотъемлемое распоряженіе ихъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, а не наоборотъ, т. е. не отъ крестьянъ перешла какая либо часть земли къ помѣщикамъ, и 5) но, наконецъ, помѣщичье землевладѣніе, въ виду значительнаго количества въ составѣ его земель неудобныхъ, далеко не является столь благопріятнымъ, какъ это могло бы казаться по цифровымъ, не совсѣмъ при томъ точнымъ, даннымъ, приведеннымъ въ запискѣ 34 членовъ Гос. Думы".

„О хизанахъ въ той же запискѣ имѣется слѣдующее заявленіе: „Въ пяти уѣздахъ Тифлисской губерніи въ

[1]) „Обращаясь къ Матеріаламъ по поземельнымъ вопросамъ Закавк. края, изданнымъ въ 1905 г. канцеляріей намѣстника,—пишетъ Тифл. дворянство въ своей запискѣ о выкупѣ, — мы находимъ на стр. 9 утвержденіе, что источниками свѣдѣній для временнообязанныхъ крестьянъ по надѣльнымъ ихъ землямъ (по обложенію) служили данныя уставныхъ грамотъ, каковыя также не отличаются особенной точностью" (?..). О. С.

1876 г. было 5,977 дымовъ хизанъ, что составляло 36% общаго числа временно-обязанныхъ. Изъ нихъ 3,196 дымовъ принадлежало къ бывшимъ крѣпостнымъ, освобожденнымъ (очевидно, безъ земли) изъ крѣпостной зависимости, а 1,468 дымовъ сдѣлались хизанами уже послѣ крѣпостной реформы. Въ Кутаисской губерніи въ 1876 г. было 2,532 дыма хизанъ или 6% всѣхъ временно-обязанныхъ. Въ томъ числѣ къ освобожденнымъ отъ крѣпостной зависимости принадлежало 2,184 дыма, а 1,025 превратились въ хизанъ уже послѣ реформы. Цифры эти едва ли страдаютъ неточностью въ смыслѣ преувеличенія. Наоборотъ, по крайней мѣрѣ для Тифлисской губерніи: въ 1884 г. здѣсь числилось уже не 5,977 а 6,774 дыма; въ 1890 же году только въ одномъ Горійскомъ уѣздѣ было 7,148 дымовъ хизанъ. Очевидно, помѣщики широко воспользовались предоставленнымъ имъ ст. 8 положенія правомъ" (т. е. правомъ обезземеливать своихъ крестьянъ).

Объ упомянутыхъ 3,196 хизанъ слѣдуетъ сказать, что хотя они и не получили при реформѣ земли отъ *своихъ* помѣщиковъ, но за то они имѣли ее отъ чужихъ въ большемъ количествѣ (?) и на лучшихъ условіяхъ, чѣмъ прочимъ крестьянамъ достались надѣлы отъ своихъ помѣщиковъ. Что же касается остальныхъ хизанъ, образовавшихся въ Тифлисской губерніи *послѣ* реформы, какъ до 1876 г., такъ и затѣмъ до времени изданія положенія о хизанахъ 3 Іюня 1891 г., то, въ виду несомнѣнно установленнаго враждебнаго настроенія помѣщиковъ противъ хизанства, ставшаго для нихъ совершенно невыгоднымъ послѣ означенной реформы и выразившагося въ массовомъ выселеніи хизанъ изъ ихъ имѣній, этотъ ростъ хизанъ можно объяснить лишь тѣмъ, что кромѣ естественной прибыли въ данномъ случаѣ, въ число хизанъ, какъ это и объясняютъ дворяне, переходили противъ воли помѣщиковъ *всѣ арендаторы* которые не имѣли срочныхъ договоровъ, облеченныхъ въ законную форму, или даже и имѣли эти договоры, но не возобновили ихъ по истеченіи срока, съ тѣмъ, чтобы изъ арендаторовъ превратиться въ хизанъ, и въ этомъ они совершенно успѣли, такъ какъ по разъясненіямъ Сената, они и были впослѣдствіи, вопреки настояніямъ помѣщиковъ, перечислены въ хизане.

Остается еще коснуться указанія записки 34 членовъ Гос. Думы на то, что, вопреки мѣстнымъ обычаямъ, земельная повинность въ имѣніяхъ помѣщичьихъ назначена была закономъ въ [1] ;

долю урожая, вмѣсто существующей въ то время $^1/_{10}$ доли. Въ этомъ отношеніи Намѣстникъ считаетъ долгомъ сказать, что онъ, возбуждая въ 1905 г. вопросъ о прекращеніи обязательныхъ отношеній, указывалъ на отрицательное значеніе этой мѣры; но во всякомъ случаѣ онъ обязывается напомнить, что эти высокія повинности были *послѣдствіемъ слишкомъ высокаго требованія дворянства*, заявившаго въ этомъ отношеніи претензію на половину урожая, и что Правительство, какъ выше изложено, не могло, въ силу мѣстныхъ условій, не считаться съ этимъ требованіемъ; но то, что отъ него зависѣло, оно все же сдѣлало въ данномъ случаѣ, а именно, оно понизило требованіе дворянъ на половину. При этомъ графъ Воронцовъ-Дашковъ считаетъ долгомъ вмѣстѣ съ тѣмъ обратить вниманіе и на то, что во всякомъ случаѣ эта повинность, *сама по себѣ*, не могла быть признана чрезмѣрной, если имѣть въ виду, что въ настоящее время даже на сѣверѣ Россіи, гдѣ земли чрезвычайно скудны, имѣетъ мѣсто аренда земли „изъ-полу“, т. е. изъ половинной доли урожая. Очевидно, что если такое соотношеніе въ участіи въ земельномъ доходѣ признается правильнымъ между собственникомъ и арендаторомъ, то, даже при удовлетвореніи полностью означеннаго требованія дворянства, *несправедливо* было бы говорить о томъ, будто бы этой мѣрой созданы были въ лицѣ крестьянъ только даровые работники на помѣщиковъ, такъ какъ очевидно, что если бы это было такъ, то арендныя сдѣлки не заключались бы добровольно (!) на такихъ условіяхъ. Тѣмъ менѣе можно что-либо подобное говорить, когда $^3/_4$ доли урожая слѣдуютъ лицу, пользующемуся землей, а лишь $^1/_4$ доли собственнику ея. Такимъ образомъ, все, что въ данномъ случаѣ можетъ быть поставлено въ нѣкоторый упрекъ власти, — это лишь то, что она не достигла наиболѣе выгодныхъ условій для крестьянъ Закавказскаго края, и что въ этомъ отношеніи послѣдніе были поставлены реформой 1860-хъ годовъ менѣе благопріятно, чѣмъ крестьяне внутреннихъ губерній Имперіи. Такое положеніе, быть можетъ, обязываетъ до нѣкоторой степени учесть эти условія при обязательномъ выкупѣ. Но ни въ какомъ случаѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи экспропріировать отъ помѣщиковъ даромъ земли въ виду только того, что они получали въ качествѣ платы отъ нихъ $^1/_4$ долю урожая, т. е., получали не только не болѣе, а даже менѣе, чѣмъ это дѣлается въ другихъ мѣстахъ при арендѣ.

Если изъ вышеизложеннаго необходимо придти къ заключенію, что въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ реформа 1860-хъ годовъ не отчудила отъ крестьянъ ни одной доли земли; что, напротивъ, при этой реформѣ были надѣлены *крестьяне* помѣщичьей землей и при томъ въ общемъ въ такомъ размѣрѣ, который по мѣстнымъ условіямъ давалъ возможность безбѣднаго существованія крестьянамъ, и что повинности, назначенныя закономъ 1860-хъ годовъ, во всякомъ случаѣ не были чрезмѣрны, то говорить *о какихъ либо отрицательныхъ сторонахъ той же реформы* въ восточномъ Закавказьѣ совершенно уже неправильно. Здѣсь надѣлъ былъ установленъ закономъ въ 5 дес. на душу мужского пола, т. е. въ такомъ размѣрѣ, который былъ бы достаточенъ не только внутри Имперіи, но и даже на ея сѣверѣ, а въ Закавказскомъ краѣ долженъ быть признанъ положительно богатымъ. Однако и въ этомъ случаѣ записка 34 членовъ Государственной Думы указываетъ, что законъ не былъ исполненъ въ восточномъ Закавказьѣ, и что будто бы и въ губерніяхъ Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской владѣльцы отрѣзали въ свою пользу такое огромное количество земли, что вмѣсто того, чтобы оставить за собой только $^1/_3$ часть имѣній, а $^2/_3$ предоставить поселянамъ, они на самомъ дѣлѣ оставили за собой земли гораздо больше, чѣмъ за населеніемъ, такъ что вмѣсто 5 дес. на душу, фактически надѣлъ получился лишь въ $2{,}_3$ дес. Все это подтверждается также цифровыми данными, какъ и въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ, причемъ нужно сказать, что всѣ эти данныя также взяты изъ уставныхъ грамотъ и потому также должны быть разсматриваемы, какъ данныя, показанныя по крайней мѣрѣ вдвое ниже противъ дѣйствительности. При разсмотрѣніи этихъ данныхъ оказывается, что въ Елисаветпольской губерніи 47,555 дымамъ предоставлено не 124,314, а 317,234 дес., причемъ уже надѣлъ на дымъ, при этихъ данныхъ, оказывается равнымъ $6{,}_6$ дес., а на душу $2{,}_7$ дес. Если имѣть въ виду, что количество населенія въ этихъ „Матеріалахъ“ опредѣлено по переписи 1897 г., что, слѣдовательно, къ моменту составленія грамотъ оно должно быть приблизительно вдвое меньше, а надѣлъ *вдвое* больше, т. е. не $2{,}_5$ дес., а *пять десятинъ*,—то и окажется, что законъ о нормѣ надѣла въ 5 дес. исполненъ былъ тамъ въ точности, причемъ указаніе записки о значительномъ количествѣ оставшихся земель за владѣльцами никакого

значенія не имѣетъ, такъ какъ поселянамъ предоставлено требовать дорѣзки только въ томъ случаѣ, если существующее пользованіе ихъ не достигало этого количества, а у владѣльца было болѣе $^1/_3$ имѣнія. Затѣмъ въ Бакинской губерніи, по запискѣ 34 членовъ Государственной Думы, исчисленъ надѣлъ на 11,364 дыма (состоящихъ, какъ видно изъ „Матеріаловъ“ Сосновскаго, изъ 40,748 душъ) въ 110,315 дес., что составляло на дымъ для 1897 г. (время переписи) $9_{,7}$, а на душу $2_{,7}$ дес. и что, для періода введенія поселянскаго положенія, должно было составлять *вдвое* больше, т. е. на душу не менѣе $5_{,4}$ дес. Если имѣть въ виду, что въ уставныхъ грамотахъ количество отведенной земли, несомнѣнно, указано меньше, чѣмъ было въ дѣйствительности, и что въ настоящее время, по даннымъ обложенія, оно опредѣляется не въ 110.315 дес., а въ 132. 186 дес., то и въ отношеніи этой губерніи предположеніе объ урѣзкѣ поселянскаго пользованія, при составленіи уставныхъ грамотъ, должно быть признано также ошибочнымъ, какъ и по Елисаветпольской. Менѣе благопріятны лишь данныя для Эриванской губерніи: какъ видно изъ приведенныхъ въ запискѣ данныхъ, при сопоставленіи ихъ съ первоисточникомъ, тамъ на 11.699 дымовъ, состоящихъ изъ 52.855 душъ, отведено земли было, по исчисленію уставныхъ грамотъ, только 98.264 дес., т. е. всего по $1_{,8}$ дес. на душу по переписи 1897 г. или же по $3_{,6}$ дес. для времени реформы; но въ этомъ случаѣ записка 34 членовъ Государственной Думы сама устанавливаетъ, что здѣсь за владѣльцами оставлена была только $^1/_3$ всей земли, и что, слѣдовательно, законъ не былъ нарушенъ. Къ этому указанію слѣдуетъ присоединить, что по даннымъ обложенія у означенныхъ поселянъ числится въ настоящее время надѣльной земли не 98,264, какъ это значилось въ уставныхъ грамотахъ, а 137.199 дес., что уже даетъ, при 52.855 душъ, средній надѣлъ на каждую душу въ $2_{,6}$ дес., а ко времени реформы въ $5_{,2}$ дес. (¹) (т. е. даже больше, чѣмъ требовалось Положеніемъ! О. С.).

Этотъ обзоръ данныхъ о земельномъ обезпеченіи поселянъ по грамотамъ устраняетъ обвиненіе записки въ томъ, будто бы поселяне были обдѣлены при этомъ землей. Но въ запискѣ имѣется еще другое обвиненіе, будто бы огромное количество поселянъ въ Восточномъ Закавказьѣ вовсе не получило никакого надѣла. Это указаніе записки, во-первыхъ, основано на томъ ошибочномъ предположеніи авторовъ записки, что періодъ составленія уставныхъ

грамотъ былъ ограниченъ опредѣленнымъ срокомъ. Исходя изъ этого предположенія и имѣя въ виду, что изъ 47,555 дымовъ въ Елисаветпольской губерніи составлены, по даннымъ „Матеріаловъ" Сосновскаго, грамоты только на 24,816 дымовъ, авторы записки заключили, что такимъ образомъ „22,739 дымовъ и до настоящаго времени состоятъ въ счастливомъ положеніи безсрочныхъ арендаторовъ, живущихъ на владѣльческихъ земляхъ по добровольному соглашенію (стр. 9 записки)". Но нужно сказать, что указаніе объ огромномъ количествѣ уставныхъ грамотъ, будто бы не составленныхъ въ Елисаветпольской губерніи, повидимому, является какимъ то недоразумѣніемъ, въ которое впалъ составитель цитированныхъ „Матеріаловъ". Въ 1903 г., при разсмотрѣніи дѣла о выкупѣ въ совѣтѣ бывшаго Главноначальствующаго, было офиціально заявлено, что въ губерніи не составлены уставныя грамоты только по 50 селеніямъ, въ виду споровъ о поселянской землѣ между казной и владѣльцами, не разрѣшенныхъ еще Правительствующимъ Сенатомъ.

Что касается объясненія записки, что второю причиною превращенія сотенъ тысячъ обезпеченныхъ землей поселянъ въ безземельныхъ являлось указаніе положенія 14 Мая 1870 г. на то, что оно не распространяется на поселянъ, живущихъ на земляхъ владѣльцевъ по добровольнымъ съ ними условіямъ, и что эти поселяне остаются въ тѣхъ же отношеніяхъ къ владѣльцамъ, которыя опредѣлены означенными условіями, то по этому предмету слѣдуетъ сказать, что, стоя на строго юридической почвѣ, *законодатель и не вправѣ былъ постановить иного правила, такъ какъ распространеніе и на этихъ людей поселянскаго положенія означало бы*, съ одной стороны, что свободные поселяне превращаются въ зависимыхъ, а съ другой, владѣльцы обязываются отводить землю посторонним въ отношеніи ихъ людямъ. Разумѣется, также вѣрно и то, что актъ нераспространенія положенія на этихъ поселянъ долженъ былъ поставить ихъ земельное обезпеченіе въ неустойчивое положеніе срочнаго арендатора. Практически, однако, такого послѣдствія отъ означеннаго закона не получилось. Встрѣтилъ ли этотъ законъ препятствіе къ своему осуществленію дѣйствительно въ массѣ поселянъ этого рода, или же по другимъ какимъ либо причинамъ, но этотъ законъ былъ осуществленъ въ томъ смыслѣ, что всѣ поселяне этого рода остались навсегда въ имѣніяхъ

на тѣхъ именно условіяхъ, на какихъ они состояли во время изданія положенія 1870 г. Въ Бакинской губерніи на этихъ поселянъ въ такомъ смыслѣ даже составлены уставныя грамоты. Что дѣйствительно поселяне этого рода не перешли въ разрядъ срочныхъ безземельныхъ арендаторовъ, это видно и изъ статистическихъ „Матеріаловъ“ Сосновскаго.

Итакъ, говорить о томъ, что реформа 1870-хъ годовъ дала въ восточномъ Закавказьѣ массу малоземельныхъ и безземельныхъ поселянъ, значитъ не считаться съ дѣйствительностью: безпристрастное отношеніе къ фактамъ должно, напротивъ, привести къ тому заключенію, что означенная реформа дала поселянамъ въ восточномъ Закавказьѣ достаточное обезпеченіе, вовсе не создавъ тамъ безземельныхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ положеніе 14 Мая 1870 г. понизило въ значительной степени и повинности поселянъ на землю. Такъ, по положенію 1847 г., дѣйствовавшему въ предѣлахъ современной Бакинской губерніи (прежнія Шемахинская и Дагестанская губерніи), наименьшая натуральная повинность земными произведеніями съ полевыхъ угодій установлена была въ $^1/_{10}$ долю урожая, а наивысшая, въ случаѣ содѣйствія владѣльца къ обработкѣ земли, въ $^1/_5$ часть урожая, причемъ за сады, огороды, чалтычные (рисовые) посѣвы и шелковичныя заведенія эту повинность „дозволялось землевладѣльцу взимать *по одной трети* урожая, но *не выше*“ (положеніе 20 Апрѣля 1847 г. ст. 7), положеніемъ же 14 Мая 1870 г. сохранена, въ качествѣ повинности, только $^1/_{10}$ доля урожая съ угодій всякаго рода. По этому же положенію, съ каждыхъ десяти дымовъ полагалась владѣльцу одна прислуга мужскаго пола, мѣнявшаяся черезъ годъ. Это право владѣльца также было отмѣнено положеніемъ 14 Мая 1870 г. Кромѣ того по тому же положенію 20 Апрѣля 1847 г. каждое семейство выставляло, по требованію владѣльца, одного работника ему на полевыя и другія работы со скотомъ и сельскими орудіями на восемьнадцать дней въ году; а все общество обязано было работать на землевладѣльца два дня мірскою сходкою въ теченіе года. Всѣ эти обязанности, по положенію 14 Мая 1870 г., были замѣнены 30 копѣечнымъ годовымъ денежнымъ взносомъ съ каждой удобной десятины земли, отведенной поселянамъ въ надѣлъ. Льготность этого новаго порядка, по сравненію съ прежнимъ, настолько велика, что едва ли требуетъ

какихъ либо поясненій. Положеніемъ же 20 Апрѣля 1847 г. установлена была и особая плата за пастьбища (существовавшая подъ названіемъ чопбаши). Эта плата, съ введеніемъ положенія 14 Мая 1870 г., также отмѣнена. Послѣднимъ положеніямъ, независимо отъ этого, отмѣнялись всякаго рода подарки, въ видѣ приношеній со стороны поселянъ масломъ, сыромъ, скотомъ, птицей, и т. д. Наконецъ, уничтожалась съ введеніемъ новаго положенія и всякая личная зависимость поселянъ отъ владѣльцевъ, присвоенная имъ положеніемъ 1847 г. въ предѣлахъ функціи полицейскихъ органовъ того времени. Совершенно такія же измѣненія съ введеніемъ закона 14 Мая 1870 г. послѣдовали въ поземельномъ бытѣ поселянъ и правовомъ ихъ положеніи въ губерніи Елисаветпольской, гдѣ дѣйствовало положеніе 28 Декабря 1847 г. Что же касается Эриванской губерніи, то здѣсь разница, при введеніи въ дѣйствіе положенія 14 Мая 1870 г., состояла въ томъ, что, по бекскимъ имѣніямъ сохранена была натуральная земельная повинность въ $^4/_{30}$ частей урожая, установленная положеніемъ 8 Іюня 1851 г. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи экономическое устройство поселянъ Эриванской губерніи было поставлено въ нѣсколько худшія условія, чѣмъ въ остальныхъ двухъ губерніяхъ восточнаго Закавказья, но за то въ этихъ имѣніяхъ не было установлено подесятинной денежной платы, а съ садовъ и огородовъ введена была не натуральная повинность въ ту или другую долю урожая (т. е въ $^1/_{10}$ долю урожая = $^3/_{30}$), какъ это было установлено въ означенныхъ двухъ губерніяхъ, или же въ $^4/_{30}$, какъ было установлено въ Эриванской губерніи по полевымъ угодьямъ), что составляло бы съ садовъ и огородовъ очень дорогую повинность, а былъ установленъ денежный оброкъ съ пространства въ 360 кв. саж. садовъ въ размѣрѣ 1 р. 20 к. въ годъ, а съ огородовъ (бостановъ) въ 80 к. Эти особенности до нѣкоторой степени уравнивали положеніе поселянъ Эриванской губерніи съ поселянами остальныхъ двухъ.

Если принять во вниманіе всѣ эти данныя о реформѣ въ восточномъ Закавказьѣ, послѣдовавшей въ 1870 году на основаніяхъ крестьянскихъ законоположеній, то, разумѣется, говорить о томъ, чтобы сущность этой реформы сводилась къ экспропріаціи народнаго фонда въ пользу владѣльцевъ и къ подчиненію поселянъ на экономической почвѣ послѣднимъ, значило бы совершенно не считаться

съ дѣйствительными фактами *), — которые безусловно свидѣтельствуютъ, что кромѣ благихъ послѣдствій отъ этой реформы, никакихъ иныхъ для поселянъ не могло быть; они получили владѣльческія земли въ достаточномъ количествѣ и на выгодныхъ условіяхъ для себя, съ несомнѣннымъ при томъ ущербомъ для помѣщиковъ.

Приведя вышеизложенныя объясненія относительно раскрѣпощенія крестьянъ и поселянъ во всемъ Закавказскомъ краѣ на основаніяхъ положенія 19-го февраля 1861 года, Намѣстникъ не можетъ не выразить, что вся эта реформа, несомнѣнно, осуществлена была на пользу крестьянъ и поселянъ, причемъ съ другой стороны она въ такой же степени представляла ограниченіе для помѣщиковъ и владѣльцевъ.

*) Сравн. стр. 38, 39 и 41 Журнала Совѣта Главноначальствующаго на Кавказѣ отъ 15—25 іюля 1904 г., гдѣ говорится слѣдующее: „Обращаясь къ губерніямъ Эриванской, Елисаветпольской, Бакинской и къ той части Тифлисской, которая устроена на основаніи поселянскихъ Положеній, Совѣтъ Главноначальствующаго остановился на томъ, что по дѣйствующему закону (Полож. крест. влад., изд. 1902 г., ст. 646), при выкупѣ поселянами своего надѣла, по ихъ требованію, владѣлецъ въ правѣ удержать въ своемъ непосредственномъ распоряженіи одну треть всей совокупности удобныхъ земель, если за таковымъ удержаніемъ причтется на каждый поселянскій дымъ не менѣе семи съ половиной десятинъ; во всякомъ же случаѣ, владѣлецъ можетъ оставить за собой до тридцати десятинъ удобной земли, какъ усадебной, такъ и полевой, либо въ одномъ изъ принадлежащихъ ему имѣній въ уѣздѣ, по его избранію, либо же въ совокупности всѣхъ его имѣній въ уѣздѣ".

Это право владѣльцевъ, какъ видно изъ журнала бывшаго Кавказскаго Комитета по устройству крестьянъ, создано было, при изданіи Положенія 14 мая 1870 года, по теоретическимъ предположеніямъ, не соображеннымъ съ историческими основаніями, на которыхъ сложился институтъ землевладѣнія въ этихъ частяхъ края: именно, въ журналѣ означеннаго Комитета по аналогичному проектированному праву владѣльцевъ требовать отрѣзки отъ поселянъ *при надѣленіи* ихъ землею, если въ ихъ пользованіи окажется болѣе 5 десятинъ на душу, выражено было слѣдующее: „Даруемое землевладѣльцамъ право требовать отрѣзки отъ крестьянскаго надѣла, превышающаго установленный 5-десятинный надѣлъ на душу, если въ ихъ непосредственномъ пользованіи остается менѣе 1/3 всѣхъ удобныхъ земель при имѣніи,—оправдывается принятымъ во всѣхъ крестьянскихъ законоположеніяхъ, не исключая и изданнаго въ 1868 году Положенія о царанахъ, водворенныхъ на владѣльческихъ земляхъ въ Бессарабской области, началомъ, въ силу котораго владѣльцу сохранено право оставить въ своемъ непосредственномъ распоряженіи 1/3 всей совокупности удобныхъ въ имѣніи земель. Если это право могло быть даровано безусловно въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, въ которыхъ земля отводилась въ надѣлъ крестьянамъ,

ГЛАВА IX.

Какъ было сказано въ введеніи, „Заключенія“ Намѣстника не остались безъ возраженія со стороны авторовъ законопроекта о ликвидаціи обязательныхъ отношеній. Въ этомъ возраженіи 34 члена Гос. Думы пишутъ:

„Въ своихъ „Заключеніяхъ“ къ проекту о ликвидаціи обязательныхъ отношеній въ Закавказьѣ Намѣстникъ пытается опровергнуть основные мотивы проекта, сводящіеся къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Всѣ мѣропріятія и заявленія правительства по крестьянскому вопросу въ Закавказьѣ, относящіяся къ дореформенному времени, служатъ доказательствомъ, что такъ называемая освободительная реформа на Кавказѣ *ничего общаго не имѣла* съ обѣщаннымъ крестьянамъ и узаконеннымъ въ Манифестѣ и Поло-

---

то оно, по мнѣнію Комитета, въ имѣніяхъ, принадлежащихъ лицамъ высшаго сословія въ мусульманскихъ частяхъ края, въ которыхъ крестьяне пользуются издавна надѣломъ, должно быть ограничено сохраненіемъ за крестьянами того размѣра надѣла, на который имъ присвоено право еще въ 1847 году“ (т.-е., первымъ Положеніемъ, изданнымъ въ развитіе Высочайшаго рескрипта 6 декабря 1846 года).

Анализируя это указаніе бывшаго Закавказскаго Комитета, Совѣтъ находитъ, что Комитетъ, проектируя *даровать* право владѣльцамъ на непосредственное, независимое отъ поселянъ, распоряженіе третьею частью имѣній, съ отрѣзкой этой доли, при извѣстныхъ условіяхъ, отъ земель, состоявшихъ въ пользованіи поселянъ, хотя и ссылался на аналогичныя крестьянскія законоположенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ же указаніи Комитетъ не могъ не признать, что полной аналогіи между положеніемъ помѣщиковъ и этихъ владѣльцевъ не имѣется. По мнѣнію же Совѣта, на самомъ дѣлѣ между положеніемъ помѣщика и сихъ владѣльцевъ не только не было аналогіи въ семъ случаѣ, но и, напротивъ, положеніе ихъ было противоположно: въ то время, какъ помѣщики, будучи въ крѣпостное время полными собственниками какъ земли, такъ и самихъ крестьянъ,—лишались, съ момента уничтоженія крѣпостной зависимости, не только права собственности на крестьянъ, но и обязывались имъ отвести изъ собственной земли въ надѣлъ не менѣе $^2/_3$ своего имѣнія, т. е. въ то время, какъ въ этомъ случаѣ вопросъ шелъ не о предоставленіи помѣщикамъ права на $^1/_3$ часть имѣнія, а объ обязанности ихъ отказаться отъ права непосредственнаго распоряженія двумя третями своего имѣнія, здѣсь же вопросъ шелъ объ обратномъ — о правѣ на изъятіе одной трети удобныхъ земель въ непосредственное распоряженіе владѣльцевъ изъ угодій, состоящихъ въ издавнемъ, законномъ пользованіи поселянъ“ (!). „Такимъ образомъ, тогда какъ всюду помѣщики, въ силу крестьянскихъ законоположеній 19 февраля 1861 года, имущественно ограничивались въ пользу бывшихъ своихъ крестьянъ, здѣсь же, наоборотъ,

женіи 19 февраля 1861 г. юридическимъ и экономическимъ освобожденіемъ крестьянъ отъ помѣщичьей кабалы, ибо

2) эта крѣпостная реформа сопровождалась въ восточномъ Закавказьѣ массовой, а въ западномъ (Грузіи) частичной *экспропріаціей* народнаго земельнаго фонда въ пользу землевладѣльцевъ и

3) *обезземеленіемъ* тысячъ крестьянъ.

4) Вмѣстѣ съ тѣмъ эта реформа въ западномъ Закавказьѣ (Грузіи) *удвоила* или утроила повинности (т.-е. экономическую кабалу) крестьянъ и

5) *оставила*, несмотря на уплаченныя помѣщикамъ выкупныя деньги за *души* крестьянъ (отъ 25 до 50 руб.), почти неприкосновенной *личную* или вѣрнѣе юридическую *зависимость* крестьянъ отъ помѣщиковъ, надѣливъ послѣднихъ всевозможными правами внѣэкономическаго принужденія обязанныхъ крестьянъ тянуть свою подневольную кабальную лямку.

вопреки этимъ крестьянскимъ законоположеніямъ, поселяне въ 1870 году ограничивались въ пользу владѣльцевъ, противъ тѣхъ правъ, кои они всегда имѣли. Слѣдовательно, единственное предположеніе Комитета, по коему предоставлено было владѣльцамъ 14 мая 1870 года право на отрѣзку земли отъ поселянъ, т.-е. предположеніе Комитета, что это дѣлается въ согласованіе съ другими крестьянскими положеніями,—должно быть признано ошибочнымъ.

Независимо этого, Совѣтъ находитъ, что эта отрѣзка земли отъ поселянъ совершенно не соотвѣтствуетъ и объему сложившихся исторически правъ владѣльцевъ на землю, какъ за время періода турецкаго и персидскаго владычества въ этихъ мусульманскихъ провинціяхъ, такъ и за время присоединенія этихъ провинцій къ Россійской имперіи. При турецкомъ и персидскомъ владычествѣ, какъ уже указалъ Предсѣдатель Совѣта (въ засѣданіяхъ со свѣдущими людьми по этому дѣлу), — беки, агалары, мелики и другія привилегированныя лица были правительственными чиновниками, управлявшими мѣстнымъ населеніемъ, но *не были землевладѣльцами*. Земли тогда принадлежали въ собственность государству, а обрабатывались поселянами, которые въ качествѣ оброка за землю вносили въ казну 1/3 урожая. Часть (1/4 или 1/3 урожая) этого оброка съ нѣкоторыхъ имѣній государство предоставляло лицамъ высшаго сословія въ качествѣ *жалованья* за управленіе населеніемъ. Такимъ образомъ, у этихъ лицъ въ то время не было не только права собственности на землю, но и права непосредственной эксплоатаціи ея даже тогда, когда эта земля была свободна: они должны были ограничиваться только извѣстнымъ доходомъ съ тѣхъ пространствъ имѣнія, которыя разрабатывались поселянами. Затѣмъ, съ присоединеніемъ этихъ провинцій къ Россійской Имперіи, эти мѣстныя привилегированныя лица постепенно замѣнялись, въ составѣ управленія, правительственными чинами и параллельно ликвидировались ихъ права на повинности частью путемъ отобранія имѣній, частью

6) Затѣмъ, поставивъ, вопреки Положенію 1861 г., выкупъ крестьянскихъ надѣловъ въ зависимость отъ согласія помѣщика и, вообще, рядомъ мѣръ затруднивъ этотъ выкупъ, *увѣковѣчила кабальную* зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ.

7) Результатомъ такихъ *явно беззаконныхъ мѣръ* было *полное разореніе* обязанныхъ крестьянъ, приведшее въ концѣ концовъ къ крестьянской *революціи*.

8) *Немедленно* ликвидировать безъ всякаго вознагражденія помѣщиковъ обязательныя отношенія, сохранившіяся до сихъ поръ, какъ по винѣ тѣхъ же помѣщиковъ, уже получившихъ отъ крестьянъ удесятеренную стоимость надѣловъ, такъ и по винѣ правительства, 50 лѣтъ поддерживавшаго описанную противозаконную и противонародную политику въ крестьянскомъ вопросѣ на Кавказѣ.

Что же возражаетъ, какъ опровергаетъ эти положенія законопроекта гр. Воронцовъ-Дашковъ.

1) По первому пункту Намѣстникъ полагаетъ (стр. 6 его „Заключеній"), что „всѣ распоряженія правительства, совершенныя

путемъ замѣны повинностей пожизненными пенсіями. Эта мѣра завершилась, въ отношеніи агаларовъ, Высочайшимъ повелѣніемъ 1841 года, по которому имѣнія отъ агаларовъ отбирались въ казну, а имъ назначалась пожизненная пенсія; въ то время въ этомъ же смыслѣ разработанъ былъ проектъ относительно бекскихъ имѣній. Хотя затѣмъ, въ видѣ особой Высочайшей милости и Монаршаго благоволенія къ бекамъ, агаларамъ и т. д., Высочайшимъ рескриптомъ 6 декабря 1846 года были возвращены имъ имѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ же рескриптомъ на владѣльцевъ возлагалась обязанность устроить поселянъ, проживающихъ на этихъ земляхъ, на основаніи особыхъ Положеній, которыя должны были быть изданы въ развитіе сего рескрипта; причемъ въ рескриптѣ о правѣ непосредственнаго пользованія владѣльцевъ землей не упоминалось. Такимъ образомъ, въ сущности, рескриптъ 6 декабря 1846 года *возвратилъ* владѣльцамъ имѣнія на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ они владѣли ими и прежде, т.-е., предоставилъ имъ право получать повинности съ поселянъ, проживающихъ на этихъ земляхъ.

Поэтому и принимая во вниманіе, что въ изданныхъ затѣмъ до 1870 года Положеніяхъ о поселянахъ въ развитіе рескрипта 6 декабря 1846 года трактовалось о правахъ на надѣлъ поселянъ въ этихъ имѣніяхъ и о ихъ повинностяхъ, причемъ этимъ Положеніямъ также была чужда задача оставленія земель за владѣльцами, нельзя не признать, по мнѣнію Совѣта, что явившаяся впервые въ Положеніи 14 мая 1870 года статья о правѣ владѣльцевъ на отчужденіе земли отъ поселянъ, при извѣстныхъ условіяхъ, одной трети имѣнія и во всякомъ случаѣ 30 десятинъ, не согласовалась съ объемомъ законныхъ правъ владѣльцевъ и несправедливо ограничила законныя права поселянъ. (А г. Намѣстникъ утверждаетъ, что у поселянъ не было экспропріировано ни пяди земли!.. О. С.).

до начала освободительной крестьянской реформы на Кавказѣ, *не имѣли никакого отношенія* къ этой послѣдней, и посему характеризовать ее указаніемъ на дореформенныя распоряженія значитъ грѣшить противъ правильной исторической перспективы".

Такъ-ли это? Посмотримъ.

Намѣстникъ признаетъ, что всѣ дореформенныя распоряженія правительства по крестьянскому вопросу въ Закавказьѣ соотвѣтствовали духу того времени, времени господства крѣпостного права. Совершенно вѣрно. Напримѣръ, указъ 6 декабря 1846 г. и основанный на немъ крѣпостной регламентъ кн. Воронцова (т.-е. Положенія о поселянахъ 1847 г. и 1851 г.) являлся ничѣмъ инымъ, какъ распространеніемъ на мусульманскихъ бековъ и хановъ восточнаго Закавказья вотчинныхъ правъ, раньше у нихъ отсутствовавшихъ, но уже „присвоенныхъ благородному дворянству Россійскому".

Съ точки зрѣнія 40-хъ годовъ XIX вѣка этотъ регламентъ ничего вопіющаго изъ себя не представляетъ. Но дѣло то не въ этомъ, а въ томъ, что этотъ *крѣпостной* регламентъ, санкціонировавшій закабаленіе мусульманскихъ поселянъ помѣщикамъ, *дѣйствуетъ* и *понынѣ* въ восточномъ Закавказьѣ, будучи послѣ нѣкоторыхъ несущественныхъ сокращеній и измѣненій названъ „Поселянскимъ Положеніемъ" 1870 и 1877 годовъ.

Вслѣдствіе вышеизложеннаго и принимая во вниманіе, что владѣльцамъ мусульманскихъ провинцій въ 1870 году предоставлено было право на отрѣзку земли, при надѣлѣ и выкупѣ, по явно ошибочному соображенію: что такое право не только не соотвѣтствовало исторически сложившемуся къ 1870 году объему землевладѣльческихъ правъ въ этихъ частяхъ края, но и не согласовалось съ Высочайшимъ рескриптомъ 6 декабря 1846 года, и, независимо сего, нарушало исконныя, освященныя закономъ, земельныя права поселянъ; что затѣмъ отрѣзка земли, въ объемѣ трети имѣнія, фактически неосуществима, а отрѣзка, въ размѣрѣ 30 десятинъ земли, вредна и что, наконецъ, по закону 1881 года объ обязательномъ выкупѣ во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи, а равно и по закону 1868 года о выкупѣ надѣльныхъ земель царанъ, обязательному выкупу подлежали всѣ земли, состоявшія въ пользованіи крестьянъ, хотя раньше имъ, какъ и здѣшнимъ владѣльцамъ, предоставлено было право на отрѣзку земли, — Совѣтъ полагаетъ установить правиломъ, что при обязательномъ выкупѣ поселянами земель во владѣльческихъ имѣніяхъ Эриванской, Бакинской и Елисаветпольской губерній, а равно и въ той части Тифлисской, которая подчинена Положеніямъ 14 мая 1870 года и 3 сентября 1877 года, выкупу подлежатъ всѣ земли, состоящія въ надѣльномъ пользованіи поселянъ и при этомъ никакихъ отрѣзокъ въ пользу владѣльцевъ не допускается". О. С.

Представляя изъ себя явный продуктъ *крѣпостническихъ временъ*, онъ тѣмъ не менѣе именуется уже не крѣпостнымъ, а *освободительнымъ* регламентомъ; конечно, именуется всуе. Ибо, какъ свидѣтельствуетъ самъ Намѣстникъ, этотъ крѣпостной регламентъ вполнѣ соотвѣтствуетъ духу дореформеннаго крѣпостного строя и, дѣйствуя и понынѣ, только подтверждаетъ мнѣніе, что въ восточномъ Закавказьѣ освободительной реформы, обѣщанной Манифестомъ 19 февраля, не было, а было произведено нѣкоторое измѣненіе въ названіи и редакціи *крѣпостного* регламента 1847 и 1851 г.г., изданнаго въ развитіе указа 6 декабря 1846 г.

Фактъ этотъ всѣмъ извѣстенъ и можетъ быть легко установленъ путемъ сравненія Положеній 1847—1851 г.г. и Положеній 1870—1877 г.г. (см. сборникъ узаконеній и распоряженій правительства объ устройствѣ сельскаго состоянія, составилъ Горемыкинъ, т. 1) и, кромѣ того, устанавливается самимъ Намѣстникомъ на стр. 31 и 32 его „Заключеній“. И обойти этотъ фактъ ни одинъ историкъ крѣпостной реформы въ Закавказьѣ не можетъ, не грѣша противъ исторической правды, а не наоборотъ, какъ полагаетъ Намѣстникъ *).—

Такъ называемое „освобожденіе“ крестьянъ въ западномъ Закавказьѣ (по Положеніямъ 1864—1865 г.г.) оставляетъ далеко позади себя даже *крѣпостной* регламентъ 1847 г., такъ какъ по этимъ Положеніямъ (1864—1865 г.г.) *надѣлы* крестьянъ Грузіи въ два слишкомъ раза меньше, а *повинности* въ два съ половиной раза больше, чѣмъ устанавливаются означеннымъ крѣпостнымъ регламентомъ для восточнаго Закавказья и пр., и значитъ, если нельзя говорить о какой-то „освободительной“ реформѣ тамъ, гдѣ, какъ въ восточномъ Закавказьѣ, дѣйствуетъ измѣненный *крѣпостной* регламентъ 1847 г., то тѣмъ менѣе можно говорить о такой реформѣ тамъ, гдѣ дѣйствуютъ Положенія 1864—1865 г.г., еще болѣе обездоливающія крестьянъ, узаконяющія еще большій произволъ помѣщиковъ въ дѣлѣ распоряженія судьбой крестьянъ.

*) Кромѣ того нужно имѣть въ виду, что указъ 1846 года рѣзко нарушалъ требованіе указа 1801 года Александра I о томъ, чтобы впредь населенныя имѣнія не раздавались въ крѣпость, такъ что никакъ нельзя сказать, что указъ 1846 года ничего вопіющаго не представлялъ даже для начала XIX в. (О. С.

чѣмъ этотъ пресловутый регламентъ 1847—1851 г.г., переименованный въ Положенія 1870—1877 г.г.

Повторяемъ, неправильно было бы со стороны историка крѣпостной реформы на Кавказѣ умолчать о такихъ дореформенныхъ распоряженіяхъ правительства, которыя, какъ, напримѣръ, регламентъ 1847—1851 г.г., дѣйствуютъ еще почти въ неизмѣненномъ видѣ и до сихъ поръ и воочію убѣждаютъ, что освободительный Манифестъ и Положеніе 1861 г. *не были осуществлены* на Кавказѣ... Этотъ законъ подмѣненъ здѣсь крѣпостнымъ регламентомъ.

2) По второму пункту Намѣстникъ считаетъ „*только въ извѣстной степени вѣрнымъ*“ (стр. 4 „Заключеній“) утвержденіе: а) что „въ восточномъ Закавказьѣ крѣпостная реформа сопровождалась массовой экспропріаціей народнаго земельнаго фонда и правъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ“ и что б) „здѣсь до реформы не было крѣпостного права, а введено оно этой реформой“ и в) находитъ совершенно невѣрнымъ, якобы принадлежащее 34-мь членамъ Гос. Думы мнѣніе, будто то же самое (т.-е. массовая экспропріація) была въ западномъ Закавказьѣ (Грузіи).

Впрочемъ, въ отношеніи восточнаго Закавказья Намѣстникъ еще разъ оговаривается (стр. 6 „Заключеній“), что „при современномъ изученіи Кавказскаго края, время для оцѣнки (крѣпостническаго) указа 6 декабря 1846 г., вводившаго крѣпостное право въ восточномъ Закавказьѣ, еще *не пришло* и значеніе этой мѣры *неясно*“.

Мы не знаемъ, почему это вдругъ стало *неяснымъ* значеніе хорошо изученной мѣры, безапелляціонно признанной такими современниками, какъ министры Николая I, гр. Блудовъ и Киселевъ, явно противозаконной, противорѣчащей мѣстнымъ понятіямъ и противонародной.

Полагаемъ, что здѣсь скрыто какое то недоразумѣніе, такъ какъ, какъ ни плохо обстоитъ дѣло изученія Кавказскаго края, несомнѣнно, что указъ 6 декабря 1846 г. предоставилъ мусульманскимъ бекамъ и ханамъ и армянскимъ меликамъ и агаларамъ право *собственности на земли*, занятыя поселянами, и *вотчинныя* права надъ этими послѣдними, тогда какъ до указа 1846 г., ни беки, ни ханы, ни мелики и агалары *не имѣли* этихъ правъ. И само русское правительство до кн. Воронцова не признавало этихъ правъ. Въ этомъ можно убѣдиться не только изъ трудовъ и работъ,

напримѣръ, сенатора Гана и многочисленныхъ комиссій до и пореформеннаго времени, но, что мы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ отмѣчаемъ, въ законопроектахъ и докладахъ самого гр. Воронцова-Дашкова.

Такъ, въ своемъ законопроектѣ о ликвидаціи обязательныхъ отношеній на Кавказѣ, внесенномъ (и одобренномъ) въ Совѣтъ Министровъ 22 ноября 1905 г., за № 20348, гр. Воронцовъ-Дашковъ ясно, категорично и опредѣленно писалъ (стр. 7):

„Переходя къ зависимымъ поселянамъ восточнаго Закавказья, необходимо сказать, что тамъ *крѣпостной зависимости* крестьянскаго (поселянскаго) населенія отъ землевладѣльцевъ *не было*. Самыя *права собственности на землю были дарованы* (!) землевладѣльцамъ Высочайшимъ рескриптомъ 6 декабря 1846 г... Такое признаніе этихъ правъ на *поселянскія земли* беков и агаларовъ *собственно не вытекаетъ изъ существа владѣнія ихъ землею* и является Высочайшей *милостью*, испрошенной Намѣстникомъ кн. Воронцовымъ... и до сихъ поръ беки смотрятъ на этотъ актъ, какъ на Высочайшій подарокъ“ (стр. 8).

Что можетъ быть яснѣе приведеннаго мнѣнія самого гр. Воронцова-Дашкова? Но это мнѣніе не случайная обмолвка. Въ другомъ мѣстѣ того же самаго доклада графъ выражается еще опредѣленнѣе въ пользу нашего мнѣнія, что въ восточномъ Закавказьѣ крѣпостная реформа сведена была къ массовой экспропріаціи земельнаго народнаго фонда.

Именно, доказывая *незаконность и несправедливость* выкупа надѣловъ обязанныхъ крестьянъ за ихъ счетъ, Намѣстникъ писалъ (стр. 29): „Что касается губерній Эриванской, Елисаветпольской, Бакинской и отчасти Тифлисской, Дагестана и Закатальскаго округа, то здѣсь поселяне до воспослѣдованія Высочайшаго указа 6 декабря 1846 г., несмотря на то, что земля по мусульманскимъ понятіямъ принадлежитъ государству, *являлись фактически владѣльцами земли и не были ничѣмъ ограничены въ ея распоряженіи*, уплата же повинностей въ пользу бековъ и агаларовъ *не была оброкомъ имъ*, какъ владѣльцамъ земли, а государственнымъ поземельнымъ *налогомъ* въ уплату бекамъ и агаларамъ за ихъ *административно-полицейскія* функціи“.

Изъ сопоставленія означеннаго доклада Намѣстника 1905 г. и его теперешнихъ „Заключеній“, ясно видно, что полная

противоположность мнѣній Намѣстника въ докладѣ и „Заключеніяхъ" доказываетъ, что или въ первомъ или во второмъ случаѣ Намѣстникъ вводитъ въ заблужденіе или Совѣтъ Министровъ или Государственную Думу, такъ какъ его „Заключенія" категорически опровергаются самимъ ихъ авторомъ (въ докладѣ 1905 г.) *)

Теперь перейдемъ къ западному Закавказью (Грузіи). Въ своихъ „Заключеніяхъ" гр. Воронцовъ-Дашковъ приписываетъ намъ мнѣніе, будто бы и въ западномъ Закавказьѣ (Грузіи) крѣпостная реформа сопровождалась *массовой* экспропріаціей народнаго земельнаго фонда. Такого мнѣнія въ законопроектѣ нѣтъ. Мы утверждали и продолжаемъ утверждать, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Грузіи и для нѣкоторыхъ разрядовъ зависимыхъ крестьянъ крѣпостная реформа дѣйствительно свелась къ частичной экспропріаціи ихъ земли и правъ. Въ этомъ опредѣленно и ясно можно убѣдиться, перечитавъ указываемые въ законопроектѣ первоисточники. Между тѣмъ, повидимому, вполнѣ ясно понимая, что при такой постановкѣ вопроса законопроектъ неуязвимъ, Намѣстникъ обходитъ молчаніемъ этотъ вопросъ и неправильно приписываетъ намъ мнѣніе о *массовой* экспропріаціи при реформѣ крестьянства въ Грузіи. Такого мнѣнія мы въ законопроектѣ не высказывали, и всѣ „Заключенія" по этому вопросу Намѣстника нужно признать совершенно неотвѣчающими существу дѣла.

Характерно, что для опроверженія нашего мнѣнія о размѣрахъ экспропріаціи земель и правъ крестьянъ Грузіи, Намѣстникъ ссылается на цитату, приведенную изъ труда г. Бахтадзе о томъ, что „ко времени крестьянской реформы крѣпостной гнетъ въ Грузіи проявился во всемъ своемъ безобразіи"... и, значитъ, крѣпостное право, вопреки нашему мнѣнію, тогда представляло во всей Грузіи вполнѣ сложившійся институтъ. Но, не говоря о томъ, что изъ сопоставленія этой цитаты съ текстомъ, ясно видно, что это мнѣніе не можетъ раздѣляться нами, нужно сказать, что подъ Грузіей, о которой говоритъ г. Бахтадзе, онъ разумѣетъ не то, что теперь мы называемъ Грузіей (Кутаисскую и Тифлисскую губерніи), а только такъ называемую старую Грузію, т. е. Карталинію и Кахетію и пр., минусъ Мингрелія, Сванетія и пр. провинціи, гдѣ въ дѣйствительности, согласно свидѣтельству знатоковъ грузинскаго права, во многихъ мѣстахъ

*) Сравни наше примѣч. на стр. 80—82. О. С.

крѣпостное право сводилось для нѣкоторыхъ разрядовъ крестьянъ къ простому патронату, причемъ крѣпостной считался вѣчнымъ владѣльцемъ своей земли, и повинности его владѣльцу были строго навсегда опредѣлены (Сосновскій. Матеріалы, стр. 24—25).

3). Переходя затѣмъ къ вопросу о степени обезземеленія крестьянъ Закавказья при реформѣ Намѣстникъ пытается опровергнуть наше мнѣніе, что благодаря нѣкоторымъ статьямъ мѣстныхъ Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, а также благодаря злоупотребленіямъ властп и помѣщиковъ при осуществленіи этихъ Положеній, многія тысячи крестьянъ были или вовсе обезземелены, или получили „нулевые надѣлы".

Въ подтвержденіе обоихъ этихъ Положеній нами приводится рядъ цифровыхъ данныхъ и ссылокъ на офиціальные документы, доказывающіе, что въ Тифлисской губ при реформѣ отрѣзано было у крестьянъ $^{2}/_{3}$ ихъ надѣловъ, въ Кутаисской—половина надѣльной земли, а въ губерніяхъ восточнаго Закавказья у поселянъ были оставлены надѣлы тоже только въ половинномъ размѣрѣ.

Остальную $^{1}/_{3}$ или $^{1}/_{2}$ надѣльной. а къ нѣкоторыхъ случаяхъ даже купленной крестьянами земли, помѣщики присвоили себѣ по положенію объ отрѣзахъ или въ обходъ закона. Вслѣдствіе этого у большинства зависимыхъ крестьянъ остались „нулевые надѣлы" (0.5—0,3 на душу об. п.).

Въ своихъ „Заключеніяхъ" Намѣстникъ протестуетъ противъ такого мнѣнія, утверждая, что небольшіе надѣлы крестьянъ никоимъ образомъ не заслуживаютъ ироническаго названія „нулевыхъ" (стр. 17) такъ какъ крестьяне, по меньшей мѣрѣ, получили въ надѣлъ *то, что* имъ слѣдовало по закону, что помѣщики „не злоупотребляли закономъ при реформѣ" (стр. 19), и „въ общей своей массѣ надѣлы крестьянъ могутъ почитаться *обезпечивающими* среднее экономическое благосостояніе крестьянъ" (стр. 22).

Въ другомъ мѣстѣ своихъ „Заключеній" Намѣстникъ выражается еще болѣе категорично, полагая, что реформа 60-хъ годовъ „не отчудила отъ крестьянъ ни одной пяди земли", что, напротивъ, „при этой реформѣ были надѣлены крестьяне помѣщичьей землей, и при томъ въ такомъ размѣрѣ, который по мѣстнымъ условіямъ давалъ возможность *безбѣднаго* существованія крестьянъ" (стр. 27).

Чтобы оцѣнить въ должной мѣрѣ всю неосновательность подобныхъ утвержденій, мы прежде всего сошлемся на тѣ мѣста на

шей записки, гдѣ рядомъ фактовъ доказывается, что Положенія 1864—65 г.г., а также Положенія 1870—77 г.г. предоставили помѣщикамъ „изъять" изъ ползованія крестьянъ лѣса, которые находились раньше въ безвозмездномъ пользованіи крестьянъ (ст. 30 и 15 названныхъ положеній), распахивать пастбища общаго пользованія (ст. 1, 26 и 24), дѣлать отрѣзки изъ крестьянскихъ надѣловъ до половины удобныхъ земель (въ Грузіи) или одной трети имѣнія въ восточномъ Закавказьѣ. Всѣ эти изъятія земли и т. д. изъ крестьянскихъ надѣловъ, которые, какъ это въ отношеніи восточнаго Закавазья доказываетъ и самъ Намѣстникъ въ своемъ докладѣ 1905 г., до реформы находились въ *фактическомъ владѣніи* поселянъ, а въ Грузіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ составляли вѣчную ихъ собственность, эти изъятія земли изъ надѣловъ крестьянъ установлены Положеніями, поэтому никакими „Заключеніями" ихъ не опровергнешь. Вотъ почему, противорѣча себѣ, Намѣстникъ не могъ не признать въ тѣхъ же самыхъ „Заключеніяхъ", что „поземельная реформа въ Грузіи выразилась фактически въ томъ, что (только) около половины *совершенно удобныхъ* помѣщичьихъ земель поступило въ неотъемлемое распоряженіе ихъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ" (стр. 22).

Совершенно вѣрно. Но это вѣдь мы и утверждаемъ. Именно реформа отняла у крестьянъ *половину* ихъ надѣловъ, такъ какъ при крѣпостномъ правѣ, когда помѣщики не вели своего хозяйства, только состоявшая въ надѣлѣ крестьянъ земля была „совершенно удобной". Что именно эту надѣльную землю крестьянъ помѣщики отрѣзали себѣ по Положенію, свидѣтельствуетъ и самъ Намѣстникъ въ своемъ Всеподданнѣйшемъ отчетѣ 1907 г. Здѣсь на стр. 34 онъ пишетъ: „Въ виду предоставленія помѣщикамъ права оставлять въ своемъ распоряженіи (по Положенію) половину имѣнія (не имѣнія, а пахотныхъ угодій), а малоземельнымъ дворянамъ и *совсе не надѣлять* крестьянъ землею, бывшіе крѣпостные, пользовавшіеся обычно всѣмъ имѣніемъ помѣщика, т. к. собственнаго хозяйства у послѣдняго не было, или получали въ надѣлъ *земли менѣе, чѣмъ пользовались, или оставались вовсе безъ надѣла*".

И далѣе: „Всѣ эти такъ называемыя занадѣльныя земли (отрѣзки), конечно, фактически оставались большей частью въ пользованіи тѣхъ же крестьянъ, но уже по повышеннымъ цѣнамъ, не-

числяемымъ такъ же, какъ и повинность за надѣлъ, въ видѣ $^1/_3$ или $^1/_2$ доли урожая въ натурѣ“ (стр. 35).

Это заявленіе Намѣстника совершенно опровергаетъ всѣ его „Заключенія“ и документально подтверждается данными нашей записки, гдѣ констатируется, что размѣръ арендуемыхъ у помѣщиковъ обязанными крестьянами бывшихъ ихъ надѣловъ (отрѣзковъ) какъ разъ равенъ размѣрамъ отведенныхъ крестьянамъ при реформѣ надѣловъ (стр. 14—15).

Но еще болѣе рѣзко опровергаетъ Намѣстникъ теперешнія свои „Заключенія“ въ своемъ проектѣ ликвидаціи обязательныхъ отношеній 1905 г.

Безмѣрныя „требованія дворянъ, говоритъ онъ здѣсь, не могли не оказать давленія на законопроекты главной Кавказской администраціи: поэтому крестьянская реформа (какъ основанная на этихъ требованіяхъ), должна была дать (и дала) въ крупныхъ имѣніяхъ *малоземельныхъ* крестьянъ, а въ мелкихъ *безземельныхъ*“ (стр. 5). *)

Спрашивается,—можно ли послѣ такихъ двухъ категорическихъ заявленій самого же Намѣстника вѣрить его „Заключеніямъ“, будто реформа „не отчудила ни пяди крестьянской земли“ или будто бы „пореформенные надѣлы крестьянъ могутъ почитаться *обезпечивающими* ихъ благосостояніе“ (?)

Если бы при реформѣ крестьяне дѣйствительно были обезпечены достаточно землей, то, спрашивается, зачѣмъ бы имъ, какъ это утверждаетъ Намѣстникъ, арендовать на такихъ невыгодныхъ условіяхъ и въ такомъ количествѣ помѣщичью землю, какъ за половину урожая?

Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ частностямъ, мы и здѣсь встрѣчаемъ въ „Заключеніяхъ“ цѣлый рядъ противорѣчивыхъ и неосновательныхъ утвержденій, только подтверждающихъ наше мнѣніе относительно обезземеленія при реформѣ тысячъ крестьянъ. Такъ, мы утверждаемъ, что только въ одной Кутаисской губ. было предъявлено бывшимъ крѣпостнымъ при составленіи устав-

*) Гр. Воронцовъ-Дашковъ почему-то постоянно и всюду подчеркиваетъ, что реформа 1861 г., если и была изуродована бюрократіей, то подъ давленіемъ дворянства. Какъ будто отъ этого классовая сущность этой реформы измѣняется. О. С.

ныхъ грамотъ въ доказательство своихъ правъ собственности на часть или на всю надѣльную землю 63. 668 документовъ. Но большинство этихъ документовъ не были признаны дѣйствительными, и поэтому огромная площадь крестьянскихъ земель осталась у помѣщиковъ. На это Намѣстникъ возражаетъ, что ему „неизвѣстно, было ли такихъ документовъ въ Кутаисской губ. 63.668", и что эти документы были разсмотрѣны въ установленномъ порядкѣ въ теченіе 40 лѣтъ.

Мы удивляемся, почему число предъявленныхъ крестьянами документовъ Намѣстнику неизвѣстно, такъ какъ это число взято г. Чеадзе изъ официальныхъ данныхъ Канцеляріи Намѣстника (сравни докладъ члена дѣлопроизводителя Кутаисской губ. по крестьянскимъ дѣламъ присутствія отъ 26 апрѣля 1906 г., стр. 24).

Еще менѣе убѣдительнымъ аргументомъ является указаніе на то, что предъявленные крестьянами документы были разсмотрены въ теченіе 40 лѣтъ. Важно вѣдь не само разсмотрѣніе, а результатъ его. А этимъ результатомъ было въ большинствѣ случаевъ отказъ въ признаніи за крестьянами купленныхъ ими до реформы земель. Такой результатъ получился, во 1-хъ, вслѣдствіе безконечной канцелярской волокиты, пользуясь которой помѣщикъ, по праву сильнаго, могъ продавать тотъ или иной участокъ третьему лицу, такъ что истецъ ко времени окончанія процесса не могъ даже узнать границъ его въ натурѣ, какъ это свидѣтельствуется и въ „Заключеніяхъ" (стр. 9). А во-вторыхъ, потому, что прислуживавшая владѣльцамъ власть, оставляя послѣ реформы въ силѣ полезныя для помѣщиковъ крѣпостныя установленія, въ родѣ регламента 1847 г., въ отношеніи крестьянъ поступала совершенно наоборотъ, и *дѣйствительные* до реформы крестьянскіе домашніе акты на владѣніе землей послѣ реформы оказались въ большинствѣ случаевъ недѣйствительными...

Затѣмъ, число обезземеленныхъ при реформѣ крестьянъ Намѣстникъ понижаетъ съ 13% (9%) ихъ общаго числа до $2^1/_2\%$, исключая изъ числа обезземеленныхъ такъ называемыхъ хизанъ на томъ основаніи, что эти хизане пользовались на хизанскомъ праве землей у другихъ помѣщиковъ, считаясь крѣпостными своего владѣльца. Самаго факта „изъятія" у такихъ крестьянъ земли Намѣстникъ не отрицаетъ (см. стр. 24 „Заключеній"), но онъ его оправдываетъ. Такое оправданіе „изъятія" помѣщиками земли у сво-

ихъ крестьянъ за то только, что эти послѣдніе пользовались землей у другого помѣщика на началахъ безсрочной аренды (хизанскомъ правѣ), явно несправедливо. Въ большинствѣ случаевъ крѣпостные брали у другихъ помѣщиковъ маленькіе кусочки земли на хизанскомъ правѣ въ качествѣ подсобнаго средства. Поэтому изъятіе помѣщиками надѣловъ у такихъ крестьянъ равносильно было почти полному ихъ обезземелію и разоренію. Потерявъ свои надѣлы, хизане остались послѣ реформы, какъ это видно изъ данныхъ нашей записки, съ самыми ничтожными участками земли, права на которую, къ тому же, были настолько мало обезпечены, что для прекращенія слишкомъ быстраго обезземеленія этихъ хизанъ владѣльцами послѣ реформы мѣстной властью былъ изданъ приказъ (въ 1876 г.), воспрещающій помѣщикамъ сгонять хизанъ съ занятыхъ ими участковъ (см. „Заключенія" стр. 23—25).

На этомъ основаніи заключеніе Намѣстника, будто реформа обезземелила въ Грузіи только $2^1/_2$%, крѣпостныхъ, совершенно ошибочно, не говоря уже о томъ, что оно опровергается самимъ же Намѣстникомъ въ цитированномъ выше его проектѣ 1905 г. Какъ могъ получиться столь ничтожный процентъ обезземеленныхъ, если *большая половина* помѣщиковъ Тифлисской губ. (869 дымовъ изъ 1.537), а въ Кутаисской губерніи $^3/_4$ помѣщиковъ (3.776 изъ 4.783 дым.) получили право по Положенію „освобождать своихъ крестьянъ отъ земли, какъ мелкопомѣстные".

Далѣе, относительно указанныхъ въ законопроектѣ, на основаніи уставныхъ грамотъ, размѣровъ оставленныхъ у крестьянъ надѣловъ ($0,_5$ $0,_3$ на д. об. п.), Намѣстникъ утверждаетъ, что эти цифры ниже дѣйствительныхъ, такъ какъ данныя уставныхъ грамотъ не точны. При этомъ Намѣстникъ ссылается, во первыхъ, на результаты выкупа крестьянами земель, при чемъ, дѣйствительно, оказывается, что размѣры выкупленныхъ надѣловъ въ среднемъ почти вдвое выше указанныхъ въ уставныхъ грамотахъ, а во-вторыхъ, на данныя казенныхъ палатъ о количествѣ обложенныхъ крестьянскихъ земель, также нѣсколько большихъ, чѣмъ указано по уставнымъ грамотамъ. Не отрицая, что данныя уставныхъ грамотъ не точны, мы тѣмъ не менѣе считаемъ совершенно неосновательнымъ на основаніи результатовъ выкупа или количества обложенныхъ крестьянскихъ земель судить о размѣрахъ полученныхъ крестьянами при реформѣ надѣловъ.

Во первыхъ, по всѣмъ имѣющимся даннымъ, а также по свидѣтельству мѣстныхъ комитетовъ особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскаго хозяйства, въ Западномъ Закавказьѣ выкупили свои надѣлы наиболѣе *зажиточные*, т. е. лучше обезпеченные землей дымы, а во вторыхъ, и самое главное, въ большинствѣ случаевъ крестьяне вмѣстѣ съ надѣлами покупали и „отрѣзки". Въ Кутаисской губ. площадь такихъ купленныхъ „отрѣзковъ" (занадѣльныхъ земель) равняется 85.840 дес., а площадь выкупленныхъ надѣловъ только 63.225 дес., а всего 149.065 дес. Поэтому, когда авторъ „Заключеній" исчисляетъ по результатамъ выкупа размѣръ будто бы полученныхъ крестьянами при реформѣ надѣловъ, принимая всю сумму — 149.065 дес. за надѣлы, онъ говоритъ совершеннѣйшій абсурдъ. На самомъ дѣлѣ количество *надѣльной* выкупленной 33.597 дымами земли равно только 63.225 дес., или въ среднемъ на дымъ 1,8 дес., а на душу об. п. около $0_{,4}$, а не $4_{,6}$ дес. на дымъ, какъ полагаетъ Намѣстникъ (см. Сосновскаго, стр. 199 и докладъ члена Кутаисскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія г. Гоцеридзе, стр. 26).

Точно также въ Тифлисской губ. крестьяне выкупали вмѣстѣ съ надѣлами и отрѣзки, хотя и не въ такомъ количествѣ, какъ въ Кутаисской губ. (Сосновскій, стр. 200).

Также неправильно судить о точныхъ размѣрахъ *надѣльныхъ* земель зависимыхъ крестьянъ по даннымъ обложенія, т. к. эти данныя не основаны на точномъ измѣреніи *) и въ немалой степени въ Закавказьѣ зависятъ отъ усмотрѣнія чиновниковъ. И кромѣ того въ этихъ данныхъ не указано, вся ли обложенная земля составляетъ надѣльную, или въ нее входятъ и *собственныя* земли крестьянъ.

Между тѣмъ, основываясь на подобныхъ зыбкихъ соображеніяхъ, Намѣстникъ полагаетъ, „что предоставленный при реформѣ надѣлъ не могъ считаться незначительнымъ для обезпеченія крестьянъ".

Что такой выводъ совершенно неоснователенъ, мы еще болѣе убѣдимся, познакомившись съ авторитетнымъ мнѣніемъ на этотъ счетъ вышеназваннаго г. Гоцеридзе, составителя солиднаго „*Сборника* Положеній о крестьянахъ Закавказскаго края", и лучшаго

*) И въ большинствѣ, въ свою очередь, базируются на все тѣхъ же уставныхъ грамотахъ О. С.

знатока крестьянскаго вопроса въ Грузіи. На стр. 21 вышеупомянутаго своего доклада г. Гоциридзе, основываясь на точномъ подсчетѣ данныхъ о землепользованіи 36.087 дым. временнообязанныхъ Кутаисской губерніи, имѣющихъ 210.276 кцевъ [1]) надѣльной земли (т. е. около 6 кцевъ на дымъ и немного больше 0,5 дес. на душу мужского пола), говоритъ: „Что же касается вопроса, насколько это количество земли достаточно для прокормленія временнообязанныхъ крестьянъ, то необходимо принять во вниманіе слѣдующее. Земли усадебныя, сасаре и сахардне (составляющія $^1/_4$ надѣльной площади) не даютъ урожая, а потому населеніе въ 36.087 дым. или въ 262.186 душъ обоего пола должно было прокормиться урожаемъ 17.588 кцевъ виноградниковъ маглари и 119.014 кцевъ пахати".

„Кромѣ того главный урожай виноградниковъ маглари составляетъ кукуруза, вино же съ нихъ получалось и раньше въ незначительномъ количествѣ, а затѣмъ постепенно виноградники эти обращены въ пахатныя земли, и лишь незначительная ихъ часть въ виноградники доблари. Поэтому, причисливъ ихъ къ пахатнымъ землямъ, мы находимъ, что на *каждую душу обоего пола* приходится 64 кв. саж. виноградника доблари и 547 кв. саж. пахати. Засимъ, какъ извѣстно, пахатныя земли оставляются иногда на отдыхъ (подъ паръ), а именно въ общемъ черезъ два года на третій, вслѣдствіе чего въ дѣйствительности образовывается $^2/_3$ надѣла (изъ $^3/_4$ его), т. е. 365 кв. саж. на душу. Исключивъ изъ этого количества одну четверть урожая, вносимаго на основаніи уставныхъ грамотъ помѣщику въ видѣ повинности, оказывается, что на каждую душу обоего пола остается урожая съ 84 кв. саж. виноградника доблари и 274 кв. саж. пахатной земли. Изъ дѣлъ губернскаго присутствія видно, что въ среднемъ кцева пахатной земли (900 кв. саж.) даетъ урожая 25 пуд. кукурузы, слѣдовательно 274 кв. саж. должны дать въ годъ 7 пуд. $24^1/_2$ фун. А такъ какъ на прокормленіе одного лица требуется 22 пуд. кукурузы, т. е. въ три раза больше, чѣмъ можетъ дать отведенная ему въ надѣлъ пахатная земля и виноградникъ маглари, то оказывается, что данныя по уставнымъ грамотамъ надѣльныя земли могли прокормить въ теченіе года лишь одну треть временно - обязанныхъ крестьянъ.

---

1) Кцева=900 кв. саж.

Остальное населеніе должно было обрабатывать или помѣщичью землю на арендныхъ основаніяхъ, или же заняться отхожими промыслами и тѣмъ добывать себѣ средства къ пропитанію". (стр. 22).

Какой ироніей надъ этими разоренными реформой двумя третями зависимыхъ крестьянъ звучатъ заявленія автора „Заключеній" насчетъ достаточности земельнаго обезпеченія $97^1/_2\%$ этихъ крестьянъ, когда мы сравниваемъ эти заявленія съ вышеизложеннымъ свидѣтельствомъ г. Гоцеридзе, или съ подлинными данными мѣстныхъ изслѣдованій.

Характерное обстоятельство. Стремясь во что бы то ни стало доказать достаточность земельнаго обезпеченія обязанныхъ крестьянъ, авторъ „Заключеній" почему то избѣгаетъ пользоваться точными данными мѣстныхъ изслѣдованій по трактуемому вопросу. Конечно, это онъ дѣлаетъ потому, что эти данныя совершенно опровергаютъ всѣ его тенденціозныя „Заключенія".

Такъ, въ 1892—93 г.г. чинами филоксернаго Комитета (по Министерству Земледѣлія) была произведена *подворная* экономическая перепись населенія Шорапанскаго уѣзда Кутаисской губерніи.

По точнымъ даннымъ этой переписи всего временнообязанныхъ не выкупившихся крестьянъ въ Шорапанскомъ уѣздѣ въ 1892 г. было 5.766 дым., а земли у нихъ—17.251 дес., въ томъ числѣ (замѣтьте это) надѣльной земли - только 12.532 дес., или $2^1/_2$ дес. на дымъ и менѣе 0,4 дес., на душу об. п., и 4.718 дес., или около 25%, земли *куплено.* Причемъ число дымовъ, имѣвшихъ (*той и другой*) земли на дымъ было:

до $^1/_2$ д.	$^1/_2$—1 д.	1—$1^1/_2$ д.	$1^1/_2$—2	2—3 д.	3—5 д.
216	613	894	899	1268	1876
	2622			22%	32%
	54%				

Такимъ образомъ по даннымъ переписи, 66% временнообязанныхъ крестьянъ получили именно „нулевые" надѣлы—отъ 0,1 до 0,6 дес. на душу об. пола. ($^1/_2$—3 дес. на дымъ).

Таково прямое свидѣтельство безпристрастныхъ цифръ переписи (см. стр. 132 — 133 изд. Кавк. филоксернаго К-та 1901 г. Тифлисъ).

Точно также и въ Тифлисской губ., въ Горійскомъ уѣздѣ, въ 1902—1903 г.г. было произведено подробнѣйшее описаніе существующаго землепользованія всего населенія уѣзда Тифлисскимъ депутатскимъ собраніемъ. При чемъ оказалось, что число дым. времен. обяз. въ уѣздѣ, имѣвшихъ на дымъ удобной и неудобной земли, было:

До 1 дес.	1—2 д.	2—3 д.	3—5 д.
36%	24%	16%	24%
	76%		

Средній же размѣръ землепользованія равнялся 2,32 дес. на дымъ. Такимъ образомъ и въ Горійскомъ уѣздѣ, *типичномъ* въ данномъ случаѣ для Тифлисской губ. въ такой же степени, какъ Шорапанскій уѣздъ типиченъ для Кутаисской губ., число дымовъ, получившихъ нулевые надѣлы (до 3 дес. на дымъ и до $0,_1$ — $0,_5$ дес. на душу об. п.), равно 76% (см. докладъ въ И. Кавк. Об-вѣ с.—х. 11 февраля 1903 г. г. Гогичайшвили, стр. 19). Какъ это далеко отъ „достаточнаго" обезпеченія 97½% фантастическихъ пейзановъ автора „Заключеній"!

Правда, въ виду того, что экономическая перепись въ Шорапанскомъ уѣздѣ производилась въ 1892 г., а въ Горійскомъ въ въ 1902 г., установленные этими переписями средніе подымные надѣлы въ 2⅗ д. и $2,_{32}$ дес. должны быть увеличены соотвѣтственно увеличенію населенія со времени составленія уставныхъ грамотъ (1866—67 г.г.).

При сравненіи данныхъ переписей о числѣ сельскаго населенія Закавказья въ 1886 и 1897 г.г. мы видимъ, что за 11 лѣтъ *сельское* населеніе въ краѣ увеличилось на $13,_7$%, т. е. въ годъ увеличивалось на $1,_3$%. Слѣдовательно, въ Шорапанскомъ уѣздѣ за 26 лѣтъ, съ 1866 по 1892 г., населеніе увеличилось всего на 34%, или ⅓, а въ Горійскомъ за 36 лѣтъ, съ 1866 по 1902 г., на 48%. Слѣдовательно средній надѣлъ по Шорапанскому уѣзду (2⅗ дес) долженъ быть увеличенъ на ⅓, или до 3 безъ малаго десятинъ на дымъ, а въ горійскомъ на половину—до 3½ дес.

Всѣ приведенныя данныя о населеніи можно найти въ любомъ Кавказскомъ календарѣ. Между тѣмъ Намѣстникъ полагаетъ, что сельское населеніе Закавказья со времени реформы и по 1897 г. увеличилось вдвое. Также неосновательно и крестьянскіе надѣлы онъ

увеличиваетъ вдвое. Это конечно смѣло, но совершенно противорѣчитъ фактамъ. Но и принимая увеличенныя нормы надѣловъ въ 3 и $3^1/_2$ дес. на дымъ, мы все же, при переводѣ этихъ надѣловъ на души, получаемъ „нулевые надѣлы" въ $0,_4$—$0,_5$ дес. на душу об. п. (По переписямъ средній дымъ имѣетъ въ Закавказьѣ $6^1/_2$ *душъ*, а не 4, какъ полагаетъ Намѣстникъ).

Чтобы судить, какъ далеки такіе надѣлы отъ среднихъ нормъ, обезпечивающихъ благосостояніе крестьянской семьи и установленныхъ чинами Министерства Земледѣлія въ цѣляхъ землеустройства мѣстныхъ крестьянъ, мы приводимъ данныя по Шорапанскому и Горійскому уѣздамъ о предѣльныхъ нормахъ земельныхъ надѣловъ изъ доклада б. Уполномоченнаго М-ва Земледѣлія Медвѣдева (отъ 30 марта 1899 г. за № 1663).

Средній, обезпечивающій благосостояніе семьи размѣръ надѣловъ, по разсчету авторовъ доклада, по Шорапанскому уѣздѣ долженъ быть не меньше $1^1/_2$ *дес. на душу м. п.* въ 9 сел. (низменныхъ); не меньше $2^1/_2$ дес. въ 39 сел.: 3 дес. — въ 29 сел.; 4 дес.—въ 25 сел. и 5 дес.—въ 18 сел. уѣзда (гористыхъ). Между тѣмъ, по точнымъ даннымъ переписи, такія среднія нормы надѣленія имѣли въ западномъ Закавказьѣ только около 25%, а не $97^1/_2$%, выдуманныхъ авторовъ „Заключеній".

Еще меньше считается съ фактами, правдой и здравымъ смысломъ авторъ „Заключеній" при опроверженіи данныхъ законопроекта о размѣрахъ надѣленія поселянъ восточнаго Закавказья.

Полагая, что со времени составленія здѣсь уставныхъ грамотъ (1871—1878 г.г.), до переписи 1897 г., т. е. за 26—19 лѣтъ сельское населеніе увеличилось вдвое, т. е. какъ въ Грузіи за 36 лѣтъ, (какой явный абсурдъ!), Намѣстникъ увеличиваетъ показанные въ нашей „Запискѣ" размѣры надѣловъ тоже вдвое („Заключенія", стр. 28). Но, во-первыхъ, за 19—26 лѣтъ сельское населеніе восточнаго Закавказья могло увеличиться всего на одну четверть или одну треть, а не на 100% (по $1,_3$% въ годъ), а во-вторыхъ, приводимыя въ законопроектѣ данныя по Эриванской и Бакинской губерніямъ о населеніи и надѣлахъ составлены по уставнымъ грамотамъ, а вовсе не по переписи 1897 г., какъ совершенно неосновательно полагаетъ Намѣстникъ (см. Сосновскій: Матеріалы, стр. 109). Значитъ, по Эриванской и Бакинской губерніямъ даты законопроекта о размѣрахъ подушного надѣленія должны остаться тѣ

же самыя $4_{,8}$ и $2_{,7}$ дес. на душу мужского пола, а по Елисаветпольской губерніи, какъ это совершенно правильно говорить Сосновскій, должны быть увеличены съ $2_{,5}$ дес. на $^1/_4$, т. е. до $3^1/_4$ дес. на душу мужского пола, а не свыше 5 дес., исчисляемыхъ Намѣстникомъ. Но и при такомъ увеличеніи размѣръ надѣленія поселянъ восточнаго Закавказья будетъ очень далекъ и отъ устанавливаемыхъ Положетемъ нормъ надѣленія и отъ принятыхъ въ докладѣ Медвѣдева предѣльныхъ нормъ средняго обезпеченія крестьянской семьи, а не наоборотъ, какъ хочетъ доказать Намѣстникъ.

Изъ сопоставленія нормъ Медвѣдева съ дѣйствительнымъ земельнымъ обезпеченіемъ зависимыхъ крестьянъ восточнаго Закавказья, мы пришли къ заключенію, что около 50% ихъ (а въ нагорныхъ частяхъ и болѣе того) должны быть отнесены къ разряду *малоземельныхъ*, а если Намѣстникъ этого не признаетъ, то это вполнѣ понятно: какъ мы выше рядомъ цитатъ изъ его доклада доказали, онъ не только не желаетъ считаться съ фактами, но даже съ своими собственными мнѣніями по самымъ кардинальнымъ вопросамъ крестьянской реформы на Кавказѣ.

Переходимъ къ пунктамъ 4-му и 5-му Положеній законопроекта.

По этимъ пунктамъ, не отрицая, что реформа удвоила въ Грузіи повинности (т. е. экономическую кабалу крестьянъ), Намѣстникъ находитъ, однако, что установленныя въ Грузіи пореформенныя повинности *въ одну четверть, а по мѣстамъ* и въ одну треть урожая, не могутъ быть признаны „чрезмѣрными" (стр. 26 „Заключеній"), на томъ основаніи, что при частной арендѣ, не только на Кавказѣ, но и на сѣверѣ Россіи, крестьяне арендуютъ земли за половину урожая, и что увеличеніе повинностей компенсируется освобожденіемъ крестьянъ отъ *личной* зависимости отъ помѣщиковъ

Но, во 1-хъ, такая апологія удвоенныхъ и утроенныхъ реформой повинностей не доказываетъ уменьшенія при реформѣ экономической кабалы крестьянъ. Во 2-хъ, она находится въ явномъ противорѣчіи съ рядомъ заявленій самого Намѣстника. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ въ его Всеподданнѣйшемъ отчетѣ 1907 г.: „Въ грузинскихъ провинціяхъ *безправное* положеніе временнообязанныхъ крестьянъ усугубляется еще *малымъ* надѣломъ при несоразмѣрно (?) высокихъ повинностяхъ. Поэтому здѣсь экономическое положеніе большинства крестьянъ съ прекращеніемъ крѣпостной за-

висимости *прямо ухудшилось*" (стр. 34). И далѣе: -„На своемъ *ничтожномъ обремененномъ* повинностями надѣлѣ крестьяне не въ силахъ вводить въ хозяйство какія-либо улучшенія, въ виду полной зависимости отъ помѣщика, безъ согласія котораго нельзя даже собрать урожая" (стр. 35).

То же говорилъ Намѣстникъ и въ своемъ законопроектѣ о ликвидаціи обяз. отнош. 1905 г. „Крестьянское населеніе края, по сравненію съ крестьянскимъ населеніемъ внутреннихъ губерній находится еще въ болѣе тяжелыхъ условіяхъ, благодаря существованію обязательныхъ отношеній и *высокихъ* повинностей въ пользу помѣщиковъ, особенно въ предѣлахъ бывшей Грузіи, гдѣ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости было проведено на условіяхъ *особенно льготныхъ для помѣщиковъ и не выгодныхъ для крестьянъ*" (стр. 1).

Интересно знать, какъ всѣ эти заявленія своихъ докладовъ авторъ „Заключеній" согласуетъ съ слѣдующей фразой сихъ „Заключеній": „что вся эта реформа *несомнѣнно осуществлена была на пользу крестьянъ* и поселянъ и въ такой же степени представляла ограниченіе для помѣщиковъ и владѣльцевъ" (стр. 33).

Въ 3-хъ, не признавать „чрезмѣрной" (признанную самимъ Намѣстникомъ 2 года тому назадъ за „*несоразмѣрно* высокую") обязательную повинность въ одну четверть и одну треть урожая, разъ ее признали за „слишкомъ высокую" даже Голицынскіе чиновники (см. журналъ Сов. Главнонач. 15—25 іюня 1904 г. стр. 10), никакъ нельзя и, въ особенности, потому только, что она, какъ полагаетъ Намѣстникъ, номинально меньше испольной арендной платы.

Правда $^1/_4$ и $^1/_3$ номинально меньше $^1/_2$ доли урожая, платимой за аренду земель крестьянами сѣвера Россіи и кое гдѣ на Кавказѣ. Но это только номинально; фактически же, какъ мы знаемъ, за половину урожая крестьяне берутъ въ большинствѣ случаевъ такъ называемую новь, дающую 2—3 года богатые урожаи, чтобы затѣмъ лѣтъ 12 отдыхать на волѣ. Такимъ образомъ, половина урожая 3-хъ лѣтъ ($1^1/_2$ годового урожая) является для владѣльца доходомъ, собственно, за 15 лѣтъ, и фактически его ежегодная рента съ такой испольной десятины равна $1^1/_2$ годового урожая ея, дѣленнаго на 15, т. е. $^2/_3 : 15 = ^1/_{10}$ доли урожая. А такъ какъ кромѣ того собственникъ земли долженъ еще платить всѣ земскіе и государственные поземельные сборы, то его годовая рента должна

пасть еще ниже до $1/_{12}$—$1/_{15}$ одногодичнаго урожая десятины земли, или въ переводѣ на деньги, 2—3 р., т. е. суммѣ, приблизительно соотвѣтствующей высотѣ денежныхъ арендныхъ цѣнъ.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится *обязанный* крестьянинъ. Оставлять на отдыхъ надѣльную землю не только на 12, но и на 3—4 года, онъ, по положенію, не имѣетъ права. Слѣдовательно $1/_4$ или $1/_3$ урожая, отдаваемая имъ помѣщику, есть *реальная* годовая рента послѣдняго. Мало того, за надѣльную землю отбываетъ всѣ повинности и поземельные сборы не помѣщикъ, а крестьянинъ, что фактически повышаетъ ежегодную ренту помѣщика съ $1/_4$ до $1/_3$ или съ $1/_3$ до $1/_2$ урожая и соотвѣтственно понижаетъ долю крестьянъ. Если же принять еще во вниманіе, что, при средней урожайности въ самъ 5 и 6, и 9—10 пудовъ посѣва на десятину, крестьянинъ долженъ *обязательно* удѣлять $1/_5$ или $1/_6$ урожая на сѣмена и столько же на кормъ скота и ремонтъ инвентаря, то въ концѣ концовъ и оказывается, что у зависимаго крестьянина ежегодно остается не больше $1/_4$—$1/_5$ урожая, въ качествѣ эквивалента затраченной имъ его рабочей силы на обработку десятины земли.

Дѣлопроизводитель крестьянскаго отдѣленія канцеляріи Намѣстника, г. Словинскій, на основаніи данныхъ канцеляріи объ обложеніи, доказываетъ въ газ. „Кавказъ" (№ 24 апр. 1909 г.), что доля крестьянъ въ урожаѣ надѣльной десятины ниже нуля, равняясь *минусъ* одна пятая урожая. Это значитъ, что обработка надѣла убыточна крестьянамъ, такъ какъ не только не даетъ имъ никакой чистой прибыли, но и поглощаетъ одну пятую стоимости затраченной рабочей силы *).

*) См. стр. 10 и 11 журн. совѣта главнонач. 15—25 іюня 1904 г., гдѣ, между прочимъ, сказано: „По мнѣнію Совѣта, необходимо имѣть въ виду, что въ краѣ назначены въ пользу помѣщиковъ и владѣльцевъ слишкомъ высокія натуральныя повинности съ земныхъ произведеній, въ особенности въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ; здѣсь онѣ равняются $1/_4$ части урожая. Очевидно, что за выдѣленіемъ такой доли, т. е., за выдѣленіемъ 25% валового земельнаго дохода, (вал. дох. составляетъ урожай за вычетомъ $1/_6$—$1/_{12}$ части его на сѣмена), крестьянину отъ надѣльной земли едва ли остается что-либо, кромѣ скудной платы собственно за обработку. Это подтверждается и приведеннымъ Д. С. С. Стефановичемъ разсчетомъ *съѣздовъ податныхъ инспекторовъ*. По этому разсчету валовая еже-

Этотъ фактъ долженъ быть извѣстенъ автору „Заключеній" и изъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскаго хозяйства и изъ вышеупомянутыхъ журналовъ Совѣта Главноначальствующаго, и поэтому мы считаемъ горькой ироніей надъ зависимыми крестьянами фразу въ „Заключеніяхъ", будто „крестьянская реформа въ Закавказьѣ была *осуществлена на пользу крестьянъ и поселянъ*, и кромѣ *благихъ* послѣдствій для поселянъ иныхъ не имѣла"...

Наконецъ, четвертымъ аргументомъ въ пользу „нечрезмѣрности" повинности крестьянъ, установленной реформой, по заявленію Намѣстника, является то обстоятельство, что реформа, будто бы, освободила крестьянъ отъ *личной* зависимости отъ помѣщиковъ (п. 5 Положеній законопроекта).

Но этотъ аргументъ рѣзко противорѣчитъ фактамъ. Несмотря на то, что помѣщики Закавказья получили за „освобожденіе" крестьянъ отъ 25 до 50 руб. за душу, а всего 7.250.000 руб., затѣмъ имъ сложили 2.000.000 долгу въ Приказъ, Положенія 1864—1865 г.г. и 1870—1877 г.г. оставляютъ крестьянъ, какъ выражается Намѣстникъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ 1907 г.

годная доходность плодоносной земли достигаетъ 54 руб.; расходъ же на обработку ея обходится въ 37½ рублей. Такимъ образомъ чистая доходность съ десятины равняется 16½ руб.; но четверть валового дохода, т. е. 13½ руб. (54 : 4), крестьянинъ долженъ предоставить помѣщику. Такимъ образомъ чистаго дохода на долю крестьянина, если принять въ расчетъ, что онъ доставляетъ гаду или багру землевладѣльцу своими средствами,—остается менѣе 3 рублей съ десятины. Само собой разумѣется, что съ десятины малоурожайной земли (если оцѣнить трудъ крестьянина по обработкѣ по нормальной цѣнѣ) можетъ не только не получиться у него чистаго дохода, но и убытокъ. Если же это явленіе, т. е., обработка крестьянами помѣщичьей земли себѣ въ убытокъ и не замѣчается, то только потому, что крестьянинъ не учитываетъ стоимости своего труда по соображенію съ цѣнностью тѣхъ произведеній, которыя приходятся на его долю. Затѣмъ этотъ результатъ не столь очевиденъ и потому, что изъ валовой доходности слѣдуетъ на долю крестьянина больше, чѣмъ на долю помѣщика. Но во всякомъ случаѣ крестьяне сознаютъ тяжесть несоразмѣрнаго объема повинностей съ доходностью состоящей въ ихъ пользованіи надѣльной земли, и даже заявляютъ, что въ сущности они, неся эти повинности, уже заплатили помѣщикамъ и владѣльцамъ за ихъ земли." О. С.

(стр. 35), въ полной зависимости отъ помѣщика, и не только въ экономической, но и юридической. Ни уйти съ надѣла, ни выкупить его, ни продать, ни прекратить обработку его, зависимый крестьянинъ и поселянинъ безъ согласія барина не можетъ, подъ страхомъ „отработокъ" на земляхъ помѣщика или даже на сторонѣ (см. ст. 161 и 93 Полож.).

Развѣ это не „личная" зависимость и не кабала? И развѣ, по мнѣнію Намѣстника, не ей обязаны крестьяне Закавказья своимъ раззореніемъ? (всепод. зап., стр. 35).

Для губерній восточнаго Закавказья—въ цѣлятъ доказать „нечрезмѣрность" повинностей поселянъ, Намѣстникъ ссылается еще на то, что пореформенная повинность здѣсь совершенно несравнима съ дореформенной, „когда ханамъ и бекамъ будто бы принадлежало право распоряжаться не только имуществомъ подвластныхъ имъ поселянъ, но и ихъ жизнью" (стр. 4).

Но, какъ это видно изъ контекста, такой порядокъ существовалъ, по мнѣнію самого автора „Заключеній", только въ нѣкоторыхъ частяхъ края (напр. Дагестанѣ). Совершенно вѣрно, именно только „въ нѣкоторыхъ частяхъ края", порядки которыхъ никакъ нельзя распространять на весь край, въ особенности порядки такихъ частей края, какъ Дагестанъ, гдѣ зависимость поселянъ и до сихъ поръ покоится на правѣ завоевателей, покорившихъ аборигеновъ края.

Зависимыя отношенія поселянъ къ высшему сословію въ Дагестанской области существуютъ въ плоскостной и вообще юго-восточной ея части.

Возникновеніе этихъ отношеній одинаково съ другими мусульманскими мѣстностями, гдѣ селенія управлялись посредствомъ представителей отдѣльныхъ родовъ. Результатомъ этого было созданіе владѣльческаго сословія — *бековъ* и сословія имъ подвластныхъ *раятъ*. Правители—беки взимали въ свою пользу съ раятъ подати и повинности и раздавали членамъ своихъ семействъ въ управленіе населенныя и ненаселенныя мѣстности съ предоставленіемъ имъ доходовъ. Наслѣдственность въ управленіи, а затѣмъ, со времени присоединенія Дагестанской области къ Имперіи, вліяніе формъ русской жизни создавали среди бековъ взглядъ на земли, входившія въ составъ управляемаго ими района, какъ на принадлежащія имъ на правахъ собственности; а подати и повинности раятъ стали по-

нематься, не какъ плата за управленіе, а какъ плата за пользованіе бекской землей. Такимъ путемъ сложились довольно разнообразныя повинности въ пользу бековъ со стороны раятъ. Такъ, раяты (по адатамъ) должны отбывать въ пользу бековъ рабочіе дни во время жатвы, молотьбы хлѣба, кошенія сѣна, рыть и очищать канавы, исполнять работы по возведенію хозяйственныхъ построекъ бековъ, нести въ пользу бековъ службу нукеровъ, отбывать повинности лошадьми и арбами для домашнихъ надобностей бека и т. п.; на нихъ, на основаніи адата, лежитъ и отбываніе податей съ произведеній земли, исчисляемыхъ отъ количества скота, продуктами огородовъ и садовъ, соломой, сѣномъ и пр.; подати съ овецъ, ульевъ, иногда подати мелкимъ скотомъ. Затѣмъ въ пользу бековъ поступаютъ доходы отъ права торговли, за выморочныя имущества и проч.

Кромѣ того, *въ Дагестанѣ встрѣчается и зависимость однихъ селеній отъ другихъ*: уплачиваются повинности, частью какъ результатъ поселенія на *чужой землѣ*, частью въ качествѣ дани *побѣдителямъ*, въ размѣрѣ $^1/_{10}$—$^1/_7$ доли урожая и проч.

Правительственное урегулированіе отношеній раятъ и бековъ въ Дагестанѣ началось болѣе 60 лѣтъ назадъ. Въ 1843 г. выработано было положеніе о помѣстныхъ правахъ мусульманскаго сословія въ каспійской области (Южный Дагестанъ). Затѣмъ было создано, по обыкновенію, не мало особыхъ комиссій для обслѣдованія сословно-поземельнаго строя мѣстнаго населенія и составленія предположеній о поземельномъ его устройствѣ. Съ 1883 г. обязанности отдѣльныхъ комиссій перешли къ сословно-поземельной комиссіи, состоящей при канцеляріи главнаго начальника края по военно-народному управленію, выработавшей къ 1899 г. проектъ положенія о поземельномъ устройствѣ государственныхъ поселянъ въ Дагестанской области. Въ основаніе этого проекта положено широкое признаніе за беками на милости, даруемыя имъ рескриптомъ 6 декабря 1846 г. въ частяхъ края гражданскаго управленія, при чемъ было предложено всѣ установленныя обычаями личныя повинности раятъ въ пользу бековъ и обществъ, не вытекающія изъ поземельнаго пользованія, отмѣнить; всѣ же повинности, вытекающія изъ послѣдняго,— оцѣнить и перевести на деньги.

Въ 1901 г. на особую временную комиссію было возложено опредѣленіе границъ фактическаго землевладѣнія бековъ и зависящихъ отъ нихъ сельскихъ обществъ и собраніе необходимыхъ свѣ-

дѣній по вопросу о примѣненіи къ тѣмъ или инымъ землямъ рескрипта 6 декабря 1846 г. Комиссія эта пришла къ заключенію: 1) что беки, будучи второстепенными правителями, правъ собственности на земли управляемаго ими населенія не имѣютъ, 2) что къ укрѣпленію за беками, на основаніи рескрипта 1846 г., подлежатъ лишь тѣ земли, коими роды ихъ обладали безспорно ко времени изданія рескрипта, т. е. кутапы (усадьбы и помѣстья), и что 3) тѣмъ не менѣе необходимо вознаградить бековъ за повинности, такъ какъ онѣ допускались правительствомъ свыше полустолѣтія. (!)

Закатальскій округъ до присоединенія къ Имперіи состоялъ изъ двухъ частей: елисуйскаго султанства, съ выборнымъ правителемъ изъ султанской фамиліи, и джаро-белоканской области съ демократическимъ управленіемъ.

Покоренные лезгинами аборигены-грузины, называющіеся ингелойцами, были обложены поземельной повинностью, отбываемой въ первомъ изъ названныхъ владѣній правителю и его родственникамъ, а во-второмъ—всему лезгинскому народу, раздробившему для удобства между отдѣльными обществами, а иногда фамиліями и даже лицами, подчиненное ему населеніе. Эмигрировавшіе мѣстами въ Кахетію аборигены-ингелойцы лезгинами были замѣнены выходцами изъ сосѣднихъ мусульманскихъ провинцій, и „мугулами", на тѣхъ же условіяхъ, какъ и покоренные ингелойцы. Такимъ образомъ, повинности поселянъ властителямъ своимъ и бекамъ въ Закатальскомъ округѣ основаны вообще на правѣ побѣдителя.

Русское завоеваніе края не внесло существеннаго измѣненія во взаимоотношенія подвластныхъ поселянъ къ лезгинамъ, и такимъ образомъ *въ Закатальскомъ округѣ остались два типа зависимыхъ поселянъ: одни состоятъ въ подчиненіи лезгинскимъ обществамъ, а другіе бековъ.* Зависимость перваго рода, такъ называемыхъ поселянъ кешкельныхъ селеній состоитъ въ уплатѣ лезгинскимъ селеніямъ за вѣчное и потомственное пользованіе землею опредѣленнаго и натуральнаго оброка „кешкеля". Во всемъ остальномъ поселяне совершенно независимы отъ кешкелевладѣльцевъ, отдѣльныхъ лезгинъ или ихъ обществъ. Этотъ родъ отношеній имѣетъ мѣсто, какъ сказано, въ джаро-белоканскомъ участкѣ.

Зависимость поселянъ бекскихъ селеній бывшаго елисуйскаго султанства гораздо сложнѣе: они уплачиваютъ не только земельную повинность въ размѣрѣ отъ $1/_{10}$ до $1/_7$ урожая, но тамъ встрѣча-

ется уплата и шелкомъ, и деньгами, и такія формы личной повинности, какъ доставка беку арбъ при переѣздахъ его на дачу и т. п.

Мѣры къ уничтоженію зависимости поселянъ въ Закатальскомъ округѣ выразились въ томъ, что дѣйствовавшая тамъ сословно-земельная комиссія составила въ 1874 г. проектъ поземельнаго устройства этихъ поселянъ, въ основаніе котораго былъ положенъ выкупъ поселянами земель у бековъ и кешкелевладѣльцевъ, посредствомъ 6% капитализаціи повинностей, переложенныхъ на деньги. Проектъ этотъ не былъ, однако, представленъ къ утвержденію въ законодательномъ порядкѣ. Въ 1905 г. сословно-поземельная комиссія при канцеляріи Намѣстника по военно-народному управленію выработала, въ виду сходства земельныхъ отношеній Закатальскаго округа съ таковыми же плоскостныхъ округовъ Дагестанской области, общій проектъ поземельнаго устройства ихъ жителей съ признаніемъ правъ за лезгинами-кешкелевладѣльцами на вознагражденіе, взамѣнъ утраты повинностей отъ подвластныхъ нынѣ имъ поселянъ-кешкеледателей.

Проектъ этотъ, въ общихъ чертахъ, легъ въ основаніе представленнаго въ 1905 г. въ Совѣтъ Министровъ Намѣстникомъ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ проекта ликвидаціи зависимыхъ отношеній въ частяхъ военно-народнаго управленія края. Такъ какъ повинности съ раятъ установлены обычаями въ опредѣленныхъ размѣрахъ съ каждаго дыма и въ дѣйствительности бывали случаи выкупа по добровольному соглашенію съ оцѣнкой этихъ повинностей, по разсчету въ годъ отъ 50 к. до 3 р. съ дыма, то въ проектѣ признавалось справедливымъ установить выкупъ по оцѣнкѣ фактически отбываемыхъ въ настоящее время повинностей и по капитализаціи изъ 6%, установивъ, чтобы высшая норма вознагражденія для бековъ Дагестанской области и кешкелевладѣльцевъ Закатальскаго округа не превышала 50 р. на наличный дымъ. Что же касается бековъ Закатальскаго округа, получающихъ въ качествѣ повинностей $^1/_{10}$ и $^1/_7$ часть урожая съ раятскихъ земель, помимо личныхъ повинностей, то предположено соотвѣтственно повысить эти нормы до 75—100 р. за наличный раятскій дымъ.

Вознагражденіе бековъ и кешкелевладѣльцевъ въ Дагестанѣ и Закатальскомъ округѣ за отмѣняемыя повинности, съ примѣненіемъ вышеуказанныхъ нормъ, составитъ сумму до 1.500.000 р., такъ какъ общее число раятскихъ дымовъ, высшая норма вознагражденія

за которые будетъ составлять 50 р., равняется тамъ 28.300. Кромѣ того въ Закатальскомъ округѣ раятскихъ дымовъ, платящихъ $^{1}/_{10}$ и $^{1}/_{7}$ часть урожая, около 850, что составитъ наивысшее вознагражденіе 85.000 р. Эту сумму Намѣстникъ проектировалъ выдать владѣльцамъ за счетъ государственнаго казначейства, но Совѣтъ Министровъ, отнесшись вполнѣ сочувственно къ проекту гр. Воронцова-Дашкова, тѣмъ не менѣе, въ виду стѣсненнаго положенія государственнаго казначейства, призналъ желательнымъ направить дѣло въ законодательномъ порядкѣ, т. е. черезъ Государственную Думу.

Изъ этого описанія порядковъ въ Дагестанской области и Закатальскомъ округѣ, усматривается, что они совершенно своеобразны и не характерны для другихъ частей восточнаго Закавказья. И, значитъ, ссылаться на нихъ для освѣщенія порядковъ восточнаго Закавказья, какъ это дѣлаетъ Намѣстникъ, совершенно неосновательно.

И если, несмотря на то, что въ Дагестанѣ и Закаталахъ зависимость подвластныхъ раятъ и кешкельниковъ основывается на *голомъ насиліи* побѣдителей, и эти побѣдители никакихъ поземельныхъ правъ на земли раятъ и кешкельниковъ не имѣютъ, взимая съ нихъ, однако, только по праву сильнаго, какъ взимаютъ разбойники, поземельныя повинности,—а представитель власти — Намѣстникъ, между тѣмъ, это право сохраняетъ и проектируетъ его даже *выкупить* такъ же, какъ и въ Грузіи и восточномъ Закавказьѣ, за дорогую цѣну, то не ясно-ли, чьимъ интересамъ онъ служитъ! Ему, очевидно, во что бы то ни стало нужно доказать то, что выгодно для кавказской земельной знати. И поэтому, для него совершенно безразлично, на достаточномъ ли основаніи или безъ всякихъ юридическихъ основаній помѣщики Закавказья закабалили мѣстныхъ крестьянъ. Пусть не будетъ никакихъ основаній для поддержанія дореформенной кабалы, хотя бы въ Дагестанѣ, или для выкупа за счетъ крестьянъ Закавказья ихъ надѣловъ. Но разъ это выгодно владѣльцамъ, отчего же не уступить сильной сторонѣ?.

При такомъ безразличномъ отношеніи ко всякимъ основаніямъ, само собой понятно, никакіе аргументы не сумѣютъ разубѣдить автора „Заключеній“.

ГЛАВА X.

Установивъ нашу точку зрѣнія на сущность крестьянской реформы на Кавказѣ, какъ эта сущность выразилась въ Положеніяхъ 186⁴/₅ и 187⁰/₁ г.г., перейдемъ теперь къ исторіи попытокъ ликвидировать узаконенные этими Положеніями крѣпостническіе институты. Несмотря на вышеуказанную и всѣмъ очевидную крайне вредную роль этихъ институтовъ въ общественноэкономическомъ быту населенія Закавказья исторія ликвидаціи ихъ тянется вотъ уже около пятидесяти лѣтъ. Причины тому лежатъ прежде всего въ требованіи этихъ „освободительныхъ" Положеній, что порвать свою зависимость отъ помѣщика закавказскій крестьянинъ не можетъ безъ согласія владѣльца. А такъ какъ, какъ доказано выше, помѣщикамъ было выгодно поддерживать пореформенное положеніе, то они въ рѣдкихъ случаяхъ шли на встрѣчу освободительнымъ стремленіямъ своихъ крестьянъ, и не соглашались на выкупъ ихъ надѣловъ. Второй причиной замедленія ликвидаціи обязательныхъ отношеній были установленныя правилами о выкупной операціи ограниченія манифеста 19 февраля. Такъ напр. выкупныя ссуды въ Грузіи не простирались на сады, отрѣзки, пастбища и лѣса, а въ восточномъ Закавказьѣ правительство вовсе отказалось отъ выдачи ссудъ, такъ что здѣсь крестьяне могутъ выкупать надѣльную землю только на собственныя средства, при чемъ выкупная сумма должна быть уплачена поселянами владѣльцу немедленно или, съ особаго разрѣшенія, не болѣе, какъ въ теченіе одного года.

Затѣмъ законъ 28 Декабря 1881 года объ обязательномъ выкупѣ не былъ распространенъ на Закавказье.

Далѣе самый размѣръ выкупныхъ ссудъ былъ, по мнѣнію помѣщиковъ, не достаченъ (30—60 на дес.). Наконецъ,—удерживали крестьянъ отъ ликвидаціи зависимыхъ отношеній и „дворянскія" тенденціи въ дѣятельности мировыхъ посредниковъ, въ руки которыхъ была передана выкупная операція въ Грузіи.

„Будучи мѣстными помѣщиками, говорится въ „Матеріалахъ" Сосновскаго (стр. 197), мировые посредники не всегда въ достаточной мѣрѣ ограждаютъ интересы крестьянъ, а, наоборотъ, дѣйствуютъ скорѣе въ интересахъ владѣльцевъ, напр., для назначенія ссудъ въ высшемъ размѣрѣ относятъ неполивныя земли... къ разряду поливныхъ". Было, конечно, не мало и другихъ причинъ въ

родѣ неразмежеванности земель въ краѣ, малой его изслѣдованности, бѣдности крестьянъ и т. п. Но всѣ эти причины не помѣшали бы болѣе быстрой ликвидаціи крѣпостного права, если бы въ помощь имъ и въ угоду помѣщикамъ не пришла пресловутая бюрократическая волокита. Классическимъ образчикомъ ея служитъ слѣдующая исторія. По Положенію 1864 г. (а затѣмъ и 1870 г.) кавказскому начальству предоставлялось выработать данныя и установить правила для переложенія натуральной повинности въ денежный оброкъ, по капитализаціи котораго изъ 6% долженъ былъ совершаться выкупъ надѣловъ.

Кавказская администрація приступила къ выработкѣ названныхъ правилъ еще въ $187^2/_3$ г., но лишь спустя 12 лѣтъ, 30 іюня 1885 г. представила Министру В. Д. для внесенія въ Гос. Совѣтъ на утвержденіе. Здѣсь правила встрѣтили рѣзкую критику и были возвращены обратно въ Тифлисъ... въ 1897 году!..

При такомъ темпѣ работъ бюрократіи, мѣстные крестьяне еще очень долго оставались бы въ зависимомъ положеніи, пользуясь благами „освободительной“ реформы Но... тутъ произошли совершенно неожиданныя для помѣщиковъ событія. Освободительное движеніе нашло весьма благопріятную почву на Кавказѣ и скоро охватило рабочій классъ и крестьянство. Подъ вліяніемъ быстро растущаго народнаго движенія настроеніе мѣстнаго общества и администраціи измѣнилось въ пользу скорѣйшаго осуществленія въ числѣ прочихъ и аграрной реформы. Уже кн. Голицынъ въ своей всеподданнѣйшей запискѣ 1902 г. ставитъ эту реформу на первую очередь, указывая на тѣ осложненія, какія создаются въ отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами существованіемъ сохраненныхъ реформой крѣпостническихъ пережитковъ.

Отношеніе мѣстнаго общества къ этимъ пережиткамъ сказалось въ постановленіяхъ Комитетовъ Особаго Совѣщанія о нуждахъ с.-хоз. промышленности $190^2/_3$ г.г., большинство коихъ сводится къ требованію немедленнаго распространенія на Закавказье закона 1881 г. объ *обязательномъ* выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ, на тѣхъ основаніяхъ, какъ это было во внутреннихъ губерніяхъ Россіи.

Помѣщики, однако, выразили протестъ противъ этихъ постановленій, требуя выкупа по *современной* цѣнности земель...

Что касается революціонныхъ партій с.-д. и „Дашнакцутюнъ“, — то требованіе немедленной ликвидаціи обязательныхъ отношеній

было положено въ основу ихъ программъ съ самаго момента возникновенія этихъ партій.

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, канцелярія Главноначальствующаго повела подготовительныя работы по ликвидаціи обязательныхъ отношеній ускореннымъ темпомъ.

Въ 1904 году—въ іюнѣ мѣсяцѣ состоялось нѣсколько засѣданій Совѣта Главноначальствующаго въ усиленномъ составѣ (но, конечно, безъ участія представителей крестьянъ). Здѣсь были подвергнуты обсужденію правила о переложеніи на деньги натуральральныхъ повинностей, составленныя еще въ 1885 г., и выработаны общія основанія проэкта ликвидаціи обязательныхъ отношеній на Кавказѣ посредствомъ выкупа въ собственность надѣльныхъ земель временно-обязанными крестьянами и зависимыми поселянами въ Тифлис., Кутаис., Елизав., Бакин. и Эриван. губерніяхъ.

Сущность этого проэкта, называемаго не точно Голицынскимъ, сводится къ слѣдующему:

1. Настоящее Положеніе распространяется только: а) на временно обязанныхъ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ и б) на государственныхъ поселянъ, водворенныхъ на земляхъ лицъ высшаго мусульманскаго сословія и меликовъ изъ армянъ, а равно и лицъ, не имѣющихъ права владѣть населенными имѣніями, въ губерніяхъ: Елисаветпольской, Бакинской, Эриванской и части Тифлисской, подчиненной поселянскимъ Положеніямъ 14 мая 1870 года и 3 сентября 1877 года.

2. Остающіеся еще въ сихъ губерніяхъ въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ бывшіе помѣщичьи крестьяне и къ указаннымъ въ предшедшей статьѣ владѣльцамъ государственные поселяне, по истеченіи двухъ лѣтъ со дня обнародованія сего Положенія, пріобрѣтаютъ въ собственность посредствомъ обязательнаго, при содѣйствіи правительства, выкупа надѣльныя земли; *но впредь до составленія выкупныхъ актовъ* и опредѣленія выкупныхъ платежей за состоящія въ ихъ надѣлѣ земли они продолжаютъ взносить помѣщику или владѣльцу повинности на существующихъ нынѣ основаніяхъ.

3. Въ вознагражденіе помѣщиковъ и владѣльцевъ за переходящія въ собственность крестьянъ и поселянъ надѣлы назначаются къ выдачѣ выкупныя ссуды наличными деньгами изъ суммъ госу-

дарственнаго казначейства. Ссуды сіи выдаются помѣщикамъ и владѣльцамъ (или обращаются на уплату ихъ долговъ на основаніи существующихъ узаконеній) по мѣрѣ окончанія необходимыхъ для сего расчетовъ; одновременно съ симъ прекращается крестьянами и поселянами отбываніе помѣщику или владѣльцу означенныхъ въ предшедшей статьѣ повинностей.

5. Размѣръ выкупной ссуды, выдаваемой подъ пріобрѣтаемыя крестьянами и государственными поселянами земли, входящія въ составъ земельнаго надѣла, исчисляется различно, смотря по тому, отбываютъ ли крестьяне и поселяне причитающіяся съ нихъ за сей надѣлъ, въ пользу помѣщика или владѣльца, повинности денежнымъ оброкомъ или земными произведеніями, скотомъ и домашними издѣліями.

6. Когда повинности отбываются крестьянами и поселянами за земельный надѣлъ, *на основаніи уставной грамоты*, или по особому соглашенію, денежнымъ оброкомъ, то въ основаніе для опредѣленія размѣра выкупной ссуды принимается *годовой оброкъ*, назначенный по той грамотѣ, или соглашенію; годовой сей оброкъ капитализируется изъ шести процентовъ, т. е., помножается на шестьнадцать и двѣ трети. Исчисленная на семъ основаніи сумма составляетъ размѣръ выкупной ссуды, подлежащей выдачѣ помѣщику или владѣльцу, если она не превышаетъ высшихъ размѣровъ выкупныхъ ссудъ, опредѣленныхъ въ семъ Положеніи за соотвѣтственныя угодья; въ противномъ же случаѣ помѣщикъ или владѣлецъ обязанъ по всѣмъ угодьямъ, превысившимъ означенный размѣръ, ограничиться высшими нормами выкупныхъ ссудъ по сему Положенію за эти роды угодья.

7. Когда повинности отбываются крестьянами и поселянами за земельный надѣлъ, на основаніи уставной грамоты, частію денежнымъ оброкомъ, частію земными произведеніями или скотомъ, то часть ссуды, которая соотвѣтствуетъ оброку, исчисляется согласно предшедшей статьѣ, остальная же часть ссуды, соотвѣтствующая повинности земными произведеніями (гала, малджагатъ, или багра, мюлькъ и дагьекъ), скотомъ и домашними произведеніями опредѣляется на основаніи нижеслѣдующихъ статей.

8. Для опредѣленія размѣровъ выкупной ссуды *полевыя* крестьянскія и поселянскія земли въ каждомъ имѣніи раздѣляются на отдѣльные разряды по качеству почвы и по урожайности. Вы-

купная ссуда опредѣляется: въ Тифлисской губерніи, за исключеніемъ нагорныхъ частей Горійскаго и Душетскаго уѣздовъ, а равно и въ Кутаисской губерніи, за исключеніемъ нагорныхъ имѣній Рачинскаго уѣзда, за десятину полевой земли высшаго разряда *крестьянскаго* надѣла не *свыше 80 руб.* и низшаго разряда не ниже 26 руб. 66 коп.; въ Борчалинскомъ, Ахалцихскомъ и Ахалкалакскомъ уѣздахъ, Тифлисской губерніи, въ Елисаветпольской и Бакинской губерніяхъ за земли *поселянскаго* надѣла за десятину высшаго разряда полевой не болѣе 45 руб. и низшаго не менѣе 6 р., и въ Эриванской губерніи за десятину высшаго разряда не свыше 60 руб. и низшаго не менѣе 8 руб.

9. Между двумя этими крайними разрядами устанавливаются Губернскимъ по крестьянскимъ или поселянскимъ дѣламъ Присутствіемъ по достоинству надѣльныхъ земель переходные разряды цѣнъ.

11. *Усадебная* земля въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Тифлисской и Кутаисской губерній выкупается крестьянами: или по той капитальной цѣнѣ, которая назначена за нее по уставной грамотѣ, или же, если въ этой послѣдней цѣна не установлена, то согласно ст. 6 и 7, по капитализаціи изъ 6% денежнаго за эту землю оброка.

12. Усадебная поселянская земля во всѣхъ имѣніяхъ въ губерніи Эриванской, въ бекскихъ имѣніяхъ въ Кубинскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи, и въ имѣніяхъ лицъ, не принадлежащихъ къ высшему сословію, въ губерніяхъ Елисаветпольской, Бакинской и Тифлисской, укрѣпляются за поселянами, при выкупѣ ими прочихъ надѣльныхъ угодій, — на правѣ собственности безъ всякой платы владѣльцу.

13. Выкупная ссуда за предоставленные крестьянамъ и поселянамъ по уставнымъ грамотамъ *сады* виноградные и фруктововиноградные устанавливается за десятину: въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Тифлисской и Кутаисской губерній, за исключеніемъ въ этой послѣдней виноградныхъ садовъ — маглари, не свыше 200 руб. [*]); во владѣльческихъ имѣніяхъ Эриванской губерніи 88 руб. 83 коп., и въ бекскихъ, и агаларскихъ имѣніяхъ Елисаветпольской, Бакинской и Тифлисской губерній 66 рус. 66 коп. Въ имѣніяхъ лицъ,

---

*) По мнѣнію меньшинства Членовъ Совѣта 166 руб. 66 коп.

не принадлежащихъ къ высшему сословію, сады, разведенные въ чертѣ усадебной осѣдлости, а равно и сады, существовавшіе въ сихъ послѣднихъ имѣніяхъ до 18 октября 1879 г., укрѣпляются за поселянами, при выкупѣ ими прочихъ надѣльныхъ земель, — на правѣ собственности безъ всякой платы владѣльцу.

Примѣчаніе. Помѣщикамъ и крестьянамъ Тифлисской и Кутаисской губерній предоставляется, со дня изданія сего Положенія, произвести, въ теченіе двухъ лѣтъ, добровольный раздѣлъ крестьянскихъ надѣльныхъ, по уставной грамотѣ, садовъ, съ присвоеніемъ правъ полной собственности на доставшуюся такимъ образомъ каждой сторонѣ долю сада.

18. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Тифлисской губерніи, за исключеніемъ нагорныхъ частей Горійскаго и Душетскаго уѣздовъ, а равно и въ Кутаисской губерніи, за исключеніемъ нагорныхъ частей Рачинскаго уѣзда, пользованіе крестьянъ *лѣсными матеріалами* (какъ-то: таркальникомъ, сошками, жердями, колючками и пр.) для виноградныхъ и иныхъ садовъ, *прекращается* съ переводомъ крестьянъ на обязательный выкупъ.

16. Пользованіе со стороны крестьянъ въ предѣлахъ помѣщичьихъ земель, за исключеніемъ означенныхъ въ предшедшей статьѣ нагорныхъ частей Горійскаго и Душетскаго уѣздовъ и нагорныхъ имѣній Рачинскаго уѣзда, а равно и пользованіе со стороны поселянъ въ предѣлахъ владѣльческихъ, — *выгонами и мѣстами для пастьбы* оставляется, послѣ совершенія выкупа, на существующихъ доселѣ основаніяхъ.

21. Въ тѣхъ владѣльческихъ имѣніяхъ, въ коихъ *поселяне* пользовались въѣздомъ во владѣльческіе лѣса, такое пользованіе остается за ними и послѣ выкупа на обычномъ основаніи, согласно ст. 562 Полож. крест. влад., изд. 1902 года.

22. На существовавшихъ до сего Положенія основаніяхъ оставляется и общее, гдѣ оно есть, пользованіе какъ крестьянъ и помѣщиковъ, такъ и поселянъ и владѣльцевъ, — водопоемъ, съ тѣми обязанностями помѣщиковъ и владѣльцевъ по устройству особыхъ водопоевъ для крестьянъ и поселянъ, какія возложены на нихъ по этому предмету закономъ.

24. Остальные *сервитуты* какъ крестьянъ и поселянъ на помѣщичьихъ и владѣльческихъ земляхъ, такъ равно помѣщиковъ

и владѣльцевъ на крестьянскихъ и поселянскихъ земляхъ, со времени утвержденія выкупного акта, *отмѣняются* навсегда; и вмѣстѣ съ тѣмъ прекращается навсегда отбываніе со стороны крестьянъ и поселянъ повинностей помѣщикамъ и владѣльцамъ, за исключеніемъ означенныхъ въ ст. 19—22.

25. Выкупу подлежитъ надѣльная земля, заключающаяся въ границахъ, указанныхъ уставною грамотою или дополненіемъ къ ней; въ случаѣ же отсутствія или неисправности этихъ актовъ пространство и границы выкупаемой надѣльной земли опредѣляются по дѣйствительному владѣнію крестьянъ или поселянъ.

Примѣчаніе. Уменьшеніе крестьянскаго или поселянскаго надѣла по требованію помѣщика или владѣльца, при обязательномъ выкупѣ, не допускается ни въ какомъ случаѣ.

26. Помѣщичьи крестьяне Тифлисской губерніи, за исключеніемъ нагорныхъ частей Горійскаго и Душетскаго уѣздовъ, а равно и помѣщичьи крестьяне Кутаисской губерніи, за исключеніемъ нагорныхъ имѣній Рачинскаго уѣзда, вправѣ отказаться отъ выкупа, по своему выбору, доли полевого надѣла, причитающейся на дымъ сверхъ *коренного* участка, составляющаго: въ губерніи Тифлисской для поливныхъ земель *двѣ съ половиною* десятины и для неполивныхъ *пять* десятинъ, а въ губерніи Кутаисской—одну десятину тысячу двѣсти кв. саж. безъ различія качества земли.

27. Владѣльческіе поселяне, подчиненные Положеніямъ 1870, 1877 и 1883 г.г., могутъ отказаться отъ выкупа полевой надѣльной земли, причитающейся имъ по уставной грамотѣ сверхъ пяти десятинъ на душу мужского пола, но съ тѣмъ, чтобы чрезъ это земля, утвержденная за поселянскимъ обществомъ уставною грамотою, не была уменьшена болѣе, какъ на одну шестую часть.

28. Въ случаѣ, еслибы, до времени введенія въ дѣйствіе сего Положенія, обнаружилось, что въ нѣдрахъ надѣльной земли содержатся цѣнныя ископаемыя,—помѣщику или владѣльцу предоставляется обмѣнять эту землю на равные, по достоинству, участки, по правиламъ, изложеннымъ въ ст. 292 293 Полож. крест. влад., изд. 1902 года.

29. Находящіеся среди крестьянскихъ и поселянскихъ угодій, неспособные ни къ пашнѣ, ни къ сѣнокошенію, ни вообще къ воздѣлыванію—пески, болота, каменистые и глинистые овраги и тому

подобныя пространства, а равно улицы, проѣзжіе проулки и дороги, при выкупѣ остальныхъ земель крестьянами или поселянами, укрѣпляются за ними безъ всякой платы помѣщику или владѣльцу.

31. Крестьяне и поселяне, выкупившіе на основаніи сего Положенія свои надѣльныя угодья, обязаны вносить въ казну ежегодные выкупные платежи, въ размѣрѣ по 5 коп. на рубль съ назначенной правительствомъ выкупной ссуды впредь до погашенія оной.

32. Выкупная ссуда погашается взносомъ выкупныхъ платежей въ продолженіе сорока одного года съ того срока, съ котораго она разрѣшена въ каждомъ случаѣ.

36. Составленіе выкупныхъ актовъ въ губерніяхъ Тифлисской Кутаисской, Елисаветпольской, Эриванской и Бакинской возлагается на мировыхъ посредниковъ и повѣрочныя коммиссіи.

Въ основу Голицынскаго проекта ликвидаціи обязательныхъ отношеній положено было т. обр. начало обязательнаго выкупа крестьянами своихъ надѣловъ по капитализаціи оброка, платимаго ими помѣщикамъ, изъ 6%, или если оброкъ отбывался натурою, то за опредѣленную сумму съ десятины (не свыше 80 р.).

Основаніемъ для исчисленія этой послѣдней суммы приняты были данныя о доходности земель не современной, а поступавшей помѣщикамъ *въ годы изданія положеній* $186^4/_5$ г. и $187^1/_2$ г.г. При осуществленіи изложеннаго проекта помѣщики Закавказья получили бы за выкупъ около 27.200.000 р. или по губерніямъ:

Тифлисской	$2\,876^1/_2$ т. р.
Кутаисской	4.460 т. р.
Бакинской	4.120 т. р.
Эриванской	5.537 т. р.
Елизаветпольской	$10.191^1/_2$ т. р.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на такіе огромные размѣры выкупной суммы, проектъ Голицына вызвалъ протесты со стороны владѣльцевъ. Не считаясь съ историческими условіями возникновенія зависимыхъ отношеній въ краѣ, а также съ тѣмъ обстоятельствомъ, что за долгое время „временно" обязательныхъ отношеній, затянувшихся не по винѣ крестьянъ, крестьяне давно уже переплатили помѣщикамъ стоимость надѣловъ, кавказскіе феодалы требовали, что бы надѣльныя земли были выкуплены крестьянами по современной ихъ доходности, т. е. какъ покупаются всякія другія частныя недвижимыя имущества. Кромѣ того помѣщики требовали,

что бы при исчисленіи выкупной суммы капитализировался не одинъ, а *двойной* годовой оброкъ, на томъ основаніи, что крестьяне обрабатываютъ ежегодно будто бы половину надѣла...

Было предъявлено помѣщиками и много другихъ, затрудняющихъ выкупъ и ликвидацію крѣпостного права требованій. Вслѣдствіе чего—осуществленіе проекта Голицына замедлилось...

Между тѣмъ—событія принимали все болѣе тревожный характеръ. Аграрное движеніе въ краѣ становилось грознымъ.

На всемъ пространствѣ Грузіи крестьяне стали истреблять господъ, отказываться отъ платежа повинностей и забирать владѣльческія земли... Подъ страхомъ быть растерзанными многіе помѣщики бѣжали въ города; иные добровольно отказывались отъ галы (оброка)...

Волей-неволей новому начальнику края гр. Воронцову-Дашкову съ первыхъ же дней его пріѣзда на Кавказъ пришлось заняться аграрнымъ вопросомъ.

„Только немедленная отмѣна зависимыхъ отношеній, писалъ Намѣстникъ въ своей всеподданнѣйшей запискѣ, можетъ создать почву для успокоенія въ мѣстностяхъ, охваченныхъ крестьянскими волненіями, и предупредить возможность возникновенія такихъ же волненій въ прочихъ частяхъ Кавказа" (стр. 41).

Такъ какъ всѣ данныя для законопроекта ликвидаціи зависимыхъ отношеній были уже собраны раньше, то къ концу 1905 г. онъ былъ уже въ готовомъ видѣ представленъ въ Совѣтъ Министровъ.

По своему содержанію и объему этотъ проектъ сильно разнится отъ Голицинскаго.

Помимо временнообязанныхъ крестьянъ и владѣльческихъ поселянъ, въ проэктѣ предлагается ликвидировать зависимыя отношенія кешкельниковъ Закатальскаго округа и раятъ Дагестанской области, о которыхъ мы говорили выше, а также поселянъ Эчміадзинскаго Армяно-Грегоріанскаго монастыря и друг.

Кромѣ того въ проэктѣ предлагается отмѣнить оброчную подать, платимую многочисленными на Кавказѣ *казенными* крестьянами, и передать имъ ихъ надѣльную землю въ собственность. Наконецъ, гр. Воронцовъ-Дашковъ намѣревался распространить правила объ обязательномъ выкупѣ и на такъ назыв. хизанъ. Объ этихъ послѣднихъ въ объяснительной запискѣ къ проэкту Намѣстникъ писалъ:

Въ Закавказскомъ краѣ, въ предѣлахъ Тифлисской и Кутаисской губерній, есть одинъ своеобразный родъ зависимыхъ отношеній лицъ, не состоявшихъ между собой, по закону, ни въ крѣпостныхъ, ни въ обязательныхъ отношеніяхъ, это хизанство.*) Сложилось оно въ предѣлахъ Грузіи, Имеретіи, Гуріи и Мингреліи еще задолго до присоединенія ихъ къ Имперіи. Сущность этого обычнаго права состояла въ томъ, что безземельный крестьянинъ, съ согласія землевладѣльца, селился въ его имѣніи навсегда, при чемъ послѣдній предоставлялъ этому крестьянину въ его пользованіе въ извѣстныхъ границахъ землю на добровольныхъ, разъ навсегда, заключенныхъ между ними, условіяхъ, съ нѣкоторыми, впрочемъ, льготами на первые годы устройства хизана; размѣръ этихъ льготъ опредѣлялся въ обратно пропорціональномъ отношеніи къ качеству и культурному состоянію предоставленной хизану земли, т. е. чѣмъ земля была хуже, тѣмъ льготы для хизана были значительнѣе. Въ случаѣ ликвидаціи такихъ безсрочныхъ отношеній, виновникъ разрыва обязывался уплатить другой сторонѣ вызванный этимъ ущербъ; такъ напр. хизанъ, прекратившій пользованіе землей помѣщика, оставляетъ въ его пользу свои постройки, часть скота и т. д. Возникновеніе такого земельнаго института объяснялось взаимно выгодными по тому времени условіями его для обѣихъ сторонъ. При крѣпостномъ правѣ помѣщикъ, имѣвшій много земли, но мало крестьянъ, былъ обреченъ на бездоходность значительной части имѣнія: своихъ крѣпостныхъ у него было недостаточно для обработки всей земли, а чужіе крестьяне работали на своихъ помѣщиковъ; свободныхъ крестьянъ, которые могли бы дать необходимый контингентъ арендаторовъ или наемныхъ работниковъ было тоже мало. Къ тому же сдача земли въ краткосрочную аренду, или обработкѣ ея наемнымъ трудомъ, затруднялась тогда постоянно безпокойнымъ, почти безпрерывнымъ военнымъ временемъ, когда вторженіе непріятеля могло въ одинъ день уничтожить трудъ арендатора или плоды наемнаго труда и такимъ образомъ арендовать землю при такихъ условіяхъ на одинъ или два года, или же тратить свои средства на обработку—было рисковано. Вотъ почему для помѣщика сдача въ вѣчное пользованіе свободной, некультивируемой, за недостаткомъ своей рабочей силы, земли представляла тогда прямыя выгоды: онъ

*) „Хизанъ" въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: пріютившійся.

пріобрѣталъ въ лицѣ хизана какъ бы новаго для себя крестьянина и тѣмъ самымъ уже повышалъ цѣнность и постоянную доходность своего имѣнія. Кромѣ того, обрабатывая своими крѣпостными рабочими лучшую часть имѣнія, помѣщикъ предоставлялъ хизану такія его части, которыя своими средствами обрабатывать не стоило, а краткосрочный арендаторъ ихъ бы не взялъ. Такъ, напр., извѣстно, что хизане, какъ вѣчные арендаторы, соглашались брать такія даже земли, куда приходилось въ первое время рабочій скотъ поднимать на веревкахъ въ виду крутости склоновъ и за неимѣніемъ дороги; равнымъ образомъ они, въ разсчетѣ на вѣчное пользованіе землей, не отказывались брать и такія мѣстности, которыя требовали выкорчевыванія пней или же осушенія и т. д. Такимъ образомъ хизане были крайне полезны помѣщикамъ, какъ сила, культивирующая такія части ихъ имѣній, которыя, при тогдашнихъ условіяхъ, могли бы остаться надолго и, казалось, даже навсегда совершенно неиспользованными. Но съ другой стороны этотъ же хизанскій обычай былъ выгоденъ и для безземельнаго крестьянина: онъ изъ безпріютнаго становился прочнымъ постояннымъ хозяиномъ и, не теряя своей личной свободы, получалъ въ вѣчное потомственное пользованіе землю за непрестанно одинаковую плату, такъ что вложенный имъ, хотя бы и чрезмѣрный иногда, въ нее трудъ шелъ на пользу его, его дѣтей и вообще его потомства, а не на пользу только помѣщика. Но едва совершилась крѣпостная реформа, какъ это положеніе измѣнилось кореннымъ образомъ: то, что прежде для помѣщика было богатствомъ его крестьяне (даровая рабочая сила), теперь стало бременемъ: чѣмъ больше было крестьянъ, тѣмъ больше имъ должно быть отдано земли въ надѣлъ, и наоборотъ: то, что прежде не имѣло цѣны пустопорожняя свободная земля, стало теперь особенно дорого. Этому перенесенію цѣнности имѣнія съ крестьянъ на землю здѣсь содѣйствовало и то обстоятельство, что крѣпостная реформа, какъ выше упомянуто, дала значительное количество малоземельныхъ и даже совсѣмъ безземельныхъ крестьянъ(!) Естественно, что всѣ эти люди, жившіе прежде только землею и умѣвшіе обрабатывать только ее, должны были взять ее въ аренду, какія бы условія ни предлагали. Вслѣдствіе этого арендныя земельныя цѣны быстро возрасли, сдача земли за $^1/_{10}$ или даже $^1/_{20}$ часть урожая сейчасъ же исчезла и земли арендовались уже за $^1/_5$, а вскорѣ и за половину урожая. Хизанство при такомъ порядкѣ сразу

стало невыгоднымъ для помѣщиковъ и они, пользуясь тѣмъ, что русскими законами не допускается безсрочная аренда, начали выселять хизанъ изъ своихъ имѣній по суду. Такое выселеніе, постоянно усиливаясь, продолжалось до 1876 года и достигло такого напряженія, что бывшій Намѣстникъ Кавказскій пріостановилъ его своею властью, предложивъ мѣстнымъ крестьянскимъ учрежденіямъ собрать данныя объ этомъ обычаѣ и выработать проэктъ разрѣшенія вопроса о земельномъ ихъ устройствѣ. Собраніе такихъ данныхъ затруднилось тѣмъ, что характерной особенностью хизанскихъ отношеній было отсутствіе, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, какихъ либо письменныхъ договоровъ; несомнѣнные хизане, жившіе потомственно цѣлыми десятками лѣтъ на одной и той же землѣ, на однихъ и тѣхъ же условіяхъ, не имѣли, однако, какихъ бы то ни было документальныхъ данныхъ объ этомъ, и лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ встрѣчались иногда неоформленныя записки по этому предмету. Такая работа исполнена была въ 1883 году; затѣмъ она была сообщена въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ 1884 году и разрѣшилась закономъ 3 Іюня 1891 года, коимъ всѣ крестьяне земледѣльцы, водворившіеся въ частно-владѣльческихъ имѣніяхъ со дня изданія этого закона и не состоявшіе въ срочныхъ договорныхъ отношеніяхъ съ ними, были признаны хизанами; затѣмъ, по силѣ этого закона, за сими людьми сохранялась земля, въ границахъ дѣйствительнаго ихъ пользованія, за прежнія повинности помѣщику, при чемъ, въ случаѣ ликвидаціи этихъ отношеній по требованію послѣдняго, хизане получали право на двойное вознагражденіе со стороны помѣщика за всѣ свои постройки, хозяйственныя обзаведенія, за сдѣланныя хизаномъ улучшенія и т. д., т. е., хизане были укрѣплены этимъ закономъ такъ прочно, что выселеніе ихъ по требованію помѣщика составляло неосуществимое право послѣдняго. Эти обстоятельства вызвали всеподданнѣйшее ходатайство со стороны дворянства Тифлисской губерніи о пересмотрѣ хизанскаго положенія, при чемъ *осуществленіе требованій дворянства, выраженныхъ въ этомъ* ходатайствѣ, *практически повело бы къ полному обездоленію хизанъ.*

Произведенный, однако, по Высочайшему соизволенію, пересмотръ этого закона повелъ къ тому, что при ликвидаціи отношеній, по требованію помѣщика, было установлено одинарное вознагражденіе за постройки и насажденія, какъ это было установлено и са-

мымъ обычаемъ, вмѣсто вознагражденія двойного, не имѣвшаго оправданія въ существѣ этого обычая.

Что касается *государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ*, то до послѣдняго времени эти крестьяне пользовались землею не по опредѣленному надѣлу, а по установившемуся обычаю, почему землепользованіе ихъ было *крайне неравномѣрно* и чрезвычайно колебалась въ разныхъ селеніяхъ отъ 1/2 десятины до 60 десятинъ на дворъ.

Проектъ поземельнаго устройства казенныхъ крестьянъ былъ выработанъ на мѣстѣ въ 1896 году и въ 1898 году разсмотрѣнъ въ Высочайше учрежденной, подъ предсѣдательствомъ Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, комиссіи. Этой послѣдней было признано необходимымъ выработать нормы надѣловъ для полосъ высокогорной, средней нагорной и низменной, соотвѣтственно почвеннымъ и климатическимъ условіямъ данной мѣстности, удобствамъ для орошенія и близости къ мѣстамъ сбыта продуктовъ,-съ правомъ отрѣзки излишней земли противъ нормы въ тѣхъ случаяхъ, когда надѣлы не были отведены по планамъ. Эта работа, по порученію Министра Земледѣлія, и была выполнена Уполномоченнымъ его на Кавказѣ, Я. С. Медвѣдевымъ, при чемъ, по этому послѣднему проекту, величина надѣла опредѣлялась въ зависимости отъ доходности земли того или другого района, отъ 0,5 дес. до 6 дес. на душу. При этомъ для приведенія проекта въ исполненіе предполагалось выселеніе малоземельныхъ селеній. По расчетамъ Уполномоченнаго, за надѣленіемъ всѣхъ казенныхъ крестьянъ, по его проекту, землею, оставалось бы свободныхъ казенныхъ земель до 600,000 десятинъ, которыя могли бы служить фондомъ для переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній.

Проектъ этотъ, однако, не былъ принятъ, и 1 мая 1900 года были утверждены правила о главныхъ основаніяхъ поземельнаго устройства государственныхъ поселянъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ въ губерніяхъ Закавказья (ст. ст. 93—105 Полож. крест. казен.). На основаніи этихъ правилъ, во владѣніе крестьянъ (ст. ст. 96—97) отводятся всѣ земли и угодья, находящіяся издавна въ *ихъ дѣйствительномъ безспорномъ пользованіи* (т. е. узаконялась существующая крайняя неравномѣрность распредѣленія надѣльной земли.)

За эти земли крестьяне обязаны ежегодно вносить государственную оброчную подать, замѣнившую прежнюю подымную.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу, на какихъ основаніяхъ можетъ быть произведена отмѣна обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, Намѣстникъ приходитъ къ заключенію, что выкупъ надѣловъ, съ возложеніемъ на крестьянъ уплаты выданной ссуды за надѣлы въ формѣ выкупныхъ платежей, не можетъ быть осуществленъ уже потому, что, за воспослѣдованіемъ Высочайшаго Манифеста 3-го Ноября 1905 года, отмѣнены выкупные платежи для всѣхъ крестьянъ, земли которыхъ издавна состояли въ ихъ пользованіи, а на Кавказѣ: въ Гуріи, Имеретіи, Мингреліи и Грузіи крестьяне по отношенію къ землѣ имѣютъ тѣ же права, что и коренное населеніе русскихъ губерній; что же касается губерній Эриванской, Елисаветопольской, Бакинской, части Тифлисской, Дагестана и Закатальскаго округа, то тамъ поселяне до воспослѣдованія Высочайшаго указа 6 Декабря 1846 года, несмотря на то, что земля, по мусульманскимъ понятіямъ, принадлежитъ государству, являлись фактически владѣльцами земли (!) и не были ограничены ни чѣмъ въ ея распоряженіи, уплата же повинностей въ пользу бековъ и агаларовъ не была оброкомъ имъ, какъ владѣльцамъ земли, а государственнымъ поземельнымъ налогомъ въ уплату бекамъ и агаларамъ за ихъ административно-полицейскія функціи.

Кромѣ того, съ точки зрѣнія крестьянъ Закавказья, переходъ ихъ съ повинностей въ пользу помѣщиковъ на выкупъ былъ бы принятъ ими, какъ мѣра по отношенію къ нимъ въ высшей степени несправедливая, такъ какъ для крестьянъ совершенно безразлично, кому уплачивали они повинности, а за время существованія обязательныхъ отношеній они деньгами и долями урожая внесли, переводя все на деньги, суммы, *превышающія* выкупные платежи внутреннихъ губерній. Насколько высокой являлась уплата повинностей долями урожая, доказывается тѣмъ, что, при переводѣ этой повинности (багры и малджегата) на деньги для опредѣленія выкупной стоимости земли,—всѣ работы въ этомъ направленіи, начиная съ 1873 года, дали такую несообразно высокую стоимость за десятину, что пришлось отказаться отъ этого способа.

То обстоятельство, что крестьяне не перешли на выкупъ, не можетъ имъ быть поставлено въ вину, такъ какъ безъ согласія помѣщиковъ они въ предѣлахъ Тифлисской и Кутаисской губерніи

не могли этого сдѣлать, а въ остальныхъ губерніяхъ этотъ переходъ, какъ выше объяснено, (!) былъ фактически невозможенъ, такъ какъ онъ равносиленъ былъ полному разоренію крестьянъ. Такимъ образомъ единственная (?) причина того, что обязательная выкупная операція не была своевременно проведена на Кавказѣ, падаетъ на высшія центральныя установленія, гдѣ проэкты по этому вопросу Кавказской администраціи лежали годами безъ разсмотрѣнія (проэктъ о переложеніи натуральныхъ повинностей на деньги Князя Дондукова-Корсакова, представленный въ 1885 году, былъ возвращенъ въ 1897 году).

Итакъ, какъ по существу самого дѣла, такъ и по тѣмъ острымъ отношеніямъ, которыя существуетъ въ краѣ по земельному вопросу, съ воспослѣдованіемъ Высочайшаго Манифеста 3-го Ноября 1905 года прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, съ отмѣной всякихъ повинностей въ ихъ пользу, должно совершиться *безъ перевода крестьянъ на выкупъ*, что является не уступкой требованіямъ какихъ либо крайныхъ партій, а вытекающей изъ положенія всего этого дѣла *прямою справедливостью*.

Эта мѣра прекращенія земельныхъ отношеній должна коснуться, по мнѣнію Намѣстника, и хизанъ, по слѣдующимъ основаніямъ. Въ существѣ хизанскаго обычая лежало именно отчужденіе отъ собственника главныхъ элементовъ права собственности: съ поселеніемъ хизана на своей землѣ, владѣлецъ этимъ самымъ отказывался навсегда отъ распоряженія и пользованія ею, оставляя за собой лишь право на извѣстный, разъ на всегда опредѣленный, доходъ съ этой земли. Поэтому выкупъ такого имѣнія совершенно соотвѣтствуетъ идеѣ, положенной въ основаніе хизанскаго института. Находя вмѣстѣ съ тѣмъ, что выдача вознагражденія землевладѣльцамъ за пользованіе хизанъ ихъ землей повела бы къ устройству быта послѣднихъ на совершенно прочныхъ основаніяхъ и вывела бы ихъ изъ постоянно угрожаемаго положенія, вредно отражающагося и на земельной культурѣ, Намѣстникъ находитъ крайне желательнымъ, что-бы была предпринята и въ отношеніи хизанскихъ владѣльцевъ мѣра погашенія ихъ правъ, на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ она предпринимается въ отношеніи помѣщиковъ, владѣвшихъ крѣпостными крестьянами.

Признавая такимъ образомъ необходимость немедленнаго прекращенія обязательныхъ отношеній крестьянъ и поселянъ къ помѣщикамъ и владѣльцамъ безъ перевода крестьянъ на выкупъ, Намѣстникъ находитъ, однако, что провести эту мѣру безъ уплаты помѣщикамъ и владѣльцамъ вознагражденія за утрату ими правъ на тѣ повинности, которыя вносили имъ крестьяне за отведенныя въ ихъ пользованіе надѣлы, нельзя. Хотя, какъ было выше указано, продолжительность срока уплаты этихъ повинностей, при высокомъ размѣрѣ ихъ, и является для крестьянъ основаніемъ утверждать, что ими полностью погашена стоимость надѣльной земли, тѣмъ не менѣе для помѣщиковъ и владѣльцевъ есть также полное право требовать, на основаніи законовъ, регулирующихъ прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ, уплаты имъ изъ казны вознагражденія за отходящія въ собственность крестьянъ земли, за пользованіе которыми до сего времени они получали опредѣленный доходъ въ видѣ денежной и натуральной повинности. Нельзя при этомъ не указать, что для нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ доходъ, въ видѣ повинностей съ надѣльной земли, составляетъ все ихъ достояніе въ настоящее время, такъ какъ доли собственной земли ими давно проданы, или перешли по раздѣлу въ другія руки; въ поселянскихъ же имѣніяхъ лицъ не высшаго сословія подъ надѣльныя земли отошла почти вся площадь имѣній. Что же касается размѣровъ выкупныхъ суммъ, то Намѣстникъ считалъ въ 1905 г. невозможнымъ согласиться съ вышеприведенными нормами кн. Голицына, находя, что проектъ его, обладая несомнѣнными достоинствами, не можетъ быть, однако, принятъ цѣликомъ для установленія размѣра вознагражденія помѣщикамъ въ виду того, что въ нихъ произвольно увеличена оцѣнка земли высшаго качества въ губерніяхъ Тифлисской и Кутаисской съ 60 руб., установленныхъ въ законѣ, до 80 руб., и, кромѣ того, произвольно установлены и минимальныя цѣны земель по всѣмъ губерніямъ. Къ переработкѣ этого проекта въ нѣкоторыхъ его частяхъ и согласованія высшихъ оцѣнокъ съ дѣйствующими законоположеніями, писалъ намѣстникъ, было уже приступлено въ текущемъ 1905 г.; при чемъ предполагалось внести въ этотъ законопроектъ *поразрядное* дѣленіе земель въ зависимости отъ тѣхъ мѣстныхъ условій, которыя въ отдѣльныхъ районахъ имѣютъ вліяніе на урожайность и доходность земли, какъ то: орошеніе, высота, почва и пр. Матеріалы по этому вопросу собраны

и были обсуждены на мѣстахъ, но еще вполнѣ не разработаны, равно какъ не обслѣдованъ еще окончательно и вопросъ о пастбищахъ и лѣсныхъ сервитутахъ. Между тѣмъ, какъ выше было выяснено, вопросъ объ обязательныхъ отношеніяхъ требуетъ *немедленнаго* разрѣшенія; вопросъ же о размѣрахъ и способахъ вознагражденія помѣщиковъ и владѣльцевъ за надѣльныя земли *не имѣетъ столь неотложнаго характера и можетъ быть разрѣшенъ установленнымъ законодательнымъ порядкомъ* чрезъ Государственную Думу. Однако, во избѣжаніе тревоги и опасенія со стороны помѣщиковъ и владѣльцевъ, что они останутся безъ вознагражденія, а также чтобы предупредить чрезмѣрныя ихъ требованія, было бы крайне желательно одновременно съ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній установить тѣ начала, на которыхъ долженъ быть составленъ законопроектъ объ указанномъ вознагражденіи. Такими началами могли бы служить высшія нормы оцѣнокъ для Тифлисской и Кутаисской губерніи въ 60 руб., какъ установленныя въ нынѣ дѣйствующемъ законѣ; та же норма могла бы быть принята и для Эриванской губ., на основаніи примѣчанія къ ст. 622 Полож. и прав. Зак., гдѣ оцѣнка бостанной (огородной) земли по разсчету оброка въ 80 коп. за 540 кв. саж., при капитализаціи изъ 6%, даетъ 60 руб. Цѣна эта, по сравненію съ установленной для Тифлисской губерніи въ законѣ, является правильной, такъ какъ, хотя повинности, которыхъ лишается владѣлецъ при прекращеніи обязательныхъ отношеній, въ Эриванской губерніи составляютъ $^4/_{30}$ урожая, а въ Тифлисской $^1/_4$, но земли поливныя высшаго качества (къ каковымъ и относятся огороды) въ ней болѣе доходны, чѣмъ въ Тифлисской губерніи, въ виду того, что на нихъ производится въ обширныхъ размѣрахъ культура цѣнныхъ растеній—хлопка и риса. Для губерніи Елисаветпольской, Бакинской и поселянскихъ имѣній Тифлисской губерніи наивысшая норма вознагражденія за десятину, соотвѣтственно меньшему размѣру повинностей на одну четвертую часть (въ Эриванской губерніи четыре тридцатыхъ, а въ другихъ три тридцатыхъ), должна опредѣлиться на $^1/_4$ менѣе, т. е., въ 45 руб. Эти нормы въ 60 и 45 руб., какъ высшее вознагражденіе за лучшія земли, должны быть поставлены основными началами для законопроекта, который долженъ установить разрядныя оцѣнки земель и детально разработать всѣ подробности вознагражденія, а равно и начала разверстки пастбищныхъ и лѣсныхъ сервитутовъ.

Что же касается повышенной оцѣнки садовъ и виноградниковъ, то необходимо сказать, что затраты на разведеніе виноградника (не считая, конечно, земли подъ нимъ), по мнѣнію спеціалистовъ, окупаются въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Со времени же надѣленія крестьянъ землею прошло уже 40 лѣтъ. Слѣдовательно, всѣ надѣльные сады, разведенные къ тому же нѣкогда трудами самихъ крестьянъ, нужно считать теперь вполнѣ окупившимися для помѣщика даже въ томъ случаѣ, если нормальную доходность виноградника признать равной половинѣ урожая. Съ этой принципіальной точки зрѣнія, безъ всякаго сомнѣнія, выкупная стоимость полевыхъ земель и виноградниковъ должна быть одинакова.

Затѣмъ, что касается Дагестана и Закатальскаго округа, то, общія основанія ликвидаціи здѣсь зависимыхъ отношеній кешкельниковъ и раятъ, по проекту Намѣстника 1905 г., нами уже приведены были выше.

Переходя къ вопросу о томъ, какая сумма потребуется изъ казны на вознагражденіе помѣщикамъ за надѣльныя земли крестьянъ и поселянъ губерній гражданскаго управленія, необходимо, по мнѣнію Намѣстника, имѣть въ виду, что на основаніи расчетовъ, произведенныхъ Совѣтомъ Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ въ 1904 году, съ прибавкой $^{2}/_{5}$ къ общей суммѣ десятинъ по даннымъ уставныхъ грамотъ, въ виду того, что количество земли не всегда опредѣлено въ нихъ правильно и большею частью уменьшено, сумма эта опредѣляется въ 27.400.000 рублей, причемъ въ расчетахъ Совѣта для оцѣнки, какъ было выше сказано, приняты болѣе высокія нормы, почему означенная сумма должна быть достаточной и для выкупа на нее имѣній Эчміадзинскаго монастыря.

Переходя къ вопросу о вознагражденіи мюлькодаровъ Эриванской губерніи за присвоенное имъ пожизненное право на тіульныя повинности, въ размѣрѣ $^{3}/_{20}$ урожая, нельзя не признать, что о выкупѣ этого права какъ права, прекращающагося со смертью владѣльца, не можетъ быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что большинство тіулистовъ уже находится въ преклонномъ, свыше 60-лѣтнемъ, возрастѣ. Очевидно, въ данномъ случаѣ, вмѣсто означенной натуральной повинности, имъ должно быть присвоено право на ежегодное денежное вознагражденіе.

По вышеизложеннымъ соображеніямъ Намѣстникъ признавалъ *безусловно необходимымъ*, чтобы Именнымъ Высочайшимъ указомъ были преподаны слѣдующія мѣры:

I. Крестьянамъ и государственнымъ поселянамъ, остающимся въ обязательныхъ или зависимыхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ, владѣльцамъ, къ сельскимъ лезгинскимъ обществамъ и къ отдѣльнымъ членамъ послѣднихъ, и къ хизанамъ Тифлисской и Кутаисской губерній, предоставить права собственности съ 1-го января 1906 года на состоящія въ ихъ пользованіи земли въ границахъ, указанныхъ въ уставныхъ грамотахъ и хизанскихъ протоколахъ, а въ Дагестанской области по хозяйственнымъ планамъ, провѣреннымъ особой комиссіей въ 1901 году, при отсутствіи же или неточности означенныхъ актовъ, въ границахъ дѣйствительнаго издавнаго ихъ пользованія: съ прекращеніемъ съ того же 1-го января 1906 года, какъ всѣхъ упомянутыхъ обязательныхъ или зависимыхъ отношеній этихъ людей, такъ и съ отмѣной, въ силу сего, отбыванія ими, а равно и хизанами, въ пользу помѣщиковъ, владѣльцевъ, сельскихъ кешкельныхъ лезгинскихъ обществъ и отдѣльныхъ ихъ членовъ, всякаго рода повинностей, и съ обложеніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ того же 1-го января 1906 года сихъ крестьянъ, поселянъ и хизанъ за означенныя земли казенными и земскими сборами на общемъ основаніи съ частновладѣльческими землями.

II. Сохранить за крестьянами и государственными поселянами, означенными въ статьѣ I, а равно и хизанами, *сервитутныя* ихъ пользованія пастбищами и лѣсомъ на земляхъ помѣщичьихъ и владѣльческихъ, а также и пользованія сего рода на земляхъ крестьянъ, поселянъ и хизанъ на существующихъ основаніяхъ, впредь до особаго о семъ распоряженія.

III. Государственнымъ поселянамъ, поселеннымъ на земляхъ Эчміадзинскаго Армяно-Григоріанскаго монастыря, отвести надѣлъ изъ земель означеннаго монастыря по правиламъ 14 мая 1870 года, съ предоставленіемъ этого надѣла въ собственность крестьянъ и съ освобожденіемъ ихъ отъ всякихъ личныхъ, натуральныхъ и денежныхъ повинностей въ пользу монастыря, обложивъ эту поселянскую землю казенными и земельными сборами на общемъ основаніи съ частновладѣльческими землями.

IV. Уменьшить съ 1-го января 1906 года на половину выкупные платежи съ крестьянъ Закавказскаго края, состоящихъ на

выкупъ, а съ 1-го января 1907 года взиманіе платежей вовсе прекратить, обложивъ ихъ съ 1-го января 1907 года за земли, означенныя въ выкупныхъ актахъ, казенными и земскими сборами на общемъ основаніи съ частновладѣльческими имѣніями.

V. Уменьшить съ 1-го января 1906 года на половину оброчную подать, отбываемую государственными крестьянами и поселянами, водворенными въ Кавказскомъ краѣ на казенной землѣ, а съ 1-го января 1907 года взиманіе этихъ сборовъ вовсе прекратить, предоставивъ государственнымъ поселянамъ на казенныя земли, состоящія во владѣніи ихъ, право собственности, съ обложеніемъ этихъ земель казенными и земскими сборами на общихъ основаніяхъ съ частновладѣльческими землями.

VI) Обратить, по соглашенію Намѣстника на Кавказѣ, съ Главноуправляющимъ Землеустройствомъ и Земледѣліемъ, свободныя казенныя земли, и въ томъ числѣ оброчныя казенныя статьи, а равно и лѣсныя пространства, не имѣющія значенія лѣсовъ защитныхъ или вообще необходимыхъ для общихъ интересовъ края,—для устройства безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ и поселянъ края всѣхъ наименованій, т. е., государственныхъ, бывшихъ церковныхъ, помѣщичьихъ и т. д.

VII) Открыть съ 1-го Января 1906 года въ Закавказскомъ краѣ Отдѣленіе Государственнаго Крестьянскаго Банка на общихъ основаніяхъ устава сего Банка и Именнаго Высочайшаго указа Правительствующему Сенату 3-го Ноября 1905 года по сему предмету.

VIII) Возложить на Намѣстника на Кавказѣ предоставить въ 1906 году въ Государственную Думу проэкты правилъ:

а) о вознагражденіи, изъ Государственнаго Казначейства, помѣщиковъ и владѣльцевъ за прекращеніе обязательныхъ къ нимъ отношеній и предоставленіе съ 1-го января 1906 года въ собственность временнообязанныхъ крестьянъ и государственныхъ поселянъ, а равно и хизанъ, надѣльныхъ земель, назначивъ это вознагражденіе по особымъ нормамъ и разрядамъ разнаго качества земель, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій; съ тѣмъ, чтобы, высшая норма вознагражденія за земли и всякаго рода угодія не превышала по Тифлисской (кромѣ поселянскихъ имѣній), Кутаисской и

Эриванской губерніямъ 60 руб., Бакинской и Елисаветпольской и поселянскимъ имѣніямъ Тифлисской губерніи 45 р.

б) о ежегодной пожизненной уплатѣ, изъ Государственнаго Казначейства, тіулистамъ Эриванской губерніи, за отмѣну пожизненнаго ихъ тіульнаго права, особыхъ суммъ, съ тѣмъ, чтобы эти послѣднія выдавались имъ за каждый годъ съ 1-го января 1906 года въ размѣрѣ 4½% съ общей суммы причитающагося каждому изъ нихъ вознагражденія за отчуждаемыя отъ нихъ съ 1-го января того же 1906 года мюлькодарскія земли;

в) о вознагражденіи Армяно-Грегоріанскаго Эчміадзинскаго монастыря, изъ суммъ Государственнаго Казначейства, за земли, отходящія въ надѣлъ поселянъ этого имѣнія, по правиламъ, какія установлены будутъ о вознагражденіи въ подобномъ случаѣ владѣльцевъ поселянскихъ имѣній (ст. VIII, п. а), съ пропорціональнымъ лишь повышеніемъ сего вознагражденія, соотвѣтственно размѣру слѣдующаго монастырю дохода съ этихъ земель (⁶/₅₀ частей урожая);

д) о вознагражденіи, изъ суммъ Государственнаго Казначейства, бековъ, сельскихъ кешкельныхъ обществъ и отдѣльныхъ членовъ ихъ въ Дагестанской области и въ Закатальскомъ округѣ за отбываніе установленныхъ по адатамъ повинностей въ пользу ихъ со стороны зависимыхъ отъ нихъ поселянъ въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ фактически нынѣ отбываемымъ повинностямъ, при чемъ общая сумма вознагражденія не должна превышать 50 руб. на дымъ для бековъ Дагестанской области и кешкелевладѣльцевъ Закатальскаго округа; для бековъ же Закатальскаго округа, получающихъ съ раятъ повинности въ размѣрѣ $^{1}/_{10}$ урожая,—75 руб. а, получающихъ тѣ же повинности въ размѣрѣ $^{1}/_{7}$ урожая—100 руб. на дымъ;

е) объ окончательной ликвидаціи въ имѣніяхъ, означенныхъ въ I и III статьѣ сего закона, взаимныхъ сервитутныхъ пользованій съ одной стороны крестьянъ и поселянъ на помѣщичьихъ и владѣльческихъ земляхъ и съ другой помѣщиковъ и владѣльцевъ на землѣ сельчанъ.

IX) Предоставить помѣщикамъ и владѣльцамъ, съ 1-го Января 1906 года до выдачи имъ означеннаго вознагражденія за отошедшія отъ нихъ земли въ собственность крестьянъ и поселянъ, право получать ежегодно авансы въ счетъ сего вознагражденія, съ разрѣшеніемъ Намѣстника на Кавказѣ, въ размѣрѣ не свыше 5% высшей нормы вознагражденія.

Въ Совѣтѣ Министровъ, гдѣ проектъ Намѣстника разсматривался въ началѣ 1906 г., Главноупр. З. и З. Кутлеръ всецѣло присоединился къ соображеніямъ гр. Воронцова-Дашкова, выраженнымъ въ п. I, II и III его записки, находя, что зависимыя отношенія подлежатъ немедленному прекращенію безъ выкупа и за счетъ государства, такъ какъ чрезмѣрная длительность ихъ создалась по винѣ правительства. Г. Кутлеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказался за исключеніе изъ проекта п.п. IV, V и VII и противъ выдачи вознагражденія бекамъ за управленіе, а не за земельное довольствіе.

Министръ Финансовъ Шиповъ присоединился къ мнѣнію Кутлера, находя выкупъ несправедливымъ, и предлагая назначить вознагражденіе владѣльцамъ въ возможно умѣренномъ размѣрѣ, не считаясь съ явно преувеличенными претензіями помѣщиковъ, затруднявшихъ столь продолжительное время прекращеніе отъ нихъ зависимости крестьянскаго населенія. По мнѣнію Шипова, помѣщики Закавказья и безъ того находятся въ привиллегированномъ положеніи.

Въ соотвѣтствіи съ изложенными замѣчаніями, Намѣстникомъ былъ переработанъ его проектъ, въ которомъ гр. Воронцовъ-Дашковъ, соглашаясь исключить п.п. IV, V, VI и VII, возражалъ принципіально противъ предложенія не вознаграждать владѣльцевъ за то, что они въ старину являлись правителями, такъ какъ эта мѣра можетъ будто бы вызвать возмущеніе, подавить которое будетъ очень дорого и разорительно; кромѣ того Намѣстникъ возражалъ противъ предложенія оставить оброчную подать на казенныхъ крестьянахъ, такъ какъ это вызоветъ среди нихъ недовольство и протесты.

Между тѣмъ, революціонная волна схлынула, наступало успокоеніе... И вотъ, по меморіи отъ 4 апрѣля 1906 г. совѣтъ министровъ призналъ уже, что по существу своему настоящее дѣло—законодательнаго свойства. И хотя въ интересахъ скорѣйшаго разрѣшенія вопроса—Намѣстникъ предлагаетъ направить его въ порядкѣ Монаршаго усмотрѣнія, (въ цѣляхъ предупредить броженіе среди крестьянъ), но такъ какъ это броженіе является, къ сожалѣнію, общимъ для многихъ мѣстностей Имперіи, почему Совѣтъ не могъ придти къ убѣжденію, что проведеніе проекта реформы на Кавказѣ дѣйствительно вызоветъ тамъ полное успокоеніе.

Не отрицая, за симъ, вѣскости приведеннаго Бар. Польде соображенія о желательности оказанія кавказскому сельскому на-

селенію милости, которой будетъ принадлежить историческое значеніе, непосредственно отъ имени Государя, Совѣтъ Министровъ не могъ упустить изъ виду, что настоящее дѣло весьма сложно по существу. Касаясь существенныхъ интересовъ значительной части населенія Намѣстничества, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, требуетъ многомилліоннаго расхода изъ общегосударственныхъ средствъ на нужды кавказской окраины, а потому должно быть обсуждено всесторонне, дабы ничьи интересы, по возможности, не были нарушены, а подобныя гарантіи можетъ дать *лишь* законодательный порядокъ разрѣшенія дѣла.

Между тѣмъ предложенное Намѣстникомъ расчлененіе дѣла на двѣ части, съ немедленнымъ прекращеніемъ на Кавказѣ обязательныхъ отношеній между сельскими обывателями и помѣщиками путемъ изданія Именного Указа, и обсужденіемъ, затѣмъ, самаго порядка осуществленія этой реформы въ Гос. Думѣ, представляло бы то неудобство, что въ Гос. Думу дѣло поступило бы уже предрѣшеннымъ, самый же вопросъ о средствахъ, довольно значительныхъ (до 30 м. руб.), подлежалъ бы дальнѣйшему обсужденію. При такихъ условіяхъ возможно возникновеніе затрудненій, въ особенности въ виду тяжелаго положенія Госуд. Казначейства.

Посему Совѣтъ Министровъ, отнесясь съ полнымъ сочувствіемъ къ мысли о прекращеніи въ предѣлахъ Кавк. Намѣстничества обязательныхъ отношеній, тѣмъ не менѣе полагалъ, что осуществленіе намѣчаемой гр. Воронцовымъ-Дашковымъ реформы можетъ послѣдовать лишь по предварительномъ обсужденіи ея въ законодательн. порядкѣ.

На подлинномъ Его Императорскаго Величества рукою начертано: „Согласенъ". 14 апрѣля 1905 г.

Тѣмъ временемъ по селамъ и нивамъ Закавказья стали разгуливать карательные отряды, посредствомъ которыхъ энергично „ликвидировалось" бурно развившееся было освободительное движеніе, и едва не ставшій закономъ аграрный проектъ гр. Воронцова-Дашкова былъ снятъ съ очереди и сданъ для переработки въ канцелярію Намѣстника, гдѣ и находился четыре слишкомъ года, не смотря на запросы и понуканія первой, второй и кавказскихъ депутатовъ III-й Гос. Думы.

Однако снятіе бюрократіей съ очереди этого проекта еще не означало, что аграрный вопросъ на Кавказѣ потерялъ свою остроту.

Оно означало лишь неспособность нашей бюрократіи къ творческой прогрессивной работѣ... И вотъ при такихъ условіяхъ среди тифлисской интеллигенціи и возникла мысль о самостоятельной разработкѣ проекта ликвидаціи обязательныхъ отношеній, который, какъ было выше сказано, легъ въ основаніе законопроекта 34-хъ членовъ Гос. Думы. Въ заключительной части этого проекта авторы его пишутъ:

Итакъ, сознаніе необходимости немедленнаго прекращенія зависимыхъ отношеній въ Закавказьѣ—проникло даже въ высшія правящія сферы. Но спрашивается, какъ, на какихъ основаніяхъ должна быть произведена ликвидація этихъ отношеній?

По мѣстнымъ Положеніямъ эта ликвидація можетъ быть произведена путемъ выкупа крестьянами своихъ надѣловъ по добровольному соглашенію съ владѣльцами, и по капитализаціи изъ 6% годового оброка. Такія ограниченія права выкупа „свободныхъ" крестьянъ, въ связи съ лишеніемъ ихъ права на выкупъ пастбищныхъ и лѣсныхъ угодій и многими другими, затрудняющими выкупъ, обстоятельствами, были причиною того, что до настоящаго времени въ трехъ губерніяхъ восточнаго Закавказья выкупъ надѣловъ поселянами еще не начинался, въ Тифлисс. губ. выкупили надѣлы только 25% временнообязанныхъ, а въ Кутаисской около 60%. А именно: въ Кутаисской губ къ 1-му января 1902 г. выкуплено 33.597 дымами 144.041 дес. за 7.178.285 р. (около 50 р. за десятину) безъ содѣйствія правительства (или по другимъ даннымъ за 7.300.000 р.—149.065 дес., въ томъ числѣ 63.225 дес. собственно надѣльной и 85.840 дес.—внѣ надѣльной, т. е. отрѣзковъ). Въ Тифлисской губ. выкупили свои надѣлы 3.591 дымъ, общей площадью 16.651 дес., при содѣйствіи правительства, за 855.906 руб. или 54 р. 55 к. за дес., и 939 дес. безъ содѣйствія правительства. Такимъ образомъ, остается не выкупленныхъ дымовъ:

Въ Кутаисской губ.	23.473	дым.	врем. обяз.	съ 60.000	дес. надѣла.
Въ Тифлисской губ.	10.467	„	„ „	„ 38.847	„ „
Въ Кут. и Тифл. губ.	7.698	„	хизанъ	„ 30.085	„ „
Въ Тифл., Бак., Эрив. и Елизав. губ.	54.918	„	завис. посел.	„ 468.446	„ „
Въ Елисаветп. губ.	22.739	„	добров. посел.	„ 109.244	„ „

Всего, такимъ образомъ, остается невыкупленныхъ 706.622 дес.

у 117.295 дым. или около $1/_3$ крестьянскаго населенія 5 губерній гражданскаго управленія края.

Какъ освободить этихъ подневольныхъ крестьянъ отъ помѣщичьей кабалы? Съ *формальной* стороны рѣшеніе этого вопроса не представляетъ никакихъ затрудненій.

Если бы органы нашей исполнительной власти, вербующей 90% своихъ агентовъ изъ дворянства, питали хотя бы какое-нибудь уваженіе къ такимъ историческимъ волеизъявленіямъ главы русскаго государства, какъ манифестъ 19 февраля 1861 года, то они не допустили бы вопіющаго противорѣчія между призываемымъ этимъ манифестомъ Божіимъ благословеніемъ на „свободный трудъ" бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, и тѣмъ рабьимъ положеніемъ, въ которомъ очутились эти крѣпостные на Кавказѣ послѣ „осуществленія" здѣсь манифеста 19 февраля, и тогда, полагаемъ, намъ не пришлось бы задумываться надъ поставленнымъ выше вопросомъ.

Если бы тѣ же органы исполнительной власти желали сообразовать свои дѣйствія съ основными законами нашего государства, устанавливающими *равенство* всѣхъ передъ закономъ, то они должны были распространить и на закавказскихъ временно-обязанныхъ крестьянъ и зависимыхъ поселянъ Высочайшій указъ 28 декабря 1881 г. объ *обязательномъ* выкупѣ надѣловъ бывшихъ крѣпостныхъ при содѣйствіи правительства. Съ распространеніемъ дѣйствія этого закона на Закавказьѣ, впослѣдствіи пришлось бы распространить на него и манифестъ 3 ноября 1905 г. о прекращеніи взиманія съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ выкупныхъ платежей. Такимъ путемъ кровавый узелъ, завязанный „освободительной" реформой на Кавказѣ, былъ бы распутанъ совершенно безболѣзненно.

Но, искалѣчивъ манифестъ 19 февраля 1861 г., бюрократія, въ угоду владѣтельной знати Закавказья, обошла мѣстныхъ крестьянъ при изданіи и закона 28 декабря 1881 года, и закона 3 ноября 1905 г., и закона 5 октября 1906 г. „объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ крестьянъ",—унаслѣдованныхъ отъ временъ крѣпостного права.

Исключительное безправіе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ находится въ явномъ противорѣчіи какъ съ прямымъ смысломъ всѣхъ перечисленныхъ Высочайшихъ манифестовъ, такъ и съ духомъ манифестовъ 12 декабря 1904 г. и 17 октября 1905 г. и при

нѣкоторомъ уваженіи къ этимъ Высочайшимъ актамъ и къ дѣйствующимъ основнымъ законамъ Имперіи со стороны органовъ исполнительной власти,—повторяемъ,—дальнѣйшее сохраненіе зависимыхъ отношеній на Кавказѣ не должно имѣть мѣста. А ликвидація этихъ отношеній путемъ выкупа крестьянскихъ надѣловъ за ихъ счетъ также противозаконна, какъ противозаконенъ самый институтъ обязанныхъ крестьянъ и зависимыхъ поселянъ.

Также легко разрѣшается вопросъ о способѣ ликвидаціи зависимыхъ отношеній съ точки зрѣнія *крестьянскихъ и общенародныхъ* или государственныхъ интересовъ. Въ сильнѣйшей степени препятствуя экономическому прогрессу, эти отношенія, эти пережитки крѣпостного права, не допускаютъ развитія въ краѣ гражданственности и культуры, содѣйствуютъ сохраненію и усиленію самыхъ варварскихъ формъ эксплуатаціи крестьянства и держатъ въ нищетѣ, темнотѣ и безправіи весь народъ. Поэтому, а также потому, что, во 1-хъ, обязательныя отношенія затянулись на Кавказѣ не по винѣ крестьянъ, иниціатива которыхъ въ дѣлѣ выкупа была или юридически или фактически связана волею помѣщика, а также отсутствіемъ средствъ, что, во 2-хъ, мѣстные крестьяне, получивъ вдвое и втрое меньшіе надѣлы, чѣмъ крестьяне внутреннихъ губерній Россіи, были обложены, по свидѣтельству канцеляріи Намѣстника, втрое и четверо большими повинностями, и за истекшее со времени реформы время переплатили помѣщикамъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ стоютъ ихъ надѣлы теперь, и что, въ 3-хъ, возложеніе новыхъ выкупныхъ платежей на крестьянъ ляжетъ непосильнымъ бременемъ на нихъ и безъ того истощенные бюджеты, и окончательно подорветъ ихъ хозяйственное благосостояніе, — по всѣмъ этимъ соображеніямъ возлагать расходы по ликвидаціи обязательныхъ отношеній на крестьянъ (путемъ выкупа за ихъ счетъ надѣловъ) было бы вопіющей несправедливостью, актомъ, явно идущимъ въ разрѣзъ съ общенародными и общегосударственными интересами.

Насколько невыгодны были условія „освобожденія" крестьянъ Закавказья, въ сравненіи съ русскимъ крестьянствомъ, показываютъ слѣдующія цифры.

По даннымъ Центральнаго Статистическаго Комитета средній надѣлъ на 1 ревизскую душу у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ

въ 50 губерніяхъ Евр. Россіи равнялся 3,4 дес. (Логановъ: Статистика Землевл. въ Евр. Россіи. 1906 г.).

Между тѣмъ, какъ на Кавказѣ—временнообязанные получили 0,73 дес. на душу м. п. и менѣе $^1/_2$ дес. на душу об. п., т. е. въ *шесть* разъ меньше, а зависимые поселяне по 2,3 дес. на душу м. п. или около 1.2 на д. об. п., т. е. втрое меньше, чѣмъ русскіе крестьяне. (См. Сосновскій. 116).

Затѣмъ, по свидѣтельству Канцеляріи Намѣстника средній оброкъ временнообязанныхъ (9 р.) былъ въ моментъ установленія въ *три* раза болѣе самаго высокаго оброка въ Евр. Россіи. (Докладъ Воронцова-Дашкова стр. 34), и въ *шесть—семь* разъ болѣе средняго оброка для всѣхъ 50 губ. внутренней Россіи (1 р. 57 к. съ дес.). Наконецъ, за каждую десятину русскіе крестьяне при реформѣ должны были уплатить помѣщикамъ въ среднемъ по 27 р. (866 мил. р. за 32.268 т. дес.). Эту сумму, т. е. по 27 р. за дес., русскіе помѣщики и получили съ своихъ крѣпостныхъ. Въ виду, однако, замедленія выкупной операціи - русскимъ крестьянамъ пришлось переплатить до 1906 г. (времени прекращенія выкупныхъ платежей) въ среднемъ по 46 р. за десятину, ($1^1/_2$ милліарда руб. за 32.268 т. дес.). (См. Ал. Лосицкій. Выкупная операція. 1906 г. стр. 39).

Между тѣмъ, какъ временнообязанные за истекшіе 43 года со времени реформы переплатили мѣстнымъ помѣщикамъ за каждую десятину въ среднемъ (считая въ годъ стоимость оброка въ $^1/_4$ урожая =9 р.) по 387 р. Неужели этого еще не достаточно? Неужели съ обобранныхъ при реформѣ и теперь обнищавшихъ въ конецъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Закавказья, государство еще потребуетъ новыхъ жертвъ для того, чтобы ликвидировать „не по винѣ этихъ крестьянъ“ затянувшіяся зависимыя отношенія? Вѣдь это будетъ новая экспропріація экспропріированныхъ, которая въ конецъ разоритъ, и во всякомъ случаѣ не возродитъ гибнущее подъ бременемъ крѣпостническихъ пережитковъ и нищеты крестьянское земледѣліе въ краѣ...

Мало того. Переложеніе всѣхъ расходовъ по ликвидаціи зависимыхъ отношеній на крестьянъ, чревато и многими другими отрицательными съ государственной точки зрѣнія послѣдствіями. Какъ показалъ опытъ Тифлис. губ., гдѣ до сихъ поръ 25% временнообязанныхъ выкупили свои надѣлы при содѣйствіи прави-

тельства, „выкупные платежи поступаютъ здѣсь настолько неисправно, что .. къ настоящему времени размѣръ недоимки... составляетъ не менѣе 7 годовыхъ платежей, или отъ 40 до 50% суммы выданныхъ ссудъ". (855.906 р.). (Сосновскій 191). У насъ нѣтъ никакихъ основаній полагать, что иначе пойдетъ дѣло и при установленіи *обязательнаго* выкупа за счетъ крестьянъ. И тогда государственное казначейство ничѣмъ не будетъ гарантировано отъ огромныхъ потерь, неизбѣжныхъ при такой неисправности крестьянъ въ дѣлѣ отбыванія выкупныхъ платежей. „Съ другой стороны, съ точки зрѣнія крестьянъ Закавказья",—писалъ Намѣстникъ въ своей запискѣ въ Совѣтъ Министровъ 22 ноября 1905 г., переходъ ихъ съ повинностей въ пользу помѣщиковъ на выкупъ былъ бы принятъ ими, какъ мѣра по отношенію къ нимъ въ высшей степени несправедливая, т. к. для крестьянъ совершенно безразлично, кому они должны уплачивать повинности"...

Политическое движеніе, вслѣдствіе этого, среди крестьянъ Закавказья должно будетъ получить новый могучій толчекъ. Въ Закавказской деревнѣ возникнутъ новыя осложненія на аграрной почвѣ и проектируемая реформа, такимъ образомъ, потеряетъ всякій смыслъ и значеніе въ дѣлѣ упорядоченія запутанныхъ аграрныхъ отношеній въ краѣ...

Недопустимость ликвидаціи обязательныхъ отношеній въ Закавказьѣ за счетъ крестьянъ признали и высшія правительственныя сферы, на разсмотрѣніе которыхъ въ 1905—1906 году Намѣстникъ представлялъ свой докладъ по этому вопросу.

Но было бы ошибочно думать, что мѣстная власть склонна покончить съ пережитками крѣпостного права на Кавказѣ безъ всякаго вознагражденія землевладѣльцевъ. Въ проэктѣ Намѣстника 1906 г. приводятся слѣдующія соображенія въ пользу того, что помѣщики должны получить изъ государственнаго казначейства выкупъ за крестьянскіе надѣлы:

Во *1-хъ*, этотъ выкупъ былъ обѣщанъ помѣщикамъ *закономъ* еще въ *60-хъ* годахъ.

Во *2-хъ*, выкупъ затянулся до настоящаго времени не по винѣ владѣльцевъ.

Въ *3-хъ*, экономическое положеніе кавказскихъ владѣльцевъ вообще весьма плачевно, т. к. они всегда были обеспечены *только* обязательными отношеніями и многіе изъ нихъ, помимо крестьянскихъ

надѣловъ, уже не имѣютъ никакихъ другихъ источниковъ для поддержанія своего существованія.

Въ 4-хъ, наконецъ, неуплата вознагражденія владѣльцамъ поведетъ къ серьезнымъ неудовольствіямъ среди нихъ и можетъ вызвать даже возстаніе.

Всѣ эти соображенія намъ кажутся совершенно неосновательными и тенденціозными.

Во 1-хъ, если не считается преступнымъ неисполненіе обѣщанія, даннаго при реформѣ (въ ст. 1 Положенія) крестьянамъ: „прекратить крѣпостное право на всегда", „сдѣлать ихъ полными хозяевами своего труда" и перевести ихъ въ двухлѣтній срокъ на *обязательный* выкупъ, то почему преступно не выдать „обѣщанный" выкупъ за надѣлы помѣщикамъ, de facto уже получившихъ его по крайней мѣрѣ въ удесятеренномъ размѣрѣ?

По логикѣ авторовъ проекта слѣдуетъ, что всѣ обѣщанія русскихъ царей, въ свое время завѣрявшихъ „благородное дворянство россійское", что его власть надъ крѣпостными всегда и всемѣрно будетъ охраняться, никогда не могли быть нарушены и крѣпостное право никогда не могло быть отмѣнено. Между тѣмъ, мы знаемъ, что эти обѣщанія были отмѣнены манифестомъ 19 февраля 1861 г., и исторія и русскій народъ не только не осудили автора этого манифеста, но возвели его на высокій пьедесталъ Царя-освободителя за отмѣну крѣпостного права, существованіе котораго въ свое время было въ Россіи такимъ же пагубнымъ анахронизмомъ, какимъ для Кавказа являются теперь обязательныя отношенія.

Во 2-хъ, совершенно неправильно утвержденіе, будто „выкупъ затянулся не по винѣ помѣщиковъ". По ст. 9 Учр. Крест. Закавк. „крестьяне могутъ выкупить свои надѣлы *не иначе*, какъ съ согласія помѣщика". Юридически, такимъ образомъ, и, тѣмъ болѣе, фактически вина за замедленіе выкупа всецѣло падаетъ на помѣщиковъ и на тѣ органы исполнительной власти, которые затормозили, въ угоду владѣльцамъ, осуществленіе полезныхъ для крестьянъ статей Положенія 19 февраля о выкупѣ. И здравый смыслъ требуетъ, чтобы расплачивался за это замедленіе выкупа тотъ, кто пользовался выгодами его, а не тѣ, кто отъ этого замедленія разорился.

Въ 3-хъ, на основаніи всего фактическаго матеріала, который мы привели въ этомъ изслѣдованіи, мы имѣемъ право сказать, что кавказскіе помѣщики, кромѣ доходовъ съ временнообязанныхъ,

имѣютъ въ своемъ распоряженіи огромныя пространства, хотя по винѣ владѣльцевъ и мало воздѣланныхъ, но весьма доходныхъ земель, лѣсовъ и пастбищъ, и разорить ихъ ликвидація обязательныхъ отношеній безъ выкупа ни въ коемъ случаѣ не можетъ. Кому приходилось путешествовать и по долгу жить въ Имеретіи, Гуріи, Мингреліи, Карталиніи, Борчалѣ, Сванетіи, Рачѣ, Карабахѣ, Кахетіи и другихъ провинціяхъ Закавказья, тотъ могъ всюду наблюдать, какую ничтожную долю помѣщичьихъ земель составляютъ здѣсь надѣлы обязанныхъ крестьянъ и поселянъ. Одна сдача въ аренду „отрѣзковъ" во многихъ мѣстахъ даетъ помѣщикамъ больше дохода, чѣмъ повинности крестьянъ, кромѣ того, землевладѣльцы имѣютъ и много другихъ источниковъ для поддержанія своего существованія. Многіе изъ нихъ развели виноградные сады, стада скота и т. д., многіе пристроились на казенную и частную службу, многіе имѣютъ въ городахъ дома и доходныя постройки и т. д., и поэтому лишеніе нетрудового дохода съ зависимыхъ крестьянъ, повторяемъ, ни въ коемъ случаѣ не можетъ *разорить* землевладѣльцевъ. Правда, на мотовство и легкую жизнь у нѣкоторыхъ дворянскихъ недорослей станетъ меньше средствъ, но во 1-хъ, нельзя же во имя интересовъ кучки бездѣльниковъ жертвовать интересами государства и стонущей подъ гнетомъ безправія и нищеты милліонной массы трудового населенія Кавказа. А во 2-хъ, лишеніе мѣстныхъ землевладѣльцевъ дарового подневольнаго труда вынудитъ ихъ покончить съ существующей первобытной хищнической системой эксплуатаціи своихъ помѣстій, перейти отъ примитивной барщины и испольщины къ наемному труду и раціональному хозяйству на капиталистическихъ началахъ, примѣненію усовершенствованныхъ с.-х. машинъ и пр., и такимъ образомъ дастъ толчекъ росту сельскохозяйственной культуры въ краѣ, и, значитъ, и благосостоянію всѣхъ занятыхъ земледѣліемъ классовъ населенія... Въ 4-хъ, наконецъ, едва ли ужъ такъ страшно неудовольствіе, а тѣмъ болѣе „возстаніе" феодаловъ. Пока они „возстанутъ", крестьянская масса, выведенная изъ терпѣнія нищетой и безправіемъ, уже „возстала" и еще „возстанетъ", когда убѣдится, что помѣщикамъ опять удалось свалить на нее всю тягость аграрной реформы. Но спрашивается, чье же „возстаніе" болѣе опасно: кучки лишенныхъ опоры въ народѣ феодаловъ, или стотысячной массы народа, которую легко будетъ наэлектризовать непримиримой ненавистью

къ тѣмъ, чьи заботы на Кавказѣ, по свидѣтельству самого Намѣстника, „сосредоточились почти исключительно на поддержкѣ привилегированныхъ сословій", и кто „за 35 лѣтъ не издалъ ни одного законоположенія, которое бы измѣнило къ лучшему крестьянскій бытъ". (Докладъ стр. 87 и 41)?..

Полагаемъ, что двухъ мнѣній на этотъ счетъ быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что напрасно наши руководящія политикой сферы убаюкиваютъ себя надеждой, что всякими поблажками возможно купить „патріотическую лойяльность" кавказскихъ феодаловъ. Подобныя поблажки, производимыя за счетъ трудовыхъ элементовъ народа, только развращаютъ высшія сословія Кавказа и вмѣстѣ съ тѣмъ вооружаютъ противъ государства широкія масы населенія. Здравый смыслъ, казалось бы, долженъ заставить прекратить такую антигосударственную и антинародную политику на Кавказѣ, которая привела уже къ требованію со стороны дворянства „обособленнаго управленія" и къ крестьянской революціи... По этимъ соображеніямъ 34 члена Гос. Думы предлагаютъ ей принять слѣдующій законопроэктъ:

1) Зависимыя и „временнообязательныя" отношенія на Кавказѣ должны быть прекращены немедлено и навсегда, и безъ всякихъ новыхъ жертвъ въ пользу землевладѣльцевъ.

2) Всякія повинности временнообязанныхъ крестьянъ, зависимыхъ поселянъ, а также „подвластныхъ" раятъ и кешкельниковъ въ Дагестанѣ и Закатальскомъ округѣ и хизанъ въ польз. землевладѣльцевъ должны быть отмѣнены, а находящіеся въ пользованіи этихъ разрядовъ крестьянъ надѣлы (усадьбы, сады, полевыя угодья и пр.) въ границахъ, указанныхъ въ уставныхъ грамотахъ и хизанскихъ протоколахъ, или по фактическому пользованію, должны быть предоставлены въ ихъ собственность.

3) Право на пользованіе сервитутами—пастьбищами, лѣсомъ, водою и т. п., должно быть предоставлено перечисленнымъ разрядомъ крестьянъ впредь до законодательнаго урегулированія этого пользованія, на тѣхъ основаніяхъ, какъ это установлено въ Сѣв. Зап. губерніяхъ Россіи (Выс. утв. правила 26 Марта 1869 г. п. IV и V).

4) Права на нѣдра остаются на общихъ основаніяхъ.

Этотъ проэктъ, являющійся въ сущности логическимъ выводомъ изъ данныхъ, приведенныхъ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ въ его

проэктѣ 1905 г., встрѣтилъ, однако, совершенно неожиданный отпоръ... со стороны самого же гр. Воронцова-Дашкова. Въ своихъ, цитированныхъ уже выше, „Заключеніяхъ“ Намѣстникъ категорически заявляетъ, что „для безвозмезднаго отчужденія земли помѣщиковъ и землевладѣльцевъ (?) въ пользу крестьянъ и поселянъ нетолько нѣтъ (уже?) *никакихъ* основаній, но этотъ актъ былъ бы несомнѣнно (!) не только нарушеніемъ прямого текста закона 1864 г., но и актомъ *величайшей* несправедливости“.

По этому поводу 34 члена Гос. Думы въ своемъ дополнительномъ объясненіи заявляютъ: Выше мы показали уже, что представленныя Намѣстникомъ „Заключенія“ такъ противорѣчатъ мнѣніямъ, высказаннымъ въ 1905—1907 г.г. ихъ авторомъ о существѣ крестьянской реформы, и всѣмъ извѣстнымъ намъ фактамъ объ этой реформѣ, столько заключаютъ въ себѣ логическихъ противорѣчій и несуразностей, что убѣдить они могутъ развѣ только тѣхъ, для совѣсти и логики которыхъ является закономъ правило: **„у сильнаго всегда безсильный виноватъ“.**

Вотъ посмотрите, сколько внутренней фальши въ заключеніи, будто при безвозмездномъ оставленіи у крестьянъ ихъ надѣловъ произойдетъ „прямое нарушеніе текста закона 1861 г.“. Къ чему сводится этотъ текстъ? Къ требованію уплаты помѣщикамъ выкупной суммы за надѣльную землю по капитализаціи изъ 6% ея доходности. Спрашивается, уплаченъ-ли этотъ выкупъ помѣщикамъ Закавказья или нѣтъ? Соблюденъ ли законъ или нѣтъ? Да, соблюденъ, ибо если не по буквѣ закона судить, а по смыслу его, и по существу дѣла, а не по формѣ, то должно признать, что крестьяне Закавказья уплатили помѣщикамъ выкупъ за свои надѣлы по капитализаціи не изъ 6% доходности ихъ, а изъ 20%, т.-е. уплатили помѣщикамъ тройную стоимость своихъ надѣловъ. Именно, по закону крестьяне должны были уплатить среднюю годовую доходность десятины (9 руб. по опредѣленію канцеляріи Намѣстника), помноженной на $16^2/_3$ (по капитализаціи изъ 6%), т. е. 150 руб. Но такъ какъ выкупная операція по винѣ „высшихъ установленій“ и помѣщиковъ затянулась до сихъ поръ, когда прошло уже 45 лѣтъ со времени реформы, то, платя ежегодно по 9 руб. съ десятины, крестьяне уплатили помѣщикамъ за это время за каждую десятину по 415 руб., сверхъ полученныхъ помѣщиками при самой реформѣ 25—50 руб. за душу крѣпостныхъ. Сумма последнихъ двухъ

цифръ ровно втрое больше законной стоимости десятины крестьянской надѣльной земли.

Но, если помѣщики фактически получили уже тройную выкупную сумму за надѣльную землю, то спрашивается, о какомъ нарушеніи закона можно говорить? Не было-ли здѣсь обратнаго нарушенія закона, т.-е. не въ отношеніи помѣщиковъ, а въ отношеніи крестьянъ? Да, безусловно было, и вотъ почему мы, слѣдуя не буквѣ закона, а руководясь смысломъ закона, заявляемъ: довольно, довольно еще новыхъ жертвъ въ пользу землевладѣльцевъ. Они получили свое, и крестьяне уже въ *тройномъ* размѣрѣ оплатили *право* собственности этихъ владѣльцевъ на свои надѣлы, если даже признать за владѣльцами это право.

Такова принципіальная сторона вопроса. А вотъ и практическая.

Русскіе помѣщики, благодаря осуществленію въ *законный срокъ* обязательнаго выкупа, получили за каждую десятину надѣльной земли только по 27 руб. Затѣмъ, ликвидація выкупной операціи перешла къ государству, которое заработало на ней около полмилліарда (см. нашъ законопроектъ, стр. 24). Также и помѣщики Закавказья, пошедшіе навстрѣчу закона, получили за свои земли въ среднемъ по 50—54 руб. за десятину (законопр., стр. 22—23). А ихъ сосѣди, между тѣмъ, *отлынивавшіе* отъ выкупа, требуемаго по смыслу закона, по винѣ „высшихъ установленій" уже получили въ ущербъ и крестьянъ, и государства, въ исключительную свою пользу, *тройную* стоимость крестьянскихъ надѣловъ. Спрашивается, не будетъ-ли явнымъ нарушеніемъ смысла закона, если, слѣдуя за Намѣстникомъ, мы назначимъ еще новый выкупъ (по 150 руб. за десятину) помѣщикамъ, намѣренно и вопреки смыслу закона оттянувшимъ его до сихъ поръ и получавшимъ уже по 415 руб. за десятину, вмѣсто 27—54 руб.?

Другая практическая сторона вопроса заключается въ необходимости облегчить помѣщикамъ безвозмездную ликвидацію обязательныхъ отношеній. Намѣстникъ въ своихъ „Заключеніяхъ" доказываетъ, что помѣщики Закавказья вовсе не такъ хорошо обезпечены землей, какъ думаютъ 34 автора законопроекта, такъ какъ у крестьянъ земля будто бы „сплошь" удобная, а у помѣщиковъ въ имѣніяхъ много неудобной земли, и посему по ликвидаціи поэтому законопроекту многіе помѣщики будутъ поставлены въ тяжелое поло-

женіе. Мы не отрицаемъ, что изъ *двухъ съ половиной* милліоновъ дес. земли, принадлежащей помѣщикамъ Закавказья, около половины составляютъ малоудобныя и малодоходныя угодья, тогда какъ у крестьянъ, какъ мы видѣли выше, только $^{1}/_{4}$ часть угодій мало- или бездоходна. Но и при такихъ оговоркахъ помѣщики Закавказья оказываются неизмѣримо лучше обезпеченными, чѣмъ крестьяне, такъ какъ 700,000 дес. крестьянской земли распредѣляются между 636,000 душъ муж. пола, а 2,524,000 дес. помѣщичьей земли распредѣляются между нѣсколькими десятками тысячъ душъ владѣльцевъ, и такимъ образомъ все же оказывается, что владѣльцы въ нѣсколько десятковъ разъ лучше обезпечены землей, чѣмъ крестьяне.

Такимъ образомъ, въ сравненіи Намѣстника земельнаго обезпеченія крестьянъ и помѣщиковъ нѣтъ правильной перспективы, такъ же какъ нѣтъ такой перспективы въ его „Заключеніи", что безвозмездное лишеніе помѣщиковъ повинностей съ крестьянъ было бы „величайшей несправедливостью". Ибо, — комментируетъ Намѣстникъ, — помѣщики до реформы получали большія повинности, и реформа для нихъ во многихъ отношеніяхъ представляетъ ограниченія".

Что помѣщики до реформы получали не большія, а меньшія повинности, чѣмъ послѣ реформы, это мы доказали не только цѣлымъ рядомъ фактовъ, но и рядомъ свидѣтельствъ самого Намѣстника. Но не въ этомъ дѣло. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что дореформенныя повинности, получавшіяся дворянствомъ съ крестьянъ, обусловливались ихъ *службой* государству. Правда, и въ Грузіи были свои Екатерины и свои Румянцевы, Орловы и Потемкины, но, какъ общее правило, дворянство получало на Кавказѣ населенныя помѣстья и вотчины или за заслуги (по преимуществу военныя) *предъ государствомъ*, или за административно-полицейскія функціи.

Такимъ образомъ, повинности въ пользу дворянства были связаны съ извѣстными служебными *обязанностями* этихъ послѣднихъ *предъ государствомъ*.

Но вотъ пришло новое время, и для военныхъ, и для полицейскихъ функцій дворянство оказалось *негоднымъ* и русская власть освободила его отъ этихъ обязанностей (см. законопроектъ, стр. 5). Однако, повинности въ пользу помѣщиковъ остались неприкосновенными. Ясно, что это въ отношеніи тѣхъ, кто платилъ по-

мѣщикамъ повинности, являлось величайшей несправедливостью и, значитъ, если теперь мы возстановимъ эту поруганную справедливость, то, спрашивается, кто этотъ актъ можетъ назвать „актомъ величайшей несправедливости“, кромѣ тѣхъ, кто совершенно ослѣпленъ узко-классовыми воззрѣніями владѣльцевъ.

ГЛАВА XI.

Внесеніе 34-мя членами Госуд. Думы законопроекта о ликвидаціи пережитковъ крѣпостного права на Кавказѣ безъ всякихъ новыхъ жертвъ въ пользу землевладѣльцевъ, повидимому, побудило Канцелярію Намѣстника болѣе энергично заняться разработкой *своего* проекта, и встревожило мѣстный владѣльческій классъ, представители котораго стали всѣми средствами добиваться черезъ Намѣстника измѣненія выработаннаго Канцеляріей въ 1909 году проекта—въ интересахъ помѣщиковъ. Въ виду этого, а также вслѣдствіе измѣнившейся не въ пользу крестьянъ политической конъюнктуры, первоначальный (1905 г.) проектъ Гр. Воронцова-Дашкова — къ іюню 1910 года, т. е. ко времени третьяго внесенія его въ Совѣтъ Министровъ, измѣнился до полной неузнаваемости.

1) Еще Высочайше утвержденнымъ 14 Декабря 1907 года журналомъ Совѣта Министровъ былъ отвергнутъ предложенный Намѣстникомъ *въ 1905 г.* „справедливый“ принципъ выкупа крестьянскихъ надѣловъ за счетъ государства и установленъ принципъ производства выкупной операціи на общемъ основаніи, т. е. при содѣйствіи правительства и за счетъ *самихъ* временнообязанныхъ крестьянъ и поселянъ. Почему—справедливый въ 1905 году первый принципъ былъ признанъ несправедливымъ въ 1907 году—изъ имѣющейся въ нашихъ рукахъ переписки не видно.

2) Затѣмъ уже сама Канцелярія Намѣстника исключила, тоже неизвѣстно почему, ликвидацію зависимости Дагестанскихъ раятъ и Закатальскихъ кешкельниковъ, этихъ рабовъ XX вѣка.

3) Исчезъ изъ проекта Канцеляріи и вопросъ объ отмѣнѣ архаической оброчной подати, унаслѣдованной казенными крестьянами отъ временъ крѣпостного права, какъ равно и вопросъ о превращеніи этихъ крестьянъ въ собственниковъ.

Въ остальномъ—проектъ Канцеляріи 1909 г. производитъ болѣе или менѣе благопріятное впечатлѣніе. Надо отдать справедливость авторамъ его—дѣлопроизводителю крестьянскаго отдѣленія Канцеляріи К. П. Словинскому и директору ея Н. Л. Петерсону. Уступая требованію Совѣта Министровъ организовать выкупъ *за счетъ крестьянъ*, они въ своемъ проектѣ сводятъ выкупную сумму до возможнаго минимума, 4) хотя, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и превышающаго максимальныя выкупныя цѣны, допускаемыя положеніями и правилами 60-хъ годовъ о выкупной операціи. Относительно выкупа *полевыхъ угодій* проектъ останавливается на томъ, что по закону, помѣщичьи и владѣльческіе крестьяне обязаны культивировать ежегодно лишь половину надѣльной земли; соотвѣтственно съ этимъ въ Закавказьѣ предоставлено закономъ помѣщику и владѣльцу право искать убытки на повинности съ крестьянина только въ томъ случаѣ, если онъ обработалъ менѣе половины надѣла. Очевидно, когда дѣло идетъ о выкупѣ, или даже о простомъ переходѣ съ натуральной повинности на денежную, то вопросъ о томъ, какъ фактически обрабатывается земля—ежегодно ли вся, или же ей дается отдыхъ чрезъ нѣсколько лѣтъ или же черезъ годъ, не долженъ имѣть значенія, а во всякомъ случаѣ долженъ быть принятъ во вниманіе только тотъ доходъ, на который помѣщикъ ежегодно имѣетъ *безусловное* право, т. е., только на доходъ съ половины всей полевой земли, какъ такой доли, болѣе которой крестьянинъ не обязанъ обрабатывать.

Останавливаясь затѣмъ на вопросѣ, какъ учесть этотъ доходъ, и находя, что доходность помѣщичьихъ земель, какъ состоящихъ въ ихъ исключительномъ владѣніи, такъ и въ надѣльномъ пользованіи крестьянъ, учитывается въ Закавказскомъ краѣ чрезъ каждые три года, для опредѣленія государственнаго поземельнаго налога, и что въ послѣдній разъ этотъ учетъ произведенъ въ 1908 году, для обложенія земель государственнымъ поземельнымъ налогомъ и земскимъ сборомъ на трехлѣтіе съ 1909 по 1911 годы, проектъ Канцеляріи признаетъ соотвѣтственнымъ этотъ учетъ доходности принять и для опредѣленія выкупныхъ цѣнъ: разъ извѣстная доходность земли принимается для обложенія ея въ пользу казны, то тѣмъ самымъ, по мысли проекта, и казна обязывается принять эту доходность, при опредѣленіи цѣнъ на землю, при выкупѣ въ которомъ она приметъ участіе выдачей выкупныхъ ссудъ крестьянамъ подъ обез-

значеніе выкупаемыхъ земель. За принятіе этого учета доходности при выкупѣ говоритъ и то, что это—единственныя данныя, которыя подвергаются обработкѣ въ нѣсколькихъ инстанціяхъ: будучи собраны податными инспекторами, они затѣмъ разсматриваются на особыхъ съѣздахъ этихъ должностныхъ лицъ, потомъ въ мѣстныхъ казенныхъ палатахъ, затѣмъ на общемъ совѣщаніи въ Тифлисѣ управляющихъ палатъ, послѣ этого въ совѣтѣ Намѣстника, съ участіемъ всѣхъ губернаторовъ края; а затѣмъ дѣло проходитъ законодательныя учрежденія—Гос. Думу и Гос. Совѣтъ. Все это можетъ ручаться за то, что въ настоящее время болѣе точныхъ данныхъ по этому предмету нѣтъ.

Нѣкоторое затрудненіе для принятія учета этой доходности для выкупныхъ цѣнъ состоитъ только въ томъ, что помѣщикамъ, въ качествѣ земельной повинности съ крестьянъ, *присвоена извѣстная доля валового* урожая (валового дохода), поземельный же налогъ взыскивается въ извѣстномъ процентѣ съ *чистаго* дохода. Такое положеніе ставитъ въ необходимость, для опредѣленія доли помѣщика, чистый доходъ съ крестьянской надѣльной земли обратить въ валовой и оттуда уже исчислить собственно помѣщичій доходъ съ этой земли. Этотъ вопросъ проектомъ разрѣшается слѣдующимъ образомъ. По подсчетамъ, основаннымъ на сравнительныхъ суммахъ валовой доходности и чистой, оказывается, что валовая доходность превосходитъ чистую въ пять разъ и потому, если бы эта земля распахивалась и должна бы распахиваться зависимымъ крестьяниномъ ежегодно вся, то, очевидно, для превращенія чистой доходности въ валовую, изъ которой помѣщику причитается установленная доля, слѣдовало бы чистую увеличить въ пять разъ и оттуда уже опредѣлить долю помѣщика, но такъ какъ, по закону, крестьянинъ обязанъ обрабатывать ежегодно лишь *половину* надѣла и такъ какъ, поэтому, помѣщикъ имѣетъ безусловное право ежегодно только на долю, причитающуюся изъ этой *половины* земли, то отсюда слѣдуетъ, что чистая доходность, для полученія *той валовой*, изъ какой должна быть вычислена доля *помѣщика*, должна быть помножена не на пять, а на вдвое меньшую величину, т. е. на два *съ половиной*.

Вторымъ основаніемъ для выкупа земель проектъ устанавливаетъ то положеніе, что, согласно смыслу всѣхъ крестьянскихъ законоположеній и общеимперской практикѣ, выкупъ надѣльныхъ кре-

стьянскихъ земель долженъ быть разрѣшенъ по соображенію съ доходностью времени крѣпостной реформы, когда фактически эта земля *отчуждена* была навсегда отъ помѣщиковъ въ распоряженіе крестьянъ и когда первымъ присвоенъ былъ лишь извѣстный доходъ съ нея. Такъ совершился выкупъ во всей имперіи, гдѣ выкупныя цѣны были разсчитаны по оброкамъ, или назначеннымъ въ день изданія положеній 19-го февраля 1861 года, или же по оброкамъ, опредѣленнымъ въ первые годы по изданіи этихъ положеній, при чемъ о какой-либо переоброчкѣ предъ обязательнымъ выкупомъ не было и рѣчи. Такое разрѣшеніе вопроса представляется необходимымъ и въ Закавказскомъ краѣ, тѣмъ болѣе, что и здѣсь часть помѣщиковъ допустила крестьянъ совершить выкупъ въ первые годы крѣпостной реформы и, конечно, по стоимости натуральной повинности того времени. При такихъ условіяхъ нѣтъ никакихъ основаній другую часть помѣщиковъ, не разрѣшавшихъ своимъ крестьянамъ этого выкупа и пользовавшихся все время изъ-года-въ-годъ возвышающимися по цѣнѣ натуральными повинностями, ставить въ болѣе льготное положеніе по выкупу по сравненію съ первыми, и тѣмъ отягощать ихъ крестьянъ, и безъ того несшихъ большія тяготы по сравненію съ крестьянами, выкупъ коимъ дозволенъ былъ помѣщиками въ первые годы крѣпостной реформы.

Установивъ, затѣмъ, что одинъ пудъ пшеницы расцѣнивался въ Тифлисской губерніи *для выкупа* въ эпоху крестьянской реформы по *сельскимъ* цѣнамъ приблизительно въ 36 коп., въ настоящее же время, по даннымъ крестьянскаго поземельнаго банка, средняя цѣна на пудъ пшеницы на мѣстахъ *въ селеніяхъ* въ той же губерніи достигаетъ 79 коп.; что, такимъ образомъ, судя по этимъ даннымъ, стоимость земельныхъ продуктовъ въ настоящее время превосходитъ стоимость ихъ въ 1860-хъ годахъ по крайней мѣрѣ въ два раза и что, слѣдовательно, и общая доходность земли въ настоящее время, въ переводѣ на деньги, выше доходности 1860-хъ годовъ по крайней мѣрѣ вдвое, — проектъ находитъ, что для исчисленія земельной доходности эпохи раскрѣпощенія и оттуда для опредѣленія выкупной стоимости земли, современная доходность должна бы быть понижена болѣе, чѣмъ вдвое; но имѣя въ виду, что въ данномъ случаѣ совершенная точность никоимъ образомъ не можетъ быть достигнута, проектъ находитъ неизбѣжнымъ принять для исчисленія выкупной цѣны, что доходность земли времени

крѣпостной реформы равняется половинѣ доходности современной. Такимъ образомъ проектъ установленія выкупныхъ цѣнъ за полевую (пахотную и сѣнокосную) землю сводится къ слѣдующему. Изъ данныхъ по поземельному обложенію берется чистый доходъ съ десятины и для исчисленія валового помножается на $2^1/_2$; отсюда опредѣляется доля, слѣдующая помѣщику (четвертая), но это - доля современнаго дохода; для полученія изъ нея дохода времени крѣпостной реформы она дѣлится на два и то, что получается, капитализируется изъ 6% для опредѣленія выкупной суммы. Такой способъ, принятый для опредѣленія выкупныхъ цѣнъ въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ, примѣненъ и къ губерніямъ Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской, съ тѣмъ только различіемъ, что доля землевладѣльцевъ изъ земельнаго дохода, согласно закону, принята при расчетѣ не въ четвертую часть, а въ Эриванской губерніи - въ $^1/_{50}$ части, въ остальныхъ же двухъ - въ $^1/_{11}$ долю.

Приведемъ примѣръ. Чистый доходъ съ поливной десятины *втораго* разряда въ Ахалцихскомъ уѣздѣ опредѣляется въ 8 руб. Валовой, слѣдов., въ 20 р.; доля современнаго дохода помѣщика ($^1/_4$)=5 р., а эпохи крестьянской реформы - 2 р. 50 к. Капитализація этой послѣдней суммы изъ 6% дастъ выкупную цѣну за десятину второго разряда - 41 р. 67 к.

Въ отношеніи *усадебныхъ земель* въ проектѣ выражено, что за эти земли въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ назначены съ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ денежные оброки въ огромныхъ, совершенно необъяснимыхъ, размѣрахъ. По дѣйствующему закону, крестьяне за усадебную землю, т. е. за площадь, занятую какъ ихъ жилыми, такъ и хозяйственными постройками; улицами и *выпусками* для скота, т. е. за землю, неприносящую крестьянамъ въ большинствѣ случаевъ никакого дохода и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ мизерный (какъ это установлено данными по обложенію поземельнымъ налогомъ), обязаны уплачивать помѣщику отъ *6 до 12 рублей* въ годъ за десятину въ Тифлисской губерніи и отъ 8 до 16 рублей за то же пространство въ Кутаисской. При этомъ, по тому же закону, крестьяне, при выкупѣ, должны уплатить помѣщику стоимость усадебной земли по капитализаціи этого огромнаго оброка изъ 6%, т. е. въ Тифлисской губерніи отъ 100 до 200 рублей за десятину, а въ Кутаисской отъ $138^1/_3$ руб. до $266^2/_3$ руб. за десятину же. Находя эти оброки совершенно несоотвѣтствующими ни

стоимости, ни доходности усадебной земли, Канцелярія Намѣстника проектируетъ подчинить и эти земли при выкупѣ общему порядку, установленному въ отношеніи полевыхъ земель, т. е. выкупать усадебныя земли по той доходности, которую онѣ дали бы помѣщику въ эпоху крестьянской реформы, если бы ему на общемъ основаніи присвоена была четвертая доля валового дохода съ этихъ земель, какъ она присвоена ему съ полевыхъ угодій. При такомъ порядкѣ выкупа, десятина усадебной осѣдлости обойдется въ разныхъ мѣстностяхъ Тифлисской губерніи отъ 5 до 42 рублей за десятину, а въ среднемъ, выведенномъ изъ всѣхъ цѣнъ, въ 23 руб. 50 коп. Это наименьшее, что должно быть сдѣлано въ огражденіе справедливыхъ интересовъ крестьянъ: послѣдніе въ теченіе минувшихъ 45 лѣтъ въ Тифлисской губерніи и 44 лѣтъ въ Кутаисской за эти, большею частью бездоходныя и лишь иногда ничтожныя по своей доходности, земли внесли уже за каждую *десятину* помѣщикамъ Тифлисской губерніи отъ 270 до 540 рублей, а помѣщикамъ Кутаисской отъ 352 до 704 рубля. Если же нельзя зачесть эти суммы въ счетъ выкупа, то во всякомъ случаѣ безусловно слѣдуетъ не ставить выкупка этихъ земель въ зависимость отъ размѣра несообразно-огромныхъ оброковъ и назначить по крайней мѣрѣ хотя выкупныя цѣны на эти земли въ соотвѣтствіи съ ихъ доходностью и такимъ образомъ соблюсти хотя въ этомъ случаѣ тотъ основной принципъ, что никто не долженъ обогащаться на чужой счетъ.

Что касается *виноградныхъ садовъ*, то повинность съ нихъ въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ установлена въ $^1/_4$ долю получаемаго съ сада вина, что съ десятины сада составляетъ до 50 ведеръ, стоимостью, по меньшей мѣрѣ, по сельскимъ цѣнамъ, до 75 рублей. Разумѣется, противъ размѣра такого оброка было бы трудно возражать, если бы помѣщиками были отданы въ надѣлъ крестьянамъ устроенные имъ *на свои* средства виноградные сады, такъ какъ десятина сада, по той огромной затратѣ, которая требуется для разведенія его, никоимъ образомъ не могла бы быть оцѣнена дешевле 2,000 рублей, и такимъ образомъ доходъ въ 75 руб. составилъ бы совершенно скромную цифру, равняющуюся $3^3/_4$% на капитальную стоимость сада. Но помѣщикъ, по закону, долженъ былъ *оставить* въ надѣлѣ крестьянъ разведенные *самими крестьянами* сады, или же предоставить имъ одну лишь землю подъ садъ съ обязательствомъ крестьянина обратить ее въ виноградникъ

въ теченіе двухъ лѣтъ, при чемъ, въ случаѣ неисполненія послѣднимъ этого обязательства, земля черезъ два года возвращалась помѣщику. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ и долженъ былъ бы быть назначенъ оброкъ въ пользу помѣщика за то, что онъ далъ крестьянину, т.-е. такой оброкъ, который полагался бы за полевую землю лучшаго качества, на какой разводятся виноградники; назначеніе же оброка по цѣнѣ разведеннаго на помѣщичьей землѣ крестьяниномъ сада было такъ же несообразно, какъ назначеніе арендной платы за землю, отведенную подъ дорогое зданіе, по соображенію со стоимостью послѣдняго. Въ виду этого, по проекту канцеляріи Намѣстника, и предположено назначить выкупныя цѣны за эти сады не по соображенію съ тѣми огромными доходами помѣщиковъ, которые они получали съ этихъ садовъ въ теченіе минувшихъ 45-ти лѣтъ, а по достоинству данной ими подъ эти сады земли, т.-е. предположено назначить выкупную цѣну за эти угодья по цѣнѣ лучшей полевой земли. Нельзя, казалось бы, не признать, что и эта мѣра является той наименьшей долей справедливости, въ которой ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отказано крестьянамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если принять стоимость повинности съ сада, для времени раскрѣпощенія, въ половину современной, т.-е. если оцѣнить ее въ то время не въ 75 рублей, а въ 37 руб. 50 коп., то и въ такомъ случаѣ нужно признать, что, при цѣнѣ на лучшія земли въ шестидесятыхъ годахъ не выше 60 руб. за десятину, - крестьянинъ, въ первые же два года послѣ раскрѣпощенія, повинностями съ сада выкупалъ стоимость земли подъ нимъ (даже съ процентами на выкупную цѣну). Но сверхъ того, онъ продолжалъ уплачивать помѣщикамъ садовыя повинности до настоящаго времени въ Тифлисской губерніи въ теченіе 43-хъ лѣтъ, а въ Кутаисской — въ теченіе 42-хъ лѣтъ. Если принять во вниманіе, что сады составляютъ приблизительно 1/4 *часть* десятины на дворъ (дымъ), и если за весь минувшій періодъ времени принять садовую повинность по цѣнѣ эпохи раскрѣпощенія, не увеличивая ея, т.-е., въ 37 руб. 50 коп. съ десятины, то и въ такомъ случаѣ каждый дворъ, послѣ оплаты стоимости земли подъ садомъ въ первые два года, — уплатилъ въ остальной минувшій періодъ времени помѣщику Тифлисской губерніи 322 руб. 50 коп. (за 43 года), а Кутаисской — 315 руб. (за 42 года), т.-е. уплатилъ такую сумму, которой было бы болѣе, чѣмъ достаточно, на выкупъ

всей его надѣльной земли, какъ это видно изъ слѣдующаго разсчета. Въ Тифлисской губерніи надѣлъ временно-обязанныхъ крестьянъ достигаетъ приблизительно 5-ти десятинъ на дворъ; по совершеннымъ же выкупнымъ сдѣлкамъ въ этой губерніи средняя выкупная цѣна десятины опредѣлилась, за округленіемъ, въ 54 руб. 75 коп. (выкуплено 15,125 десятинъ за 827,820 рублей). Слѣдовательно, выкупъ всего надѣла въ 5 десятинъ въ среднемъ долженъ бы обойтись крестьянину около 274 руб., а между тѣмъ крестьянинъ, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, переплатилъ помѣщику на однѣхъ садовыхъ повинностяхъ до 320 рублей за тотъ періодъ времени, когда, строго говоря, имъ уже была погашена стоимость данной ему помѣщикомъ подъ садъ земли. Въ Кутаисской же губерніи, при совершеніи выкупныхъ сдѣлокъ, десятина земли обошлась въ среднемъ около 50 рублей (нѣсколько меньше: выкуплено 144.041 десятина за 7.178.285 рублей). Принимая во вниманіе, что тамъ крестьянскій надѣлъ, по даннымъ выкупной операціи, достигаетъ $4^1/_2$ десятинъ на дворъ, слѣдуетъ полагать, что на выкупъ всего надѣла въ среднемъ потребовалось бы для каждаго двора 225 рублей, а между тѣмъ на однѣхъ садовыхъ повинностяхъ крестьянинъ за 42 года, т. е. за тотъ періодъ времени, когда садовая земля должна была бы по справедливости считаться имъ выкупленной, уплатилъ помѣщику до 315 рублей, т. е. уплатилъ сумму, которой было болѣе чѣмъ достаточно на выкупъ всей остальной его земли—усадебной и полевой.

На изложенныхъ основаніяхъ канцеляріей составлено особое росписаніе выкупныхъ цѣнъ по каждому уѣзду пяти губерній Закавказья разныхъ угодій (земель усадебныхъ, пашенъ и сѣнокосовъ по разрядамъ и виноградныхъ садовъ) и это росписаніе внесено, въ качествѣ приложенія, къ одной изъ статей проектированнаго закона о выкупѣ".

Изъ этого росписанія усматривается, что по нѣкоторымъ уѣздамъ средняя выкупная стоимость поливныхъ земель доходитъ до 69, 78, 97 и даже 139 рублей за десятину, т. е. превышаетъ установленныя положеніемъ 60-хъ годовъ нормы, болѣе чѣмъ вдвое. Само собою разумѣется, что если законодательныя учрежденія будутъ стоять на стражѣ интересовъ законности и крестьянъ, а не на стражѣ интересовъ помѣщиковъ, то они не допустятъ такого явнаго нарушенія закона, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ.

Въ общемъ по всѣмъ пяти губерніямъ края выкупная стоимость десятины опредѣляется канцеляріей Намѣстника въ 29 рублей, причемъ по губерніямъ равняются:

Названія губерній и разрядъ крестьянъ.		Количество подлежащихъ выкупу десятинъ.	Общая выкупная сумма въ рубляхъ.
Тифлисская . .	Временно-обязанныхъ	115,306	3.459 т. р.
	Хизанъ	31,621	537 „ „
Кутаисская . .	Временно-обязанныхъ	57,045	2.435 „ „
	Хизанъ	5,127	258 „ „
Эриванская		137,199	5.569 „ „
Елизаветпольская		271,152	6.380 „ „
Бакинская		132,186	2.992 „ „
Итого по 5-ти губерніямъ .		739.736 д.	21.630 т. р.

Кромѣ того, за выкупъ зависимыхъ поселянъ Эчміадзинскаго монастыря — 1.271 т. р., а всего 22.894 т. р.

Совѣтъ Намѣстника, на разсмотрѣніе котораго поступилъ проектъ канцеляріи, не только санкціонировалъ всѣ выше перечисленныя ограниченія и нарушенія выкупныхъ правилъ, допущенныя канцеляріей въ пользу владѣльцевъ, но, съ своей стороны, ввелъ въ проектъ еще цѣлый рядъ другихъ ограниченій.

5) Такъ, Совѣтъ установилъ, чтобы выкупъ *усадебъ* былъ произведенъ по чрезвычайно высокой оцѣнкѣ ихъ, т.-е. по капитализаціи изъ 6% годового оброка, который указанъ въ уставныхъ грамотахъ.

6) Затѣмъ, Совѣтъ увеличилъ выкупную сумму за сады, полученные крестьянами при реформѣ, вдвое противъ цѣнъ лучшей поливной земли, на томъ основаніи, что-де поливная земля обрабатывается и приноситъ доходъ одинъ разъ (¹) въ два года, а сады даютъ ежегодный доходъ!

Для всякаго, даже мало-мальски знакомаго съ агрономіей, извѣстно, что за 12—16 лѣтній періодъ жизни, сады первую четверть своего существованія не приносятъ плодовъ; слѣдовательно, ужъ если возможно употребляемое Совѣтомъ Намѣстника сравненіе продолжительности плодоношенія садовъ и поливныхъ земель, то первая больше второй всего въ 1½, а не въ 2 раза. Между тѣмъ Совѣтъ Намѣстника увеличиваетъ, основываясь на своемъ непра-

вильномъ разсчетѣ, цѣну садовой земли вдвое противъ цѣны поливныхъ земель. Съ такой неправильной оцѣнкой едва-ли можетъ согласиться даже III Гос. Дума.

Всѣ эти и многія другія ограниченія введены въ проектъ Совѣта Намѣстника главнымъ образомъ по настоянію члена Совѣта отъ Мин. Вн. Дѣлъ Е. Г. Вейденбаума.

Благодаря имъ, на крестьянъ взваливается лишняя выкупная тягота въ нѣсколько милліоновъ рублей, и проектъ Совѣта Намѣстника 1909 года приближается къ проекту кн. Голицына, отвергнутаго гр. Воронцовымъ-Дашковымъ въ 1905 году...

Тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ всесильныхъ владѣльцевъ, Намѣстникъ не рѣшился направить этотъ проектъ, даже въ столь урѣзанномъ видѣ, въ С.-Петербургъ, и „призналъ правильнымъ о предположенныхъ условіяхъ выкупа поставить въ извѣстность землевладѣльцевъ Закавказскихъ губерній, въ цѣляхъ болѣе полнаго освѣщенія вопроса и предоставленія заинтересованному классу возможности высказать свои возраженія по существу..." (Проектъ 1910 г., стр. 5). — Какъ будто бы крестьяне—не являлись заинтересованнымъ въ выкупѣ классомъ!

Помѣщики не замедлили представить свои объяснительныя записки, въ которыхъ требовали не менѣе не болѣе, какъ слѣдующаго:

Тифлисское дворянство рѣшительно возстало противъ обязательнаго *выкупа хизанскихъ надѣловъ*, доказывая, что этотъ выкупъ явится покушеніемъ на освященныя закономъ права собственности владѣльцевъ и разоритъ и обезземелитъ помѣщиковъ и т. д.

Сколько было правды въ подобной аргументаціи, видно хотя бы изъ того, что въ частной собственности дворянъ Тифлисской губ. имѣется до 960 т. дес. Въ надѣлѣ же у хизанъ по вышеприведеннымъ даннымъ имѣется всего около 30.000 дес.

Затѣмъ дворянство требовало, чтобы надѣльныя земли были выкуплены за счетъ государства, а не за счетъ крестьянъ, и безъ того разоренныхъ.

Мотивируется это требованіе, во 1-хъ, тѣми же соображеніями, которыя приводилъ Намѣстникъ въ своемъ проектѣ 1905 г. въ доказательство несправедливости возлагать на разоренныхъ крестьянъ бремя выкупной операціи (см. выше). Во 2-хъ, - ссылкой на заявленіе предсѣдателя Совѣта Министровъ въ Гос. Думѣ 10 мая

1907 г. о томъ, что нельзя устраивать одинъ (крестьянскій) классъ за счетъ разоренія другого (помѣщиковъ). Въ 3-хъ, указаніемъ на то, что во внутреннихъ губерніяхъ государство приняло почти полмилліарда выкупной ссуды на себя, сложивъ по манифесту 3 ноября 1905 г. съ крестьянъ выкупные платежи.

Въ 4-хъ, дворянство ссылается на примѣръ переселенческой политики, въ которой правительство регулируетъ острый аграрный вопросъ за общегосударственный счетъ.

Наконецъ—дворянство ссылается на общее оскудѣніе сельскаго населенія Грузіи, вслѣдствіе полнаго игнорированія его нуждъ правительствомъ и вслѣдствіе тѣхъ непосильныхъ жертвъ, которыя отъ него требовались въ теченіи (первой половины) XIX вѣка для укрѣпленія русскаго владычества на Кавказѣ.

Но требуя выкупа крестьянскихъ надѣловъ за счетъ государства, дворянство, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявляетъ, что ему должна быть уплачена *двойная* стоимость этихъ надѣловъ, по капитализаціи изъ 6% не пореформенной доходности ихъ, а современнаго валового дохода (оброка). Аргументація такого требованія довольно своеобразная.

Тутъ мы находимъ указанія и на то, что ликвидація пережитковъ крѣпостного права затянулась, будто бы, не по винѣ помѣщиковъ, и на то, что чрезмѣрно высокія повинности въ 1864—5 г.г. были установлены не подъ давленіемъ дворянства, а изъ государственныхъ соображеній (!), и на то, что выкупъ по положеніямъ 60-хъ годовъ (по тогдашней оцѣнкѣ доходности земель), дворяне считаютъ нарушеніемъ ихъ правъ собственности, освященной закономъ; имѣются здѣсь ссылки и на крайнее малоземелье и необезпеченность грузинскаго дворянства и его особыя заслуги передъ престоломъ. Но всего интереснѣй слѣдующій аргументъ.

„Совѣтъ Намѣстника, заявляютъ дворяне, могъ возложить разницу въ выкупной цѣнѣ, происшедшей отъ капитализаціи современной и доходности времени крѣпостной реформы, на государство, при нежеланіи обременять разоренныхъ временнообязанныхъ крестьянъ, но онъ этого не дѣлаетъ, и предпочитаетъ возложить бремя обязательнаго выкупа на не менѣе разоренный (?!) классъ дворянъ. Но нельзя создавать благополучіе одного класса населенія цѣной разоренія (?) и сокрушенія (?) другого"... Для усиленія своей аргументаціи дворянство опять ссылается на упомянутую выше рѣчь

г. Столыпина, какъ на блестящаго идеолога 130.000 помѣщиковъ, доказывавшаго, что въ устроеніи крестьянъ заинтересовано *все* государство, и что тягость этого устроенія не должна „давить на плечи одного немногочисленнаго класса въ 130.000 человѣкъ, съ уничтоженіемъ котораго уничтожены были ли, чтобы тамъ ни говорили, и очаги культуры“.

„Эта декларація, комментируетъ Тифлисское дворянство, заключающая въ себѣ полную программу правительства по аграрному вопросу, не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ, до того ясны и просты выраженныя въ ней мысли. Декларація устанавливаетъ, что невозможно взваливать на плечи 130.000 помѣщиковъ устроеніе экономическаго быта крестьянъ и насыщеніе ихъ землей, что подобный образъ дѣйствій прибавитъ только къ разоренной Россіи 130.000 разоренныхъ помѣстныхъ хозяйствъ“.

„Выраженныя въ этой деклараціи мысли какъ нельзя болѣе применимы и къ важному дѣлу устроенія быта мѣстныхъ временнообязанныхъ крестьянъ. Дворянство Тифл. и Кутаисск. губ., заявляютъ дворяне, не только не въ силахъ устроить бытъ хизанъ, какъ это проектировано Совѣтомъ Намѣстника, но оно не можетъ безъ справедливаго вознагражденія отдать и своимъ врем. обязан. крестьянамъ отведенные надѣлы“.

„Думать, что и впредь дворянство можетъ принести *какія-либо* матеріальныя жертвы въ интересахъ устроенія крестьянъ, значитъ закрывать глаза и не видать дѣйствительности“...

„Выкупъ долженъ быть совершенъ за счетъ государства“..

Но сваливая съ себя всякія жертвы „для устроенія крестьянъ“, и перелагая ихъ на другія классы государства, Тифлисское дворянство, въ то же время, требуетъ, чтобы эти жертвы были удвоены въ пользу дворянъ, въ виду его историческихъ заслугъ передъ престоломъ...

Все для насъ за чужой счетъ, и ничего за нашъ счетъ для другихъ, такъ формулируютъ грузинскіе дворяне помѣщичью идеологію г. Столыпина...

Между тѣмъ, если ужъ держаться соломоновскаго принципа при распредѣленіи выкупной тягости между всѣми тремя заинтересованными сторонами, то слѣдовало бы исчисленную канцеляріей Намѣстника законную выкупную сумму въ 24 м. руб. раздѣлить

поровну между ними, т. е. по 8 мил. руб. на государство, крестьянъ и дворянство.

Но по „дворянской“ справедливости выходитъ, что помѣщики должны получить не 16 мил. руб., а 48 м. р. выкупа за давно уже оплаченные надѣлы крестьянъ!..

Кромѣ того, тифлисское дворянство въ своей запискѣ требуетъ точнаго измѣренія и выкупа надѣльныхъ земель въ границахъ уставныхъ грамотъ (58.866 дес.), а не по фактическому надѣльному пользованію (115.306 дес.), какъ проектировала канцелярія Намѣстника, т. е. дворянство домогается вновь „срѣзать“ ровно половину крестьянскихъ надѣловъ.

Наконецъ, дворянство предлагаетъ немедленно ликвидировать пастбищный сервитутъ посредствомъ отвода крестьянамъ по 3 дес. на дымъ пастбищныхъ угодій или $1\frac{1}{2}$ дес. „толоки“ (пара) и т. д. Нѣкій Долухановъ, землевладѣлецъ Елисаветп. губ., принадлежащій къ весьма податливой породѣ кавказскихъ ка-детъ, съ своей стороны въ особомъ докладѣ обращаетъ вниманіе Совѣта на то, что по уставнымъ грамотамъ фактически отведено земли поселянамъ вдвое или по крайней мѣрѣ въ полтора раза больше, чѣмъ должно быть отведено, и чѣмъ значится въ уставныхъ грамотахъ. Въ виду этого г. Долухановъ находитъ правильнымъ подчинить выкупной операціи только то количество земли, какое должно было быть отведено поселянамъ по закону; остальное же, излишне вошедшее въ уставныя грамоты, количество земли г. Долухановъ полагаетъ предоставить поселянамъ выкупать у землевладѣльцевъ по добровольному соглашенію, а не по проектированной для выкупа оцѣнкѣ, которую г. Долухановъ находитъ крайне низкой;—какъ бы для вящшаго доказательства своего обскурантизма, въ заключеніе г. Долухановъ находитъ болѣе правильнымъ, не устанавливая обязательнаго выкупа, предоставить это дѣло добровольному соглашенію владѣльцевъ съ поселянами при содѣйствіи крестьянскаго земельнаго банка (!).

По разсмотрѣніи этихъ мнѣній помѣщиковъ, Совѣтъ Намѣстника сдѣлалъ въ угоду имъ еще нѣсколько урѣзокъ въ проектѣ Канцеляріи, а именно: 7) Совѣтъ исключилъ изъ проекта хизанъ, такъ добродушно мотивируя это исключеніе: „хотя въ пользу обязательнаго прекращенія хизанскихъ повинностей можно привести не менѣе основаній, чѣмъ къ выкупу врем. обяз. отношеній (sic?) быв-

шихъ крѣпостныхъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе точно учесть и опредѣлить всѣ особенности вопроса (пока) не представлялось возможнымъ, за отсутствіемъ многихъ необходимыхъ матеріаловъ... Вслѣдствіе указаннаго положенія вещей, Совѣтъ призналъ правильнымъ временно отложить хизанскую реформу (Проектъ 1910 г., стр. 5).

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ Совѣтъ Намѣстника пошелъ даже дальше самихъ помѣщиковъ и напр., 8) вопреки предложенію Тифлисскаго дворянства отвергъ проектированный Канцеляріей безвозмездный отводъ крестьянамъ мелкихъ черезполосныхъ неудобныхъ угодій, состоящихъ до сихъ поръ въ ихъ пользованіи.

Со всѣми этими ограниченіями 13 іюня 1910 года гр. Воронцовъ-Дашковъ представилъ, наконецъ, проектъ ликвидаціи обязательныхъ отношеній на Кавказѣ въ С.-Петербургъ. Проектъ этотъ сводится къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ:

1) Состоящіе въ временно-обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ Тифлисской и Кутаисской губерній крестьяне и государственные поселяне, водворенные на земляхъ лицъ высшаго и невысшаго сословія въ губерніяхъ Эриванской, Елисаветпольской, Бакинской и Тифлисской переводятся на выкупъ и причисляются къ разряду крестьянъ и поселянъ-собственниковъ съ 1 января 1911 г., съ присвоеніемъ имъ на пріобрѣтенныя ими по сему Положенію земли всѣхъ правъ, предоставленныхъ крестьянамъ-собственникамъ.

2) Настоящее положеніе распространяется на поселянъ монастырей Армяно-Грегоріанской Церкви, а равно и на крестьянъ и поселянъ православной Греко-Восточной Церкви.

3) Выкупу подлежитъ земля, заключающаяся въ границахъ, указанныхъ уставными грамотами и дополненіями къ нимъ. Въ случаѣ неуказанія въ означенныхъ грамотахъ границъ, границы выкупаемой земли опредѣляются по дѣйствительному надѣльному пользованію.

4) Если повинность отбывается крестьянами и поселянами за весь надѣлъ, или же за нѣкоторыя угодья денежнымъ оброкомъ, установленнымъ при составленіи уставной грамоты и внесеннымъ въ нее, то выкупная стоимость этого надѣла, или этихъ отдѣльныхъ угодій опредѣляется капитализаціей изъ шести процентовъ означеннаго годового оброка, т. е., этотъ послѣдній помножается на шестнадцать и двѣ трети.

5) Если повинности съ крестьянъ и поселянъ въ уставной грамотѣ опредѣлены натурою, хотя бы впослѣдствіи и замѣнены онѣ были денежнымъ оброкомъ, то выкупная сумма въ такомъ случаѣ опредѣляется умноженіемъ количества означенныхъ въ уставной грамотѣ угодій на выкупную цѣну, указанную въ прилагаемомъ росписаніи выкупныхъ цѣнъ за десятину каждаго рода угодій.

6) Для точнаго исчисленія выкупной суммы, по требованію обѣихъ сторонъ, или одной изъ нихъ, производится измѣреніе *общей* площади выкупаемаго надѣла, съ отнесеніемъ расходовъ, вызванныхъ этой мѣрой, въ первомъ случаѣ на обѣ стороны поровну, а во второмъ на сторону, заявившую требованіе объ измѣреніи.

7) По опредѣленіи указаннымъ способомъ точнаго размѣра всей площади выкупаемаго надѣла, количество отдѣльныхъ угодій, входящихъ въ составъ его, не подвергается измѣренію, а опредѣляется дѣленіемъ общей площади надѣла на отдѣльныя угодья, пропорціонально размѣру ихъ, указанному въ уставной грамотѣ, и затѣмъ выкупная сумма устанавливается по каждому роду угодій умноженіемъ упомянутыхъ выкупныхъ цѣнъ на количество десятинъ этихъ угодій.

8) Безъ всякой платы владѣльцу переходятъ къ крестьянамъ и поселянамъ на правѣ собственности тѣ надѣльныя угодья, за кои не установлено по закону никакихъ повинностей.

9) Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ Тифлисской и Кутаисской губерній, за исключеніемъ изъ нихъ нагорныхъ частей Душетскаго, Горійскаго и Рачинскаго уѣздовъ, пользованіе крестьянъ лѣснымъ матеріаломъ изъ помѣщичьихъ лѣсовъ, установленное ст. 248 Полож., кр. влад., изд. 1902 г., прекращается.

10) Пользованіе со стороны крестьянъ въ предѣлахъ помѣщичьихъ земель въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ, за исключеніемъ нагорныхъ частей Душетскаго, Горійскаго и Рачинскаго уѣздовъ, выгонами и мѣстами для настьбы оставляется на существующихъ доселѣ основаніяхъ, впредь до изданія особыхъ постановленій по обязательному разверстанію означенныхъ угодій.

11) Въ нагорныхъ имѣніяхъ Душетскаго и Горійскаго уѣздовъ, Тифлисской губерніи, и Рачинскаго уѣзда, Кутаисской губерніи, отведенныя крестьянамъ пастбища и лѣсныя угодья въ постоянное пользованіе оставляются за ними на прежнихъ основаніяхъ, впредь до изданія по сему предмету особыхъ постановленій.

12) Пользованіе со стороны поселянъ въ предѣлахъ владѣльческихъ имѣній Эриванской, Елисаветпольской, Бакинской и Тифлисской губерній выгонами и мѣстами для пастьбы, а равно и въѣздъ поселянъ во владѣльческіе лѣса въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ онъ имѣлъ мѣсто, остаются за поселянами и послѣ выкупа на основаніи ст. ст. 562 и 541 Полож. кр. влад., 1902 г., впредь до изданія особыхъ правилъ по обязательному разверстанію означенныхъ угодій.

13) Пользованіе оросительною водою сохраняется во всѣхъ имѣніяхъ на существующемъ основаніи, хотя бы вода была сигрызная и хотя бы она и не стекала естественнымъ путемъ за предѣлы одного владѣнія.

14) Земли подъ улицами, дорогами, проѣзжими проулками, невключенными въ счетъ надѣла, остаются и впредь въ общемъ пользованіи, безъ выкупа ихъ у помѣщиковъ и владѣльцевъ.

15) Пространства, оставленныя въ составѣ помѣщичьихъ и владѣльческихъ земель, согласно ст. ст. 234 и 566 Полож. кр. влад., изд. 1902 г., для прогона крестьянскаго и поселянскаго скота къ водопою, не подлежатъ выкупу, но остаются и впредь свободными для прогона.

16) За переходящія въ собственность крестьянъ и поселянъ земли, кромѣ указанныхъ въ статьѣ 8 сего Положенія, назначаются изъ казны ссуды 5% бумагами, при чемъ теченіе процентовъ по симъ послѣднимъ начинается съ 1 января 1911 года

17) Разсчетъ слѣдующихъ по предшедшей (16) статьѣ помѣщикамъ и владѣльцамъ процентовъ до времени выдачи имъ вознагражденія за земли производится мировымъ посредникомъ на мѣстѣ немедленно по изданіи сего Положенія въ сроки, установленные для сего Губернскимъ по крестьянскимъ или поселянскимъ дѣламъ Присутствіемъ.

18) На выкупныя земли составляются выкупные акты.

20) Крестьяне и поселяне, пріобрѣвшіе въ собственность на основаніи сего Положенія свои надѣльныя угодья, обязаны вносить въ казну, впредь до погашенія выданной правительствомъ подъ ихъ земли выкупной ссуды, ежегодно въ уплату на каждый рубль выкупной ссуды: а) при срокѣ ея на 56 лѣтъ, по четыре съ половиной копейки; б) при срокѣ на 41 годъ, по пяти копеекъ, и в) при срокѣ на 28 лѣтъ, по шести копеекъ.

23) Выкупные акты составляются мировыми посредниками.

24) Для производства измѣренія выкупаемой земли (ст. 6) къ мировому посреднику въ его распоряженіе командируется особый землемѣръ изъ состоящихъ при Тифлисской Судебной Палатѣ.

25) При составленіи выкупныхъ актовъ присутствуетъ двое выборныхъ отъ крестьянъ, или поселянъ, выкупающихъ землю.

26) Сроки погашенія ссуды для каждаго селенія допускаются однородные, т. е. или на 56 лѣтъ или 41 годъ, или на 28 лѣтъ, и устанавливаются они простымъ большинствомъ на частномъ сходѣ выкупающихъ землю крестьянъ или поселянъ.

ГЛАВА XII.

Какая судьба постигнетъ въ Государственной Думѣ проекты ликвидаціи крѣпостного права на Кавказѣ, внесенные 34-мя членами Гос. Думы и граф. Воронцовомъ-Дашковымъ, трудно заранѣе сказать. „Законъ, что дышло, куда повернешь, тамъ и вышло“, говоритъ выстраданная горькимъ опытомъ народа русская пословица, столь блестяще подверждающаяся тѣми видоизмѣненіями, какія претерпѣлъ аграрный проектъ въ рукахъ канцеляріи намѣстника за послѣдніе пять лѣтъ.

Несомнѣнно, нужно быть большимъ оптимистомъ, что бы надѣяться, что право-октябристское большинство III Гос. Думы повернетъ въ данномъ случаѣ „дышло“ въ пользу крестьянъ. Дворянско-буржуазный составъ этого большинства слишкомъ хорошо уже опредѣлился, что бы крестьяне могли на него въ чемъ нибудь разсчитывать, особенно при современной своей дезорганизованности и инертности...

Положеніе вопроса не въ пользу проекта 34-хъ членовъ Гос. Думы осложняется еще тѣмъ, что столь прочно и солидно обоснованные самимъ же гр. Воронцовымъ-Дашковымъ въ 1905 г. позиціи ихъ не встрѣчаютъ должной поддержки со стороны такъ называемаго кавказскаго общества.

Кавказская буржуазія, не смотря на громадный вредъ дальнѣйшаго сохраненія крѣпостническихъ институтовъ въ деревнѣ, повидимому, не хочетъ ссориться изъ за нихъ съ всесильнымъ „благороднымъ сословіемъ“.

Отчасти это объясняется можетъ быть опасеніемъ вызвать нежелательныя тренія на національной почвѣ, въ виду того, что землевладѣльческій классъ на Кавказѣ состоитъ главнымъ образомъ изъ грузинъ и татаръ, а буржуазія изъ армянъ. Но главную причину, если не враждебнаго, то во всякомъ случаѣ не сочувственнаго отношенія кавказской буржуазіи къ С-д-скому проекту ликвидаціи пережитковъ крѣпостного права въ краѣ, нужно, конечно, искать, въ такъ сказать классовомъ сродствѣ идеологій этой буржуазіи и мѣстнаго дворянства...

Воронъ ворону глазъ не выклюетъ...

Насколько равнодушно мѣстное общество къ судьбамъ закабаленной помѣщиками крестьянской массы — читатели могли уже судить по приведеннымъ нами выше цитатамъ изъ „Заключеній" намѣстника. О томъ же равнодушіи свидѣтельствуетъ и депутатъ К. С. Чхеидзе въ своей статьѣ въ № 14 „Бак. Вѣстей" 1909 г.; здѣсь онъ писалъ:

„Насколько мнѣ извѣстно, вопросъ о ликвидаціи въ настоящее время мало кого занимаетъ, такъ что выходитъ, что вопросъ о земствѣ на Кавказѣ (вызвавшій столько шуму) куда важнѣе вопроса объ упраздненіи крѣпостного права, въ конецъ разорившаго Кавказъ. По всѣмъ признакамъ весьма многіе изъ тѣхъ, кому прежде всего слѣдовало бы поинтересоваться и основательно ознакомиться съ законопроектомъ о ликвидаціи, до сихъ поръ даже въ глаза его не видѣли".

Тотъ же индеферентизмъ мы наблюдаемъ и въ мѣстной буржуазной прессѣ, рѣдко удѣляющей вниманіе аграрному вопросу на Кавказѣ, и у мѣстныхъ общественныхъ учрежденій. Такъ, напр., ни у Кавк. Общества сельскаго хозяйства, ни у Тифлисской Городской Управы „не оказалось средствъ" въ 100—200 р. для того, чтобы своевременно опубликовать изложенныя выше доклады и записки въ цѣляхъ всесторонняго ихъ обсужденія...

На тотъ же индеферентизмъ жалуется и Тифлисское дворянство въ вышецитированномъ своемъ докладѣ, подчеркивая, что до сихъ поръ крѣпостное право въ Грузіи все еще ждетъ своего историка...

Но наиболѣе рѣзкимъ показателемъ отношенія Кавказскаго общества къ ликвидаціи крѣпостническихъ пережитковъ служитъ

почти полное молчаніе мѣстныхъ общественныхъ учрежденій наканунѣ 50-ти лѣтняго юбилея крестьянской реформы..

При такихъ условіяхъ провести *свой* проектъ черезъ законодательныя учрежденія Кавказскимъ депутатамъ будетъ очень трудно...

Въ особенности, если принять во вниманіе, во 1-хъ, полную неосвѣдомленность членовъ нашихъ законодательныхъ палатъ въ вопросахъ кавказской жизни, о которой писалъ тотъ же депутатъ К. С. Чхеидзе въ № отъ 13 Марта 1910 г. грузинской газеты „Ахали Схиви", а во 2-хъ, вообще крайне безучастное отношеніе думскаго большинства къ судьбамъ этой многострадальной окраины.

До какой степени доходитъ это безучастіе, намъ уже не разъ приходилось писать. И здѣсь мы ограничимся по этому поводу лишь перепечаткой нашей статьи въ № 6 „Возрожденія" за 1910 г. о тѣхъ интересныхъ перипетіяхъ, которыми сопровождалось какъ самое внесеніе въ Думу законопроекта 34-хъ членовъ ея о ликвидаціи крѣпостного права, такъ и дальнѣйшая его судьба.

„Еще полтора года тому назадъ, писали мы въ маѣ 1910 г., когда при разсмотрѣніи въ Госуд. Думѣ Кавказскаго „запроса" депутатъ Чхеидзе въ яркихъ краскахъ обрисовалъ антинародную политику бюрократіи на Кавказѣ и доказывалъ, что аграрное движеніе здѣсь вызвано этой политикой, сохранившей въ угоду владѣтельной знати до сихъ поръ институтъ крѣпостного права. — справа изъ рядовъ представителей „130-ти тысячъ помѣщиковъ" - раздался громкій и наглый голосъ:—„Законопроектъ давай"...

— Будетъ въ свое время, -отвѣчалъ деп. Чхеидзе и спустя нѣсколько дней, въ перерывѣ между началомъ и концомъ своей рѣчи, внесъ давно уже заготовленный проектъ ликвидаціи обязательныхъ отношеній на Кавказѣ, провозгласивъ съ думской трибуны:

„Гг. члены Г. Думы! Кавказское населеніе, въ лицѣ его крестьянства, ставитъ передъ вами ближайшей задачей этотъ вопросъ. Вы, гг., взяли на себя миссію провести въ жизнь безмятежнымъ и спокойнымъ путемъ свободы, возвѣщенныя намъ. И вотъ кавказское населеніе ставитъ передъ вами вопросъ: желаете ли вы именно успокоенія этого населенія? Задача эта поставлена, гг., передъ вами въ ближайшемъ будущемъ. Русское общество и кав-

казское население еще разъ убѣдятся, насколько дѣйствительно искренно вы желаете успокоенія какъ Кавказа, такъ и всего русскаго населенія"... (См. стеногр. отъ 15 дек. 1908 г.).

Съ тѣхъ поръ прошло около полугода, пока, наконецъ, послѣ настойчивыхъ напоминаній кавказскихъ депутатовъ, былъ поставленъ въ Думѣ вопросъ о *желательности* разсмотрѣнія внесеннаго с.-д. факціей проекта ликвидаціи крѣпостничества на Кавказѣ.

Даже „Новое время" было возмущено какъ явно намѣреннымъ оттягиваніемъ Думой проекта, такъ самой постановкой вопроса о *желательности* (!) его разсмотрѣнія.

„Въ виду того, что здѣсь дѣло идетъ, писало „Н. Вр.", о чести и достоинствѣ русскаго государства — должно поддержать требованіе думскихъ соціалъ-демократовъ... потому что заранѣе можно сказать, что не найдется ни одного члена, который счелъ бы желательнымъ сохраненіе крѣпостническихъ порядковъ подъ русскимъ государственнымъ флагомъ"...

Однако, даже „Нов. Время" переоцѣнило подлинную цѣну стремленій господской Думы „мирными реформами" успокоить Россію, и „русскій государственный флагъ" не помѣшалъ этой Думѣ сдать вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи проекта ликвидаціи въ комиссію... Срокомъ для представленія доклада этой комиссіи было назначено 1-е декабря 1909 года (т. е. цѣлый годъ). Но, какъ усматривается изъ письма деп. Чхеидзе, и въ этотъ срокъ комиссія совершенно ничего не сдѣлала, такъ какъ, собравшись для обмѣна мнѣній 24 ноября 1909 г., она вновь отложила разсмотрѣніе проекта на цѣлыхъ 4 мѣсяца, причемъ обнаружилось, что „въ комиссіи нѣтъ ни одного члена, имѣющаго какое-либо знакомство съ вопросомъ"...

Такъ пишется реформаторская исторія господской Думы.

Оцѣнку такого возмутительнаго отношенія Г. Думы къ судьбѣ важнѣйшаго кавказскаго законопроекта мы находимъ въ рѣчи того же деп. Чхеидзе, произнесенной имъ при разсмотрѣніи въ Думѣ проекта переселенческаго отряда на Кавказѣ (79.670 р. въ годъ).

Нужно сказать, что работы этого отряда чрезвычайно малопроизводительны, да и самая затѣя съ заселеніемъ свободныхъ земель Закавказья русскими крестьянами въ сущности выѣденнаго яйца не стоитъ, такъ какъ количество этихъ свободныхъ земель

здѣсь совершенно ничтожно въ сравненіи со спросомъ на нихъ (ежегодно Россія выбрасываетъ свыше 1 мил. переселенцевъ, а въ Закавказьѣ можетъ устроиться на самый лучшій конецъ тысячъ 10-ть въ годъ),—между тѣмъ раздраженіе, вызываемое у туземнаго крестьянства занятіемъ свободнаго фонда здѣшнихъ земель переселенцами, -крайне опасно въ политическомъ отношеніи.

Тѣмъ не менѣе правительство упорно продолжаетъ заниматься своимъ „штопаньемъ мужицкой сермяги", не жалѣя на это мало цѣлесообразное заняніе денегъ... и предлагая Думѣ признать спѣшнымъ свой проектъ продленія кредита на содержаніе кавказскаго переселенческаго отряда.

Но, -„въ какое время признается такой проектъ спѣшнымъ?" -задаетъ Думѣ вопросъ деп. Чхеидзе въ засѣданіи 8 февраля (1910 г.) —Въ то самое время, когда кавказское населеніе десятками лѣтъ ждетъ какихъ бы то ни было реформъ, злосчастный законопроектъ о раскрѣпощеніи кавказскихъ крестьянъ лежитъ у васъ уже два года. Въ думѣ не нашлось ни одного человѣка, который взялъ бы на себя разработку этого законопроекта, да нѣтъ и лица, которое хотя сколько-нибудь было знакомо съ положеніемъ этого дѣла на Кавказѣ... Спѣшность законопроекта (о кредитѣ переселен. отряду) признается въ то время, когда масса другихъ категорій крестьянъ, такъ назыв. хизанъ, изгоняется помѣщиками на Кавказѣ съ насиженныхъ мѣстъ. Спѣшность этого законопроекта признается тогда, когда кавказцы умоляли, просили въ продолженіе десятковъ лѣтъ о введеніи земства на Кавказѣ... когда цѣлая Кутаисская губернія голодаетъ вслѣдствіе недорода и когда надо было прежде всего подумать о помощи этому населенію... Но есть ли возможность перечислить всѣ насущныя нужды, назрѣвшіе давно вопросы кавказской жизни, которые требуютъ безотлагательнаго рѣшенія? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ и Дума и правительство не обращаютъ ровно никакого вниманія, и въ то же время вамъ преподносятъ спѣшность законопроекта, который, въ концѣ-концовъ, сводится къ тому, чтобы тамъ, на Кавказѣ, посѣять смуту, создать благопріятную почву для обостренныхъ отношеній между пришлымъ населеніемъ и кореннымъ. Гг., я думаю, такая окраинная политика, которой придерживаетесь вы, смѣло могу сказать, къ добру не приведетъ"...

„Едва ли требуется что-нибудь прибавлять къ этой уничтожающей критикѣ окраинной политики Думы 3-го іюня, поэтому мы переходимъ къ выводамъ. Первый выводъ, который слѣдуетъ изъ неосуществленнаго Думой обѣщанія успокоить страну реформами, тотъ, что Дума вполнѣ считаетъ себя правой, полагая, что разъ населеніе и безъ реформъ спокойно, то къ чему онѣ, эти реформы?..

Слѣдовательно, до тѣхъ поръ, пока кавказское населеніе будетъ такъ же, какъ и теперь, инертно ожидать отъ господской Думы улучшенія своего положенія, оно какъ ушей своихъ его не увидитъ.

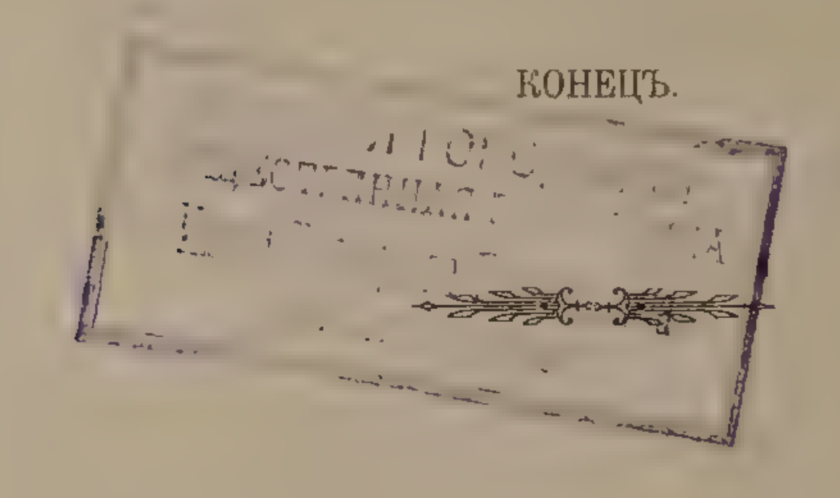
Другой же выводъ таковъ. За послѣдніе 10 лѣтъ—бюрократія и за послѣдніе 4 года —„народное общероссійское представительство", централизованныя въ С.-Петербургѣ, показали свою полную *неспособность* къ творчеству обновленію общественныхъ условій жизни кавказскаго населенія.

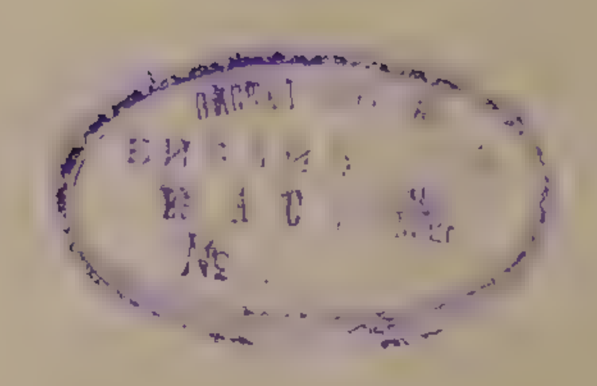
Много было потрачено чернилъ на составленіе всевозможныхъ проектовъ и по аграрному, и по административному, и по землеустроительному, и по земскому, и по многимъ другимъ вопросамъ кавказской жизни... Но ни одинъ изъ этихъ проектовъ не былъ осуществленъ... несомнѣнно, прежде всего, вслѣдствіе чрезмѣрной централизаціи и бюрократизаціи административнаго и законодательнаго аппарата, которому оказалось не по силамъ справиться съ выдвигаемыми жизнью вопросами... И только лишь съ децентрализаціей и демократизаціей этого управленія возможно ожидать, что всѣ эти животрепещущіе мѣстные вопросы будутъ, наконецъ, рѣшены. На этомъ сходятся обѣ полярныя организаціи, представляющія на Кавказѣ главныя борющіяся силы нашего времени: кавказская рабочая партія, на съѣздѣ 1906 г. провозгласившая необходимость для Кавказа широкаго *областного* самоуправленія, и Намѣстникъ Кавказа, въ своей всеподданнѣйшей запискѣ 1907 г. доказывающій, что существующая централизація управленія Кавказомъ недопустима и опасна, „такъ какъ она ведетъ къ разобщенію государства".

Этимъ мы и закончимъ настоящій свой трудъ. Сознаемся, что въ немъ имѣется очень много недостатковъ, но—мы рѣшились печатать его лишь потому, что въ Кавказской литературѣ на рус-

скомъ языкѣ по исторіи ликвидаціи крѣпостного права давно уже ощущается большой пробѣлъ: и если изданіе нашего труда оживитъ общественный интересъ къ трактуемому нами вопросу и облегчитъ хоть нѣсколько кавказскимъ депутатамъ проведеніе законопроэкта 34-хъ членовъ Государственной Думы или хотя бы проэкта Гр. Воронцова Дашкова въ редакціи 1905 года, то мы будемъ считать этотъ трудъ не безполезнымъ.

КОНЕЦЪ.

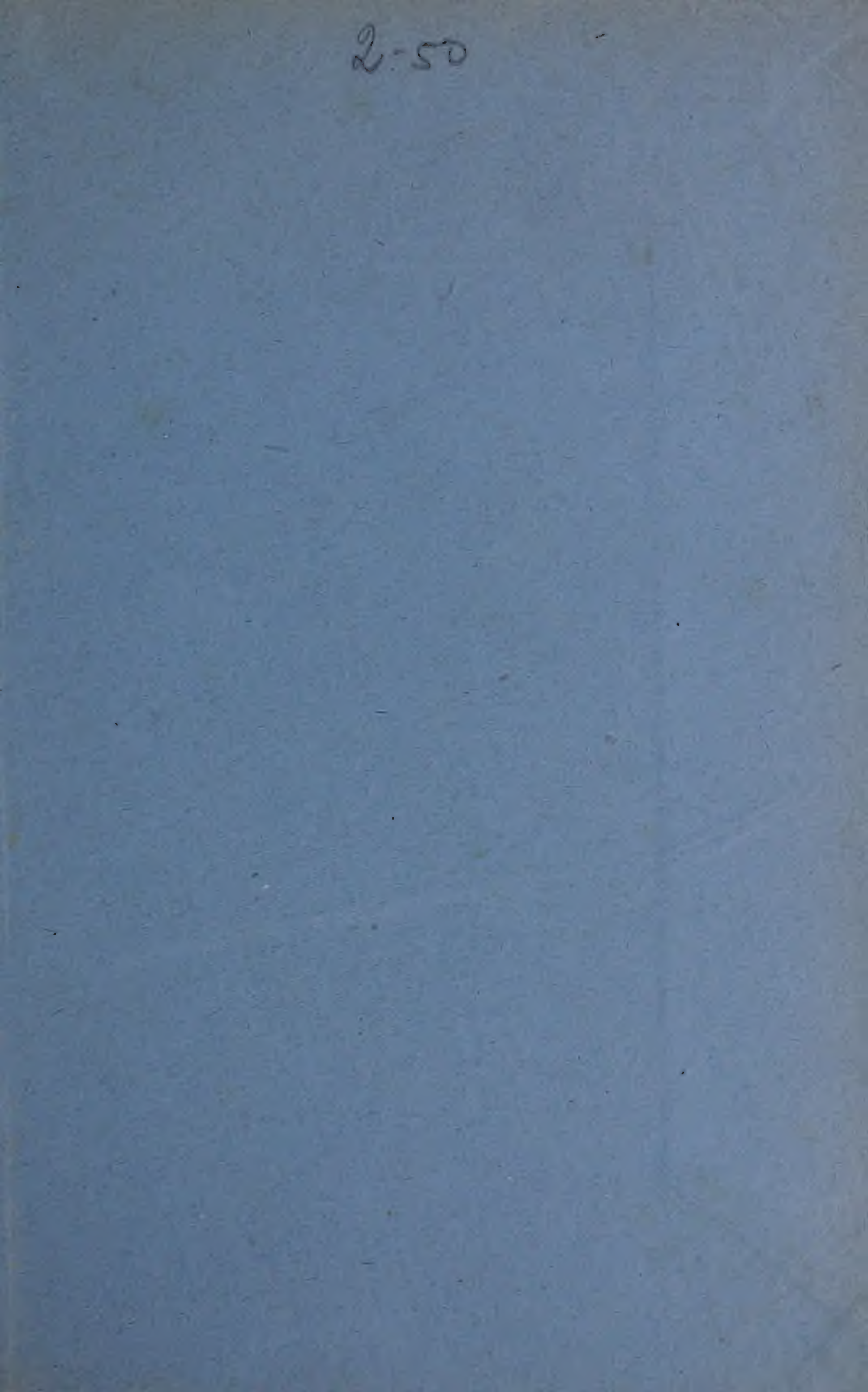

Оглавленіе:

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.	Строка:	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ:
10	3 снизу.	прекращенія крестьянъ	прекращенія зависимости крестьянъ
11	1 „	етретьй	третьей
15	8 „	подателей	податей
20	1 „	олмилліона	полмилліона
34	15 „	3.524.650	2.524.650
44	11 сверху.	кадальную	кабальную
96	7 снизу.	54%	46%
96	6 „	66%	68%

2-50

